

Александр Акулов

РЫЖАЯ ПРОЗА

Последнее добавление 01. 06. 2025

Александр Акулов

РЫЖАЯ ПРОЗА

© Акулов А. С. Тексты 1982 — 2025

© Акулов А. С. Рыжая проза. 2016

СОДЕРЖАНИЕ

БЕРЁЗОВСК-8 за Арзамасом 26. Эк-роман-лёт (61)

РАССКАЗЫ

Рыжая песня

Жизнь на планете Уйо

Крыса

Огонек

Бабье лето

Клио ("Усьямрупи")

До Клио

Мирон

Письмо к Гоголю

Далеко за бугром. Воспоминание о поездке в М..шанск

ПОСЛЕДНИЕ СУЩЕСТВА

1. Бьеппо

2. Узвалино

3. Ондорико

СНОВИДЕНИЯ

1. Третье

2. Анге...

3. Сегодня — позавчера

4. Вокзал

5. Цепочки

6. Суп с котом

7. Ламино

8. Отрыв

9. Кратер и повтор

ОЧЕРКИ

Небесные явления

Фенологическое

Порталы

После вторника — четверг

Дежавю

Не Котик

Фрагменты и вырывы¹ из текста

**Берёзовск-8
за Арзамасом-26**

эк-роман-лёт

(чтение для сверхчеловека)

61 из 7500012

...Пилеволе — главное в реальности. Умиравший начинает врать сам себе, на пару секунд погружается в галлюцинации о потустороннем мире. Но в пилеволе даже семь-девять атомов дления — почти вечность, а дурманные видения — твёрдая действительность, что размножается, распрямляется, зудит, превращается в кватердециллионы одновременных жизней... Стоп! И обычное бытие до названных секунд — дорассветное мудрствование той же природы, обман, иллюзия, неправильная попытка постижения того не знаю чего — игры пилеволе в волепиле...

¹ Вырыв — в отличие от термина начертательной геометрии, само вырванное.

Всходит месяц обнаженный
При лазоревой луне

ПРОЛОГ-111

Всевозможных рукописей Михаила Ревякина осталось немало, хотя он и относился к писателям, еликие до первого приступа геморроя не пользуются туалетной бумагой. "А ведь хранил, хранил! Таковую-то фигондерию!" — брезгливо воскликнул я. Кому она понадобится? Небось воображал, сулит великий дар культуре! Расплодилось горелитераторов больше, чем крыс и воробьев. А бардак и пылища вокруг! Где взять Геракла, который очистит эту конюшню? Сюда бы Прометея с напалмом или Герострата с канистрой бензина. Но стоит ли мечтать? Довольно и спички у Мальчика-с-пальчика. Однако нет. Нужно средство иное. Я ударил кулаком в шкаф из фальшивого ореха и услышал звон металлической дверцы. Пришлось доставать связку с ключами. Их было штук семнадцать. Какой из них подходит? Для передыха сел в шезлонг и принялся размышлять о том о сем. И в первую очередь — о Михаиле.

— Мы с Сидоровым выпиваем по полтора литра водки — и ни в одном глазу, — когда-то бахвалился Ревякин в телефонную трубку.

— Хе-хе, друг! — спрашивал я его на следующий день. — Не ты написал статью о духовной

наркотизации России? И приплел туда ни к селу ни к городу Мерло Понти?

— А что? Написал! — воскликнул Михаил и забубнил длинно и туманно о моральных проблемах церковной мыши.

— Вот тебе наркотизация! А сам говорил, полтора литра водяры выпиваешь, — перебил я его.

— Не я говорил, — скромно ответил Ревякин. — На писательские трудодни не проживешь и не напьешься. Подрядился маляром в музей Ивангорода и заодно в заграничный монастырь. Буду ходить по мосту через Нарву до эстонского автобуса.

После того не минуло десяти суток, как Ревякин употребил свои "фронтовые" литераторские полтора литра, но почему-то всосались они не совсем типично. Отправился радостно-наркотизированный Михаил в лучший мир, не доехав ни до крепости в Ивангороде, ни до монастыря вблизи Кохтла-Ярве.

Попробовав воткнуть ключ в несгораемый шкаф, я обнаружил в замочной скважине засохшую жевательную резинку. Не собираясь чистить, машинально повернул ручку. Стальной сезам открылся. А в нем — папки. Папки. Здоровенные, архивные. Внизу — ящики с картотекой. Желтые, но аккуратно расположенные куски картона. Да здесь не Михаил Ревякин трудился! Это дело его брата — выпускника Московского историко-архивного института... Что там Михаил сболтнул по пьяни? Де брат — полковник неких фантастических ДРД-войск. Работник спецслужбы Пи-З-дзет... (или, бзэт?). Слава богу, забыл точное название! Чем меньше знаешь

— тем спокойнее. Про существование этой склизкой конторы ни один черт не ведает! Но я ухмыльнулся, отбрасывая в паутину папки с надписями: "М-ский треугольник", "Невидимые ракетопланы", "Плазменные НЛО". О-о! Заметил другие паперки! Ах ты, Митрохин номер два хренов — изменник уродины! Интересненько поступал. Проносил копии документов в плавках через проходную! Накручивал на член и наверняка фольгой от плавленных сырков обертывал! Возникла лишь заморока: до Лондона не добрался! Пристукнули, по слухам, на Рязанском проспекте без суда и следствия. Но провести обыск у родственничков за пределами Московской области не догадались! А это? Якобы особо прочные магнитные диски фирмы "Барракуда". Э! Господа-товарищи! Разматывать глюковые терабайты можно всю оставшуюся жизнь — и времени не хватит! Нужно дополнительно сотню жизней подзанять! Ах, пэ-рэ-сэ-тэ! Еще окрашенный под орех шкаф! Не найти только щелкунчика с мощными челюстями, расколупать его оболочку.

* *

За три рейса я вывез нежданное богатство в Рощино. Легко догадаться, ваш покорный слуга оказался не таким уж трудоголиком, чтобы изучать предназначенное для HSIS, а то даже просто для МИБ добро. И конечно, не стал звонить в контору на Литейном, 4. За отсутствием иных вариантов затеял наобум вытаскивать документы и соединять их в порядке, наиболее подобающем на первый взгляд.

* *

Добавить новую подробность? Опрокинули в омут заворотокишечного закосмического ужаса во-все не угрозы деятелей ФСБ, ГРУ или внешней разведки. Не марсиане и не потусторонние силы из иных миров. Именно я начал угрожать себе. Вмиг допетрил: некоторые негосударственные, сугубо частные бумаги из секретных шкафов составил сам. Но когда? Ничего из описываемых в них событий не помнил, но вот изобретенные мною словечки, свою манеру выражаться постиг сразу. Не надо приглашать экспертов-матлингвистов! Однако провалами памяти я не страдал, зазоров или покрытых тайной стыков в биографии у меня не было. Прошное обозримо как пять пальцев на правой руке. Даю левое яйцо на отсечение.

* *

ПРОЛОГ-422

Сов. секретно

Записка подлежит немедленному уничтожению
после прочтения

Подпись. /Л. А. Фотиева./

Феликс Эдмундович!

Простите любезно, милейший, но подтверждаю еще раз мое предыдущее распоряжение по этой теме. Признаюсь, Троцкий меня понял неверно, но все-таки гораздо лучше ваших чекистов! В первую очередь обратите внимание тт. Уншлихта и Агранова на религиозную сволочь среди философов и писателей, а равно на зараженных поповщиной ученых. Смотрите, как удобнее: поездом в Ригу или двумя пароходами из Петрограда. Главное — отправить лукобесов вон из страны.

Теперь о буржуазно-феодалных словесниках, логиках, махистах, прудонистах, агностиках, релятивистах и других рупорах светских измышлений. Интеллигентскую нечисть (профессора Борисова, Семковича, Кагатовского и проч.) арестовать, и только позволят обстоятельства, сослать на восток, куда-нибудь дальше Перми, а то и в Сибирь. Пожалуй, больше подходит Сугримск. Пусть живут там сиба-

риты и нэпствуют, но под строгим присмотром красногвардейцев. И физическую трудовую повинность им часа по полтора в день помимо умствования и торговли! Хотя бы делать порох! Иначе не давать им конских колбас! Не забудьте, что я говорил о тунгусском случае. Благо, перепуганный царь сжег не все бумаги о взрыве. Вот заодно поселенцы поломают головы на досуге. Да охранять их как следует!

Председатель СНК *В. Ульянов (Ленин)*

21 мая 1922 г.

000....

УКАЗ

**Президиума Верховного Совета РСФСР
"О переименовании
автономного закрытого города Сугримск-4"**

23 октября 1940 г.

Переименовать автономный закрытый город
Сугримск-4 в Бериевск-6.

Председатель Президиума Верховного Совета
РСФСР

А. Бадаев

Секретарь Президиума Верховного Совета
РСФСР

П. Бахмулов

Москва, 23 октября 1940 г.

000....

УКАЗ
Президиума Верховного Совета СССР
о переименовании
автономного закрытого города Бериевск-6

27 августа 1953 г.

Переименовать автономный закрытый город
Бериевск-6 в Березовск-8.

Председатель
Президиума Верховного Совета СССР
К. ВОРОШИЛОВ

Секретарь
Президиума Верховного Совета СССР
Н. ПЕГОВ

Москва, Кремль. 27 августа 1953 г.

* *

Для П. я. 716/443-8
И. № 00 9764-Д

Москва.
Секретариат Президента СССР

Кремль.

Рачинскому Г. Я

Уважаемый Григорий Яковлевич!

Ваши проекты мне на стол положили. Почитал и с удивлением узнал о еще одной злободневной вещи — проблеме раскупорки Березовска. А ведь многое мы без того легализовали. Но вопрос можно повернуть по-другому. Буду откровенен с вами: в Москве о диком фортеле никому не посмел бы сказать. Мы сломали Берлинскую стену. И на тебе — привет! Я почти уверен: стена восстановилась и потихоньку движается в нашу сторону, уже готова разделить союзные, затем и автономные республики. Или уничтожить их. Европа, похоже, объединяется, а мы... Идет мощное давление. Но пусть люди разберутся.

Я думаю так: если раскупорим Березовск, не закупорится ли СССР? А не закупорим сами, то закупорят нас. Не вообразить всего, потенциально выходящего из закрытых гуманитарных НИИ и расползающегося по планете.

И разве Ваши референты не помнят об Арзамасе-26? Греметь тройным кольцом "ящиков"? Являть просвещенному миру? Я слышал, у вас могут воскрешать организмы. Воскресите лучше Менакера.

М. С. Горбачев
29 сентября 1991 г.

В последний раз спрашиваю: "Куда там запропало подлинное тело Владимира Ильича?" Пришло время сообщить: пока я Президент СССР — не остановлюсь перед любыми мерами, чтобы это выяснить.

Часть первая "ПЕРИСКОП"

Погружение-312

Левый угол стал постепенно оплывать. А настроишь зрение на близь — покажется: из темного нутра торчат сероватые гвоздики. При взгляде в самую даль делается совсем плохо и подташнивает. Нутро первореальности чутся гигантским, в нем свербит не черное, не мрачное — ни с чем не сходное. Стараюсь не дергаться. Можно считать: мы люди, которыми были... Я человек и не более. А всякие углы... Ну их! Фокусы хоро-медицины слишком обнажают невзрачную действительность. Око-чурился бы и окочурился. Бублик от дырки. А здесь живи и бодрствуй. Хи-хи! Без левого нижнего угла! С кипящей в нем первотерией. Пардон! Какой инфантерией?! Едва не купился на академическую лажу. А это? Хо-хи-хи! Телефон позвонил. Чудеса в решете! Точнее, из-под решета!.. Нет разницы между сном и ... Эх, припеки с наварами, пончо мать! Эх, тригонометрия японская! И несомненно, на том конце кто-то одушевленный. Но зачем мне? А решето в моем положении? А сон? Давно забыл о нем. Прежде спускались сон и сновидения. Даже поверить трудно. Так-таки вливались, словно живые. Бытие — воля и представление. Что представляешь — то и есть. А прогуляться? Вот, вельбот! Обычное *выйти на улицу и пройти пару кварта-*

лов — никак нельзя. Потайная пружина втягивает назад. Иногда незримого трона-подиума нет. Это африканское претворение в интактного духа, возвращение сердцевинных истин дается не сразу, а рывками, по частям. Не требуется и голова профессора Доуэля. Фантасты догадались отпиливать голову. Отпиливать чисто воображаемое? Вечное, премудрое шествие из ниоткуда в никуда. Не надо его прятать. О! Зря подумал. Чую пузырение...

Погружение-814

В длинном дворе — старый деревянный дом и маленький домишко с террасой. На ней шумная компания. В главном доме три человека и собака.

— Что там? Что там?

— Там! Там! Да как назвать то, что там! До сих пор не понял. Пьеса только начинается. А начнется ли?

Он распрямил руки, вместе со стулом отодвинулся и зацепил стеклянную безделушку. Раздался звон, а вслед за звоном — твяканье выскочившей Ринки. Болонка зарычала громче, агрессивнее, выщеривая в качестве кукольной угрозы тонкие зубы. Стало звенеть в ушах.

— Еще не хватало. Всю жизнь о подобном мечтал...

— Хох! Сейчас на террасе узнают о твоём прибытии. Тогда поплачешь.

— Не плакал сто двадцать пять гармошкиных лет и сегодня не заплачу, но скверно, если узнают.

Впрочем... Плохо будет не мне. Мне уже тутошнее не страшно.

Болонка почувствовала: может оказаться причиной чего-то ужасного, пискнула и замолкла. Она словно бы вспомнила то да сё похожее, но более мелкое по значению, и даже повела носом направо, потом налево. "Способна ли она отменить тяжёлое, необоняемо склубившееся где-то высоко, выше лежащих на небе белых нестриженных пуделей?"

Георгий воззрился на лоб животины, но проникать в ее душу не хотелось: "Многое там скрывается, хватает иных забот". Он заходил по комнате. Его космы некрасиво сбились на один бок, разрушая форс четырехдневной щетины на щеках.

Мариэтта Петровна глянула в окно на летний домик. Оттуда доносились громкие голоса и смех. "Не пропустить бы, когда кому-то из веселящихся вздумается зайти сюда", — встревожилась она.

У другого окна сидел в меру упитанный флегматик и лениво произнес:

— Не нужно устраивать пе-ре-по-лох. Обнаружат. Сразу побегут докладывать?

— Какой ты, Семен, однако! — воскликнула Мариэтта Петровна.

— Был. Не был. Разница-то в чем? Мир поменялся.

— Но у вас не изменилось ничего, — сквозь зубы проговорил Георгий.

Свет бросил на пол изломанную тень его туловища, а внизу на стену у плинтуса — почти точный профиль лица.

Комната увешана картинами. В них звучало слабое эхо благополучно сгинувших "материковых" нонконформистов, но в целом впечатление оставалось ярче. Эта обстановка подчеркивала двусмысленность ситуации: картины будто собирались бежать.

— Куда теперь? — задала неотвязно нависший вопрос Мариэтта Петровна.

— Имеете в виду легально? Только в материал!

— Ха-ха-ха! — нервно выдавил из себя флегматик. — Зато пожил на славу! Рай и ад посмотрели. В отличие от андропод. Надо же... Всю вселенную насквозь! Не просто Солнечную систему!

— Попрыгунья Стрекоза... — пропел в тон Георгий.

— А я бы согласилась побывать Стрекозой! — заявила Мариэтта Петровна.

— То побывать! — усмехнулся Семен. — Лишь побывать и я бы не отказался.

— Кто мешает вам обоим отправиться в заведение Пафнутия? На триста процентов присутствуете.

— Терпеть не могу цирк, носовые платки, слюнявчики и скафандры, — прогудел Семен. — Где наблюдали стрекозу в скафандре?

— И с титановым канализационным коллектором между крылышек, — добавила Мариэтта Петровна.

...во флигеле:

"Ну, и? — спросила Полина, разглядывая себя в зеркале. И ответила: — Есть нужно меньше. Вернее, нужно не то есть. И тогда все будет хорошо. Иначе чуть-чуть не того — и станешь уродиной. А здесь выкладывают на стол пудинги с мальтозой".

Докатился новый взрыв хохота. "Богема несчастная! И у них — мальтоза! И еще мало! Сейчас направятся в «Сьерра-шараду!»"

— Полина! — донесся голос архитектора. — Куда запропала? Уходим.

— В «Шараду»?

— Очень нужно напрягаться. В «Неоновый»!

— А «Ву-а-ля» не надо?

— О-хо-хо! Не издевайся над престарелыми перестарками. Теперь это слово читают совсем по-другому. Совсем уморили каллиграфы. И мягкий знак у них родился, и второе "в"...

— Знаю. И меня к этим напиткам?

— Пусть в меру... — голоса стали тише, публика вывалила на улицу. В зеркале появилось изображение, и Полина не испугалась, когда плеча коснулся Тер:

— А давай, не пойдем в дурацкий "Сперматозоид"! Обойдутся и без нас!

По физиономии Полины поплыли, быстро сменяя друг друга изумительнейшие чувства. Она приоткрыла окошко и крикнула:

— Гуляйте, ребята без меня!

Завязка-предвязка

Привет, Галя! Это не кто-то, а именно я — Петя. Не обращай внимания на странный конверт. Или ты меня похоронила? Да не умер я, не умер. И в Африку-Америку меня не послали. Увы, не мог ничего говорить толком. Находился под надежным колпаком. У нас это умеют обустройства.

А ныне я в России и все же вне ее. Есть такое удивительное местечко между Европой и Азией. Не значитсЯ ни на одной карте. Таки корова языком слизала. Со спутника нормально не сфотографировать. Чудеса науки и техники, какие Большой земле не снились. Одно покажут, другое спрячут — в итоге будто бы сплошная тайга. А на самом деле? Разоблачить несложно. Достаточно сравнить с дореволюционной картой Российской империи. Там место населенное, а ныне официально словно бы под землю провалилось.

Вместо кольцевых дорог — запретные зоны, номерные предприятия и черт знает что! Но в целом еще

похоже на обычную жизнь, если, конечно, особо не присматриваться. Зато в центре, центре. Ух, ты! Вместо милиции разгуливают красногвардейцы, чаще бабы, в униформе чуть не двадцатого года. А власть — вовсе не рабочих и крестьян, как следовало бы ожидать. А потомков тех господ, что входили во Временное правительство, Учредительное собрание, колчаковские министерства. Но еще мало знаю, чтобы под этим подписаться. Только сегодня выяснил: на самом деле изначально всем заправляли, те, кого не отправили с каким-то там... философским пароходом. Бред какой-то. Надо будет проверить, походить по местным музеям.

И думать не думал, что здесь окажусь? Какие "черные дыры", какие полчища гнуса вечерами вращаются здесь вокруг каждого фонаря! А что за чудище я встретил в лесу позавчера? Какую-то парнокопытную рысь! Помесь рыси с антилопой! Да такого и не бывает, и быть не может! Подобное не сотворил бы и доктор Моро! Но я — видел! Правда, меня попытались осмеять старожилы. Говорили, это помрачение ума от болотных испарений. Болото де не совсем простое... Вот уж утки! Фигушки! Расскажите что иное! Раз видел — значит видел! Скорее можно усомниться в дважды два — четыре.

И вот еще фокус. О нем следовало бы промолчать. Да я переправлю письмо с оказией. Ну, а ты, я думаю, просто примешь к сведению, а разбалтывать никому не будешь. Где-то позавчера проходил мимо пруда или искусственного озера. Так себе озеро. Где-то с квадратный километр. А на нем — хи-хи! — подводные лодки! Да здоровущие. Северодвинск прямо или Полярный! А сверху озера, на высоте метров сорока, —

настилы, всё, настилы... Это, понимаю, чтобы шито-крыто было для чужих спутников... Только не совсем ясно. Слышал, от самолетов-разведчиков и спутников-шпионов защищает кое-какая электромагнитная алхимия. Значит, настилы — или сохранились со старых времен, или — на пожарный случай, как говорила та старая дева, надевая презерватив на варешку: "Береженого бог бережет!" Но всё равно дико. Прямо в Страну Бармалеев попал. Под землей эти подводные лодки плавают? Или их на летающем блюдечке куда-нибудь в Индийский океан доставляют, чтобы мыть в его водах противогазы и бахилы?

Письма отсюда, конечно, не доходят, но как сказал, найду способ отправить! Будь покойна! Обману всех. И передавай привет Сибкину, он в курсе моих дел. Не забудь про картофельное поле. Ну, ты там понимаешь, на что я намекаю!

"Письмо перехвачено УФСБ по Пермской области и переправлено с фельдъегерем в ЧК² Арзамаса-26"

ИНД 000-7654947569

/ Это второе из семи похожих писем./

² ЧК — самостоятельный орган, возникший на основе местной красногвардейской контрразведки. В Сугримске-Березовске и прилегающих к нему территориях никогда не было отделений НКВД и соответственно — ГПУ. Тактическое временное переименование Сугримска в Бериевск сохранило такое положение, а позже позволило увеличить число специалистов в необычных областях науки, техники, культуры. /Прим. составителя./

ВЫДЕРЖКИ ИЗ РАЗРАБОТАННЫХ ОТВЕТОВ (письма отправлены адресату)

Дорогой Петя!

Письмо получила. Очень хорошо! Но ведь ты сбежал! Сбежал! А теперь словно бы заманиваешь в соборники. Правда, заманивал и раньше, до отъезда. Для чего?

Пишешь то и се, но местами невнятно. Да что за глупости? Я всё помню... Я же в своем уме. Отчего ты называешь Плащинского каким-то Сибкиным? Что за странная описка? Или ты решил меня специально проверить? А намеков не надо. Открытого текста у тебя предостаточно! Дальше некуда. Кромешных тайн уже ждать не приходится. Поэтому греть бумагу для проявления на огне, выискивать что-то между строк, не буду. Сам требуешь молчания и тут же просишь передать приветы. Как-нибудь разберись с собой.

Равно боюсь писать "До свидания" и "Прощай".

Целую. Бывшая твоя Галя.

P. S. Если многое разузнал, то наверняка сможешь перейти эти дурацкие кольца и заграды. Давай договоримся! Буду ждать тебя, скажем, а К-се или похожем месте. Ты запросто туда-сюда обернешься за пару часов. Да и выходные дни у вас там есть! Зачем эта вечная ссылка?

Что-то ты совсем разманюнился в своем малобабном Ф-секторе. Шатенкой я всегда была, шатенкой. А уж в каких там сновидениях ты брюнеток увидел, не знаю.

ИЗ ОТВЕТА АДРЕСАТА

Конечно, попробую осторожненько поинтересоваться. Местные многое знают. И всё-таки сомневаюсь. Переписка, сведения об озерах... свалились неожиданно. А дорога... Хм... Это — большой ребус. Слышал, можно передвигаться, минуя кольца. Неким сверхсовременным путем. Здесь попадают бог знает куда без старта с Земли и ракетоносителей. Увы, по службе далек от всего этого.

ИНД 000-76559647804

Трик-экспозиция

Из посадок выбежал молодой лось, скакнул перед бампером автобуса, оглянулся, то сё сообразил про себя и помчался к линии горизонта. "Километр в секунду! Был возле — и уже в иной дали!" — прикинул Николай.

— Быстрее самолета, — обронил водитель.

— Ровно артиллерийский снаряд. И представить трудно, — поддакнул Николай.

— Снаряд не снаряд, но... будем считать, искажаются восприятия на этих ясных просторах. Лошадь может показаться размером со слона.

Аэродром пропал из вида. Миновали длинный туннель, и дорога пошла через второе кольцо Арзамаса-26. Здесь Николая настигла мысль: возвращаться назад не придется. А ландшафт? Что за пейзаж? Гигантские застывшие, но еще переливающиеся языки пламени. Ими заполнено пространство вне дороги.

— Красная зона, — отозвался на недоумение водитель. — Подобных зон не счесть. Некоторые ныне пусты и относятся к Березовску, а не к Арзамасу. Пламя сделалось холодным, в нем есть тропинки для туристов. Используют вместо лабиринта.

"Да-а! — решил Николай. — Это вам не Златоуст-36, не Пенза-19 или Свердловск-44!"

Возникли напоминающие газоны луга. Над ними возвышались поставленные на попа большие и малые "дирижабли", собранные в сотни батарей. И рядом с шоссе — поле. Земля чернее антрацита, а в ней — неглубокие ямы-траншеи и согнутые, как при прополке, люди, но выдергивали они из антрацита не сорняки, а модели геометрических фигур: пирамиды, цилиндры, шары, кубы...

— Не заморачивайся, — молвил, поворачивая руль, Харон, — ничего из происходящего нет в природе. Слегка подтаявшие замороженные сновидения.

"Наконец-то дождался комментария!" — подумал Николай и проговорил вслух: — Не внутри ли коры головного мозга мы едем?

— Почти. Но кора вовсе не кора и не принадлежит конкретному субъекту. Не повторяй материковые бредни о коллективном бессознательном... Такого не существует.

— А наличное перед нами?

— Наплав. Вернее, наплыв внутренних соков из человеческого древа, если выражаться фигурально.

— Тогда к чему шары, пара- и криволипепеды?

— Ха-ха! Должно, за ними ты сюда и приехал!

У Николая моментально угас интерес к самосушим объемным картинкам ни для кого.

Часть 22827

...дохнуло свежестью. Донеслись звуки, много раз бывшие в предыдущих снах. Словно пластмассой ударили по пластмассе. Да какая пластмасса! Отчетливее слышалось: "Карр-лл!", "Кар-р-лл!", "Карр-лл!". Наваждения ушли, но остается их звон, их эхо. Но "Карр-лл!", "Карр-лл!", "Карр-лл!" летит через широкую форточку с Шахматной площади. Ясно представляются черные и белые квадраты из огромных искусственных минералов, бронзовые часы-фонтан в центре. Он не помнит фигуры, поддерживающие часы: амурчики не амурчики, ангелочки не ангелочки, "лели" не "лели"; всё единое бронзовое сооружение. Чуть не из позапрошлой жизни. Не исключено, звук "Карр-лл!", "Карр-лл!"

производит не ворона. Куда ей, серой! То иная птица, черно-бело-шахматная с длинным хвостом, жуткий гибрид чайки, сойки и галки. Да! Больше в ней галки, но только крупной и длинной галки-кларки. Может ли она делать "Карр-лл! "? И догадаться сложно: прыгают по фигурам фонтана одни, а в стороне карлкают другие. Карл. Клары... Вот-вот! Где, где мои кораллы?! А в сновидении были шахматные пластиковые кораллы и стучали друг о друга.

Не сразу понял: нынешняя площадь напоминает рыночную. Ту самую с двумя купцами — основателями города Сугримска. Чем? Чем? Ни грана общего! Здесь если не оригинальность, то явно триестское, пражское, рижское. А там? Сотворенные из обручей абстрактные "Минин" и "Пожарский"! Плюс топоры да срубы, камни и кирки... Контур стога аналогичный, но непохожи здания. Стоп! Еще рифма! Площадь Эрнста Маха с памятником³ Маху из спирального мебиусно свернутого сплюснутого бублика. Главная дырка внутри спирали специально увеличена, чтобы издали не виделись меньшие просветы. Дырка в форме земного шара. Весь мир — дырка и ничего в придачу. Не сообразил: часы на Шахматной такие же... Имеющие форму маховской дырки. Мы далеко потопаем! Как всё подстроено — и ни слова в проспектах! Постигайте, пожалуйста! Хорошо! Пусть Мах. Пусть часы. Шахматы. А купцы при чем? При том! Вымостка тех же раз-

³ Воздвигнут в 1926 г по распоряжениям А. Луначарского от 1921 и 1923 гг., но эскизы наркома отвергнуты из-за эстетических разногласий. Иногда к авторам проекта ошибочно относят Александра Родченко. Современный модифицированный вид сооружение приобрело только в 1955 г.

меров, одинаковоугольная, по золотому сечению расчерченная; пешеходные дороги проходят в стороне или внизу.

Субпролог

минус 17819164 логопарсек (лп)

Купцы Фома Крыжак, сын Рогов, и Петр Скворица из земли Галицкой, в волости Пиштымской находясь и разговоры казаков Семенушиных проведая, остановица доле решиша у Пиштымки-реки, а оставшись до мисяца иулия, испросиша у Макария, дьяка, неприти на взrobe рудники серебряны. Думав зело, да приняв в дар от купцов шесть жбанов вина монастырскаго, дозволе дьяк рудник почати между Пиштымкою и Сугримкою, но не захоте дать казаков и казачонков в помозь, вдругорядь три бадьи вина запросив. Тады ины поступиша Крыжак и Скворица, самоуправство чинити. Для того созвах Крыжак голытьбу из трех деревень Арашуских и рече: "Освободе кто желае от болярина, приходе сюды насовсем. Крепости нет на вас, не перед кем отчет держати. Пахати неча зря неудобь и бысть задаром чужими холопиями".

Но посла болярин Арашуский за казаками устьинскими — и притопе на сход ясаул из стана со казаками от Большой Пишты. По сем же пред бедною вопрошати ясаул глаголя: "Аще ли будете из огни да в полымя, иттить в ново томительство?" Холопия, рты пораскрыв, на мисти своем соосташа.

Ясаул тот быв росту саженного, а ума слабого, трезвости не зна. В шинок зашед со кумпанией из Пишты. Бит бысь шкердами нещадно в оный же день. Премного пив после того, да захмелев гораздо, конёв потеря. Егда же пьяница сей истребовати хуторских конев шед, пьяный полезаша мимо броду в Сугримку и утонеша со двумя товарищи.

А Фома Крыжак и Петр Скворица основаша рудники разны медны и золоты и слобод создаша числом немало, и оные назваху гарадом Сугримским через осемнадцать годов.

Сектора и Рулетка Аполлона

— Там в СССР осталось всё буржуазное, а вернее, кулацкое. Архаические театры. Редакции. Издательства. Невнятные музеи. Чудовищные галереи. Академии. Куркулиное нечто. А то и вовсе феодальный социализм. Только начинка рабоче-крестьянская. А так — хуже некуда!

— У вас лучше?..

— У нас наоборот и сразу — формальный пролеткульт, но с дворянско-буржуазным содержанием и модернистским вывертом. Жаль, у нас не было контактов с Латинской Америкой, Испанией и Францией.

— Понял. Будь этот контакт. Произошла бы романо-русская мировая революция. Но не слишком ли всё это однообразно и под одну гребенку?

— Забываете рулетку. Она враг всякого ведущего стиля, скоротечной моды, подражания и глупой тусовки. Партийности, как вы называли. Сверх того, пунктирно сохраняем рецессивное. Из нетей то одно выныривает, то другое.

— ...?

— Что не проходит — в архив. А архивы не уничтожают, ставят на рулетку. И отвергнутое имеет еще шанс выйти в свет и не раз.

— Что-то не впечатляет такое протираание нафталина.

— А зачем университеты?

— И зачем университеты?

— Там и есть те самые Недостоящие сектора. Каждые пять-десять лет на планете существуют только 1/1000 возможных направлений искусства и литературы, философии. Остальные 999/1000 в малых, но достаточных количествах синтезируются здесь. Привлекаем даже студентов. Есть все методики.

— Байпас рулетки?

— Не сказал бы. Недостоящие сектора ни от кого не скрывают. Многое сразу же идет в дело.

— А как с одурением, с провалом в бесконечность?

— ...есть многое, Горацио, на свете

ВНЕ ПАПОК

Обе сестрички любили мотать деньги и как-то незаметно свалили на меня свои финансовые дела. А затем и многие прочие. Уходя, выслушал от Агнии

массу слов о бумажках с водяными знаками и просьбу купить какой-нибудь приемник для... кошки. Торопился и не придал последней фразе значения, но по дороге ее вспомнил. М-мм... Случалось, Агния оставляла для животного музыку. Так и продолжала бы дальше. Но радиоприемник? Что же кошка должна лапами нажимать на его кнопки? Или приснился весь разговор?

"Алло! Ты говорила про..."

Да не буду звонить. Еще чего!

.....

.....

Обстановка в магазине неприятная: масса моделей, но почти все убогие, допотопные, с переменным конденсатором. Выискивать нечего. Сейчас продавец начнет "консультировать" и наверняка или что-то сморозит, или скажет пакость.

— Ищите приемник? Какой вам надо? — спросил безбровый казчик.

— Для кошки.

— Красный или лимонный?

У-у... Вдруг кошка его куда-то заткнет, будет трудно искать...

— Лимонный!

Казчик взял с полки коробочку, вытащил из нее что-то вроде будильника. Похоже, ничего дальше не делал или просто надавил на корпус, но загорелся

индикатор. Послышались звуки, нечеловечьи, некошачьи...

— Всё работает! Выписывать чек?

Я вернулся. Продавец уже упаковал покупку:

— Если кошка не разберется, первый раз нажмите кнопку сами. А если нажать два раза подряд — у нее появится телефон для связи с прочими кошками. Некоторые просто фырчат, некоторые... А впрочем, почитаете инструкцию.

ИЗ ПОДСЛУШАННЫХ ДИАЛОГОВ

* *

— Утечка информации? Утечка технологий?

— Что такое?

— А вот поглядите сообщение:

Странное событие в городке К. Дочка стала дудочкой. Теперь она живет в мобильном телефоне и рассылает оттуда СМС...

— Хи-хи-хи! А какое это отношение?

— Вы что не понимаете? Дудочка — это душа.

— А мы здесь причем?

— Читайте дальше:

Убийство — всегда на высоком уровне, это совокупность поломок. А если поломки нет? Так называемые физические объекты — всего лишь изображения. Изображениями (аутоиллюзиями) являются молекулы, атомы, элементарные частицы. Преобразования на изначальном уровне поломками не считаются.

А вот и уточнение обстоятельств:

Из дальнейших допросов подозреваемого

Я попросил ее забрать одежду с собой. Мало ли что. Ушло лишние 4 квт электроэнергии...

— Ху-хм! Теперь и одежда превратилась в душу? Фи! Да не дудочкой она стала, а дурочкой!

А ПАША

— А Паша куда лучше преступной дудочки! Он вполне легально поселился в компьютере, живет там полноценной жизнью, всемирной, всекосмической. И никакие СМС ему не требуются. Он давно про них забыл.

— ...?

— Куда дели его бранные останки? На такие вопросы мы не отвечаем и отвечать не собираемся. Мало ли куда дели... Обществу от этого только польза.

— ...?

— Вы совсем ...? Какой еще мясокомбинат? Даже о производстве биопрепаратов не может быть речи! Просто многие еще не готовы к восприятию правдивой информации. Новое противоречит их архаическим обычаям. Вам не кажется, что представления о кладбищах, захоронениях, кремации и тому подобному устарели?

— ...?

— Тем более! Речь не идет об умершем человеке!

— ...?

— Вы еще об энтелехии, об энтелехии поговорите!

У/ю

КРАЕВЕДЧЕСКИЙ МУЗЕЙ

Да ничего там особенного. Везде — такое же. Но... Немало уникального.

Повеяло энергией и странным ужасом от транспарантов 20-х годов:

ДОЛОЙ РЕЛИГИЮ И АТЕИЗМ!

ДОЛОЙ ИДЕОЛОГИЮ И ФИЛОСОФИЮ!

ПСИХОЛОГОВ — НА ГИЛЬОБТИНУ ВМЕСТЕ С ПОПАМИ!

ПОДДЕРЖИМ В. В. АДОРАТСКОГО

Сороковые годы?

С февраля 1942 по сентябрь 1944 года приходилось делиться продуктами с Советами. И больше, чем надо! И больше, чем отрывала от себя целая губерния! Откуда всё бралось? И всё же рестораны в городе нормально функционировали. В их меню значились продукты (взглянем на обрывок бумаги с меню):

Сучье вымя
Собачья нога
Козий потрох

.....

А если здесь корейцы-владельцы? Не исключено, этот раритет — для хамского отвода глаз. Оленина и юкола были основным продуктом питания. Даже из учебников это можно вычислить.

В 1942-м Арзамас пытались обвинить в промышленном саботаже: не всё дает, кое-что утаивает. Обвинение не прошло: собственных рудников не так много, внешние поставки сырья оказались недостаточными. Зато с середины сорок третьего в Союз пошел стратегический продукт АГ-14. Документация по нему до сих пор закрыта.

Прозрачна история с задержкой и неотправкой полка добровольцев из Березовска: и внешний НКВД, и местная ЧК всячески препятствовали этой разлагающей советских людей дикой идее.

У-217

Расставание было долгим. Странно, ведь Федор не уезжал за пределы Старого сектора и выехать из него было невозможно, и всё же женщины-Хеуки плакали. Да! Жить в мебелированной комнате после гостеприимного дома непросто. Но зато не на кампусе! Не Россия, но и не заграница! И не вечно же быть учеником р.....го училища. Нужно поступать в М...диевский институт, а проучившись в нем пару лет, попытаться перейти в университет. И какие-то вольные работы до того найти. Эти работы уже нашли для него Хеуки — на другом конце мегаполиса.

Федор прохаживался по цеху близ помещения конторы. Начальника все не было. Неудобно как-то здесь прохаживаться. Может, зайти в контору, поговорить с мастерами и учетчицами, порасспросить о том о сем. Ведь все они по русскому обычаю сейчас бездельничают и ничем связанным с работой не занимаются. Федор двинулся в сторону распахнутой двери. Это движение каким-то чудом было замечено. А может и нет: произошло какое-то совпадение. Из проема высунулась молодая розовощекая блондинка и потянула ручку двери на себя. Дверь захлопнулась. Вот так! Фе-

дор опять начал прохаживаться вдоль стены, ожидая пропавшего начальника цеха. Минут через пять это ему надоело. Он подошел к двери, раскрыл ее и нагло спросил у сидящих в конторе:

— Можно я у вас тут побуду?

Конторщицы переглянулись между собой. Сидящая в углу розовощекая блондинка едва не прыснула.

— Побудьте, побудьте, — улыбаясь, разрешила старшая. — Что, студент? Будете работать день через три? (Федор кивнул.) У нас Кира тоже студент, кивнула старшая на смешливую блондинку, учится на дизайнера.

Был конец смены. Две дамы собрались, поторчали у зеркала и покинули помещение. В конторе осталось трое, не считая Федора. Ему налили кактусовый напиток и предложили гречневые сухарики с марципанами. Федор сидел между Кирой и двумя остальными. Эти двое Лена и Софья занялись разговором между собой. Федор, сделал пару глотков и с выразительным шепотом обратился к Кире:

— Почему вы захлопнули дверь у меня перед носом?

— Хм... Потому что разбежалась, чтобы захлопнуть и не могла уже остановиться.

— Сквозняком потянуло?

— Может, и сквозняком, но больше краской. А если чем-то иным... — Кира, несколько не стесняясь, состроила глазки.

— И чем же иным?

— Сам догадайся. Но не очень-то! Я обманывать люблю. Признаюсь сразу.

— Обмани еще раз!

— А я обману без обмана.

— Ну, без обмана.

— Глянь наверх!

Федор задрал голову и обомлел: вверху конторы не было потолка, там простиралось еще метров десять свободного пространства...

— Ух, ты!

— Ах, ты!

— А окно наверху какое огромное, в несколько этажей!

— Его недавно сделали и пока оно не нужно. В действительности мы находимся внутри бывшего холодильника, а с этой стороны — вовсе не лестницы — это трубки его системы, но я-то использую их именно вместо лестницы.

— Зачем?

— Посмотри на подоконник.

— Откуда там библиотека?

— То не библиотека, а мои учебники. Там наверху почему-то очень хорошо занимается. Волшебство какое-то. Мой прадед был, а не дворянин и даже не интеллигент, наследственной способности к учению у меня нет. Эта верхотура здорово помогает. Я еще по три головных убора надеваю для умственной помощи, когда читаю книги. А ты дворянин, наверное?

— Прапрадеды, или точнее, прапрапрадеды были мелкопоместными, но не разорились после реформы Александра Второго, а потому их дети-студенты число бомбистов-террористов не пополнили. Говорят, из-за этой сильно запоздалой реформы революция в России и произошла.

— А я свой род так далеко не знаю. Мы даже крепостными были. Некоторым и в крепости хорошо жилось...

— А я бы не поверил. Это всё новая материковая пропаганда. Понародилось моральных Каждый го-

ре-.....нец, хоть тот же журналист, считает, что очень хорошо работает, а потому и А если ты журналист, то такое твое мнение — ошибка и ты очень плохо работаешь на самом деле. А платят ему или за красивые, за данный от природы голос, или за что-то подобное.

МПГ-27

Условное название:

ГЛОВАЙ

Каким образом? Чужими ли руками? Причем здесь генерал-лейтенант? Такие звания вообще не положены... Или в Арзамасе подобное есть? Итак, никаких обоснований, никакого грифа. Этот документ можно нюхать сколько угодно и вертеть разными сторонами, рисовать им в воздухе любые трехмерные фигуры. Но, во всяком случае, давать его медиумам нельзя. Мало ли что... А вдруг именно медиум его и надиктовал? К-кошмар! Простите, такого не требуется. Итак, сами записи.

* *

Вообще-то я не репортер. Из-за избытка досуга писал заметки, которые и очерками не назовешь. Публиковали мало. Большею частью захоранивали в толстые колумбарии, будто бы для будущих поколений. Нынешним, де, такое не требуется. Иногда и прямо заявляли: "Куда это, батенька, лезете?" Да за такую ин-

формацию... И опять прятали в камень⁴. Техника техникой, а бумага в хороших условиях — до сих пор самый долговечный носитель данных. Не страшна даже вспышка сверхновой. Не важен сверхдлинный солнечный протуберанец, меняющий полюса на магнитах.

Итак, о никуда не идущем. Идущем от... Я бы уже не сказал "от меня". Вопрос слишком деликатный. Началось со случаев сублимации или одержания людей. Целыми поселками. Наслушался разговоров. Кто же знает... Бывают и массовые переселения. Как и обычно, идет речь о полосе между Березовском и Арзамасом. Словно специально оставляют такую неподконтрольную территорию. Да и какой контроль? У человека руки коротки...

Добрался до местечка Гловай — и перед самым носом выставили ограждение. Постоял. Послушал разговоры геодезиста с к-гвардейцами:

— Откуда этот план достали? Подарите его вашему дедушке.

— Какой дали. Времени у нас нет.

— А где ваша дурацкая труба?

— Уничтожили.

— Бог ты! На карте где она была?

— Не читаю карт. Не топограф. Километрах в двух-трех от нас...

— Что вы городите?! Нужны метры, сантиметры! Сами свой забор и ставьте!

— Дайте линию.

— Между какими точками?

⁴ Искусственный материал в подземных хранилищах.

На меня грозно уставился гвардеец и взмахнул стеклом. Дескать, уноси ноги, пока цел. Что делать? Помахал ему ручкой и двинулся в сторону поселка. Благо нужное заведение приметил заранее.

В России давно ни постоянных дворов, ни трактиров. Здесь они есть, но их почему-то именуют тратториями. Никакого отношения. Ничего итальянского. Кто-то по ошибке назвал, и дальше пошло. Теперь они повсюду. Вспомнил. Вспомнил. Правильно: "трактория" — от слова "трактор" — 50 лет назад колесные тягачи и тракторы-фургоны — основной вид транспорта во всех приарзамасских зонах.

Единственная гловайская траттория перед глазами. На внешний вид сойдет. Много летних веранд и отдельных крытых пространств без стен. Столики не во всех. Гм... А не фанера ли везде? Полтора десятка номеров. В своем пробыл не больше сорока минут и двинулся изучать окрестности. Не все же вокруг перекрыли. Почти сельский вид. Поля Рощицы. Улиц раз, два, три и еще несколько. Почти всё обозримо.

На перекрестке — девица. Слегка подкрашенная. Будто кого поджидает. Да словно ни с кем не договаривалась, но хочет встретить невзначай. Блеск. Блеск. Улыбнулась и произнесла:

- Здравствуйте.
- Добрый день.
- Не очень-то добрый.
- Вы про солдат у ямы?
- Не только.
- Могу чем-то помочь?
- Хмм... — с неопределенным жестом.

Расстались. Просто произносил "Могу чем-то помочь?", а ощущение — словно бы огладил ее по всем

закрытым и открытым местам. Странно. Раньше за собой такого не замечал.

Ловлю себя на мысли, вернее, на желании проверить, не огородили еще Гловай со всех сторон заборами? Эту мысль-желание отгоняю, но оглядеть окрестности не мешает.

Ничего не видно. Отправился в направлении противоположном тому, где застал гвардейцев. Попал в зону, заставленную крытыми беседками. Круглые крыши беседок — что-то среднее между юртами и стогами. Внутри беседок по кругу идут скамеечки, двери закрыты. И не открываются, словно бы заколочены гвоздями. За полосой беседок пошли какие-то буераки, ручьи. За ними еще одна зона — глубокие овраги. Чего-чего, а оврагов в Арзамасе я не припоминаю. Чисто гловайская достопримечательность.

Вернулся к вечеру. Постояльцы сидят на террасе. Почти никто не ест. Музыка. Танцуют несколько пар. Ага! Моя знакомая с перекрестка выделяет коленца с каким-то низеньким смугляком. Я устроился за столом недалеко от прочих. Солнце зашло, но никаких москитов. Отлично. Уже никто не танцует. Смуглый метис и моя знакомая стоят в стороне. Что-то ожесточено обсуждают. Орут.

И помнить не помню, каким образом Алина — эта девушка с перекрестка — оказалась у меня в номере. Вроде бы я сам никаких мер к тому не принимал. Да и какой там номер! Отлично слышно всё, что говорится и делается в соседних комнатах. О чем мы говорили? О гвардейцах, наверное, а может, и нет. Она гловайская,

хотя часто торчит в trattorii. И как-то начала без всякого перехода:

— Мне двадцать два года, а до сих пор ни от кого не получала ласку.

"Вот ведь врет! — подумал. — Мм... Да она совсем не о том: как и все, ждет чего-то особенного, что вполне возможно, но только не у нас, а в неких иных краях и долинах".

— А что ваш дон Педро? Таки совсем не хочет носить сомбреро?

— Какой Педро?

— А тот, с кем вы так кричали...

— Мы не кричали. Этот Садбай совсем уж... Он бывший учитель...

— Танцев?

Мы договорились пойти завтра в направлении моих сегодняшних буераков, а до того я отправил ее домой. Остывать от пережитых эмоций.

На следующий день мы и двинулись в сторону ручьев и оврагов. По пути пытались несколько раз заглянуть в беседки. Я уже собрался оторвать доску от входа в особо уютную зелененькую беседку, но меня остановили взгляды откуда-то взявшихся персон. На камнях сидели старички. Вчера местность была совершенно безлюдной. Что ж! Заколочено, значит заколочено. Не мы здесь хозяева.

После долгих блужданий мы нашли в тесной ложине свои камни. Там и устроились. Было неплохо. Почти хорошо. А потом? Как мы вернулись назад? Провал.

Провал. Где мы? Опять в гостинице? Когда успели прийти? Спрашивать глупо. Сочтет за сумасшедшего. Полутемнота. Опять притиснуты друг к другу. Она здесь, но рука проходит сквозь ее тело, как через туман. Не вижу своей руки. Не могу упереться в стену. Туман. Один туман. Гравитация есть, но есть и невесомость. Внизу нет ничего. Лететь? А как это делать, если нечем делать взмахи? Где стены? Где лощина? Где поселок? А вот под ногами пахота! Ее мелкие гребешки еще не застыли, похожи на газ или летучую жидкость — свободно раздвигаются, сдуваются. Вокруг вижу мешанину развороченной земли. Поднялся на ближайший твердый вал. Местечко Гловай исчезло. Сплошное поле перевернутой земли, метров через триста — чахлые деревца. За ними геодезическая вышка. Путь выхода!

* *

Сами видите, какой бред в этом отрывке. Только вот проблема: ныне поселок Гловай можно найти только на картах.

В нелегальной лаборатории

— Омега-доуэлизация для слишком вредных и слишком хороших после несчастья с ними. Старость? Это тоже несчастье, а не закономерность. Правда, миллионы лет назад те, кто затеял катавасию с апгрейдом обезьяны, думали иначе. Они имели другие цели. Для них что лю-

ди, что двустворчатые моллюски для выращивания жемчуга — почти одно и то же, сущность похожая. А вот нам этот их жемчуг и даром не нужен, мы его не едим.

— ...?

— И прочие животные для них. Не для человека же! Какие страсти кипят!

— ...?

— Одной партизации мало. Абсолют требует обратного процесса!

— ...?

— Вот они вселенные-то. Одна другой чище! Выбирай, сортируй, решай, где лучше. Путешествуй себе на здоровье. Власти ужасаются, конечно...

— ...?

— А вот за то и это самое! Неповадно будет!

— ...?

— Да не жемчуг эти миры! Совсем иное фермерство!

— ...?

— А черт их знает зачем! У них проблемы с очередным концом света. Нас такое не касается. Мы не доросли еще.

ДОУЭЛЬ-ЦЕНТР

/Легальный/

— Так и остается? Что с ним делается?

— Сохраняется дыхалка, но не в смысле легких, митохондрий и кислорода. Вместо крови — не жидкость, а пилеволе. Пилеволе похоже и на промокашку, и на зонтик, на пар'ы внутри люминесцентной лампы. Но оно само по себе. Это быстро перебегающий, очень твердый невещественный газ. Для всего внешнего он сверхтверд, но внутри себя газообразен. А бывает наоборот — для внешнего газообразен, а внутри сверхтверд. Никакого отношения к физике и физиологии! Пилеволе — это край психики и ее же ойкумена! Пилеволе — продукт воли. Опять-таки никакой физики! Никакой физиологии! Даже психологии почти нет. Одна гума... Грубо — универсальный медиатор. Ему не нужны синапсы. И все же оно по ту сторону сознания.

— Что в сознании не есть интерфейс?

— Только пилеволе. А его не всякий почует. Не всякому ведомо, где и когда его чуют.

— ...?

— Везде там, где немного показывается заграница местного сознания. Где сознание может немного тащить за волосы само себя... Смотри в места обрывания нитей жизни...

— Не расширение сознания, не растягивание психики.

— Хе! Психика де материя сознания...Ерунда, а может не ерунда, если...

—

— По простоте душевной вначале мы лепили из воображаемого месива шестеренки и турбинки.

—

— Как отпустить сознание? Его нужно избавить от всей той бяки, которой оно ежедневно, ежечасно занято. Убедить, что всё давным-давно решено, что никаких проблем нет.

— Решено — решето!

— Почти так!

ИФ

Впереди из дверей кафе вышли две дамы в шляпах с поднятыми вуалетками.

— Владелицы гостиницы и трех домов, — шепнул Федор и начал прощаться с Кирой, — К ним срочное дело! Извини, что покидаю. Увидимся завтра.

Федор забежал сбоку худосочных матрон, да так и ухлестнул за ними со своей хитрой тайной целью.

"Бросает деву, бежит за старухами, — начала проговаривать про себя Кира. — Что он там им лопочет?"

Дамы явно заметили Киру, оглянулись на нее. Та, что поважнее, громко произнесла:

— Что это ты, мóлодец, творишь? Такую дэушку кинул на тротуаре?

Федор опять что-то торопливо залопотал и двинулся со старухами к зданию гостиницы.

"Такой-сякой немытый-небрызганный, — подумала Кира. — Остался без мебелишки. Поди, вздумал меня гостиницу на студиошку. И ни гу-гу о том. Тоже мне сирота, наследство потерявший.

.....

/Экзамен для смены карьеры/

— Поете или читаете? — Спросил председатель комиссии.

— Читаю.

— Прошу

— Федор начал воспроизводить наизусть начало "Старосветских помещиков", старясь говорить чисто, без подчеркнутой выразительности и особых ударений на эмоциональном тоне.

— Так. Достаточно. Вот вам зонтик. Держите. Поизображайте нам сценки. Представьте, что к вам приблизился сорокаметровый дракон и хочет напасть.

Федор, точно как цирковой шут, растопырился, принялся махать и отмахиваться зонтиком от воображаемой морды чудовища. В комиссии раздались смешки.

— Отлично. Правда, у нас не театр комедии. А теперь в выбранном вами амплуа все-таки попробуйте порубить зонтиком дрова.

Федор изобразил действия клоуна.

— Это вы умеете. Теперь продолжите пьеску-ремарку. Два офисных отдела. Начальники отсутствуют. Каждый отдел в своем помещении, ибо помещения недостаточно велики и вместе всех сотрудников не разместить. Жених и невеста — из разных отделов. В отделе, где невеста — девичник. Жених туда еще не допущен. Идет прощание с невестой ее девичеством и разговор о будущем свадебном путешествии, вернее о

медовом месяце. При этом неясно, состоялась ли формальная процедура регистрации брака или нет.

В отделе, где жених — мальчишник, но вокруг молодого человека — одни девушки. Они прощаются с уволившимся, либо увольняющимся женихом. Вот когда жених перейдет к соседям — начнется девичник. Зато в соседнем отделе мероприятие с таким названием закончится.

Всё идет своим чередом. После вторых бокалов шампанского скромная толстенькая девушка из отдела, где "мальчишник", встает со своего места и задвигает задвижку на двери. Гул восторга. Сидящая недалеко от двери тоже скромная худенькая девушка встает с места, подходит к выключателю и тушит свет. Раздается более громкий гул восторга. Помещение тускло освещено слабыми дежурными лампочками и тусклым светом, проходящим из-за неплотно сдвинутых портьер.

Продолжите по своему усмотрению. Но лучше — "под Мураками".

— Так, — начал вслух думать Федор, — в лоб здесь ничего не придумаешь... Можно впасть в пошлость. Перенести ударение в ту комнату, где выключателями не щелкали или вообще на улицу, в другое здание. Или считать, что все ряженые.

.....

— Ну, и? — недовольно произносит председатель. — Время вышло! Вот еще задание. Сочините историю, которая заканчивается словами: "А который сейчас час?".

Федор краем уха слышал эту задачку, но анализ верных и неверных ответов на нее подзабыл. "Что де-

лать? А нужно брать инициативу и пытаться опять что-то переделать в самом задании. Рифмовать нужно. Рифмовать."

— А если эта фраза будет не только в конце, но и в середине?

— Начальным условиям это не противоречит.

— По улице Адваша важно шествует гусь — начал Федор задумчиво и с паузами. — Прохожие на тротуарах хихикают, ополоумевшие водители давят на тормоза, выжимают сцепление. Одна из фур останавливается. Из нее с криком: "Ах, вот ты где!" выскакивает экспедитор Степанов, чуть не на бегу хватая гуся, падает и летит в кювет. С руки экспедитора срываются часы и катятся по водосливному скосу. Не выпуская птицу, Степанов садится на край дороги, переносит гуся в подмышку, потирает ушибленные суставы. Затем несет гуся к машине.

В кабине он вслух спрашивает сам себя:

— Куда теперь? Домой или поворачивать назад к Наташке на рынок?

Шоферу кажется, что вопрос обращен к нему:

— А который сейчас час?

Степанов смотрит на руку и не видит там часов:

— Привед, медвед! Где теперь их искать? Столько отъехали... Теперь уж домой!

Месяца через четыре приблизился новый год. Гуся стали готовить по всем правилам, но поспешно.

Сидящий за столом Степанов заметил, что на большом блюде что-то блестит.

— Противоударные! Влагозащитные! — заметил он, хватая блестящий предмет, и начал заводить

колесико. Секундная стрелка пошла. — А который сейчас час?

— А как же, медвед, суперздоровенный гусь мог залезть в маленькую подмышку? — попытался неудачно съязвить экзаменатор. — А Мураками где? — и объявил: — Три с плюсом. Шансов никаких.

— Пусть заходит следующий.

Вошла Кира.

— Вот вам задание. Два офисных отдела. Начальники отсутствуют.

.....

.....

Помещение тускло освещено слабыми дежурными лампочками и тусклым светом, проходящим из-за неплотно сдвинутых портьер.

— Закончите это повествование по своему усмотрению. Стиль какого писателя вы бы избрали?

— Жюль Верн!

— Пожалуйста.

— *Через полминуты ожидания кто-то включил стоящую за дыроскопом настольную лампу. Засветилась большая цветная карта Таинственного острова.*

— *А это вам с Мариной подарок, — заявила художенькая девушка. — Билет на этот заповедный медовый остров, расположенный ... узнаете сами где.*

— Что-то наподобие материкового рекламного ролика... А зачем тогда понадобилось запирать дверь? — заметил председатель.

— Для создания атмосферы необычности.

— Допустим. Теперь ответьте на такой вопрос...

После недолгих истязаний испытуемой главный экзаменатор объявил:

— Четыре с маленьким плюсом. Вы приняты.

Цирк Пафнутия

1

Для начала — разминка. Мы находимся на планете Земля и одновременно рядом с Юпитером. Хотя там только наши глаза, они защищены этими тяжеленными цилиндрами, кои на вас надели. Окунать вас прямо в юпитерианскую атмосферу не будут. Мы не ближе к ней расстояния в один диаметр гиганта. Любуйтесь, жаль не сможете сфотографировать. А зрелище, конечно, страшное и впечатляющее. Ощущение будто вращаешься вместе с этими бурными поясами. Как видите, здесь — не стереокино. Всё настоящее. Турбулентность фантастическая. Вспышки справа — не молнии, хотя похоже на электрические разряды. Можно сказать, специфическая форма жизни. Бывают и молнии. Уже кто-то схватился за грудину. Заканчиваем. Один путешественник выбывает. Тест закончен. Дальше будет сложнее.

Орида. Райская планета. Планета что надо. Пробуем здесь четыре минуты. Поэтому ныне ходим без скафандров, дышим сколько влезет. Можно мять этот "мох" и "траву" /в действительности эти организмы — не растения, не животные/ и ненароком давить то, что походит на бабочек. Наслаждаемся воздухом и видами. Но на этой планете запрещено есть и справлять естественные потребности.

На всякий случай напоминаю. Поскольку скафандры вновь не рекомендуются, сморкаться и плевать только в полиэтиленовый пакет. И всё прочее в пакет, если выданное средство оказалось для вас слабым. Повторяю:

— Никаких ахов, охов, восторгов! Нельзя сколько-нибудь бурно выражать знаки приязни друг другу. Даже взглядами. Влюбляться будете после возвращения на Землю. Органические чувства — хуже микробов. Наши микробы и вирусы здесь всё равно не приживутся. А вот острые эмоции — ай-ай-ай! Зачищать их последствия непросто, уйдут мегаватты энергии...

Фонтан времён в голом Арзамасе

Обещанного желтого автобуса не было. И ничего не было, кроме ожидания. Вдруг подошла дама:

— Я — синица. Идите в переулок напротив. Остановка теперь там.

Все перешли улицу. Вот — переулок. Там действительно остановка. Появился темный автобус, но остановился почему-то за два метра до остановки. Только С. сел в него (и никто больше!) — дверцы захлопнулись, дома поехали назад. "Хорошо успел", — подумал С., садясь в кресло и оглядываясь. Езда. Езда. Гм... Когда успели выскочить на предокраины? Далекая, но огромная труба ТЭЦ казалась карикатурно приближенной, намеренно увеличенной. Из нее валил уже не бледно-серый, но какой-то черноватый дым. Где это, где? "Черным по-черному...", — начал произносить С., — черные завитки по черным завиткам..." Колдуном ли оказался? Уже и не было автобуса. Когда успел выйти? Черное, и правда, прошло по-черному, и кончилось. Черное наступило само на себя. С. не помнил, что произошло. Он стоял на огромном пространстве. Вокруг не было ничего напоминающего жилые кварталы. Страшные пересекающиеся дороги. Идущие во всех направлениях. Дребезжание снующего туда-сюда большегрузного транспорта, массивы зданий там и сям — но далеко. Впереди — труба ТЭЦ, исторгающая серое с примесью черного — совсем другой ТЭЦ. С. оглянулся — там еще одна, совсем другая ТЭЦ и тоже исторгающая се-

рое с примесью черного. Было это всё, уже было. Когда было? И всё так же неизвестно, в какую сторону двигаться по этому рисованному на реальности дежавю.

Опять С. в автобусе, уже в каком-то служебном или экскурсионном. Рина достает из сумки журнал, потом еще один С. машинально берет протянутые ему журналы. Очень древние журналы. Он сам их давал Рине. С. рассматривает обложки и складывает протянутые журналы в портфель. А вот журналы незнакомые. На последней обложке гороховый колпак а-ля Ку-клукс-клан... "Что бы все это значило? Ну, журналы. Ну, старые журналы. Ну, а зачем?" Физиономия у Риной странно меняется, расплывается, уходит, а мысль остается сновиденно-непрожеванной, но совершенно ясной. Были еще стручки на другой обложке, оттенки опять зеленоватые. Всё-то тайное общество, клуб. Нелегальные путешествия по планете и дальше планеты. Магистр Огурец возглавляет...

В пустом пространстве между двумя зданиями, словно бы подсвеченными изнутри, появилась размахивающая рукой девушка.

— Сюда, Пе-тень-ка! — громко пояснила она кому-то и зашла за восьмигранную тумбу.

В ту сторону двинулся белобрысый молодой человек с седыми ресницами, но тут же закрутился, схваченный двумя субъектами, похожими на переодетых гвардейцев.

Стоп! Отвлекли нарочно! Где поворотный круг? Знал и забыл! Огромный поворотный круг, но не для локо-

мотивов, а для двух десятков промышленных кварталов.

ТЬфу! За секунду до задержания неизвестного пребывали в некоем нигде люди в масках. Прозримые насквозь! С птичьими и растительными именами-псевдонимами. Плюс атмосфера намеренного одурения. Неужели из всего последнего мельтешения бессознательно считывается шифр? Мельтешение вне колец Арзамаса... Промежуточный выскоч куда-то за три-четыре тысячи километров.

Конспираторы! Синхронно опускают шлагбаумы и фокусничают с перепадами больших масс. Желтый дом, а не желтый автобус. Запросто сойдут с ума потенциальные соглядатаи. Новейшая сепарация психики! Не толкование сновидений, а их толчение в ступе. Вместе с их обладателем.

ИЗ ПАПКИ № 97

3

В центре "Интегро" продолжать подробную экскурсию (которой оказалась дорога) не стали.

— Войдете в курс по ходу дела, — заявил Аркадий.

С двух сторон моего будущего офисного стола располагались приборы и ручки управления, а перед ним — бесшумный водопад за прозрачной перегородкой.

— Там вовсе не жидкость, — усмехнулся Аркадий.

— А рабочее место не только здесь, — добавил немного похожий на Буратино человек, вышедший из двери напротив.

За дверью оказалась полупустая комната с лежаком посередине. Вокруг него — три постамента с экранами, светящимися кнопками и рычагами.

— Так... Что-то это напоминает...

— Томографию мозга у нас не делают, — попытался пояснить Буратино, отцепил не очень-то длинный нос и бросил его в ванночку на стеклянном столике.

— Альберт, — тыча себя в грудь, представился Буратино. — Некоторые наши индивидуальные средства годятся и для маскарада. Еще один фокус в том, что испытуемым (чаще всего это мы сами) приходится пребывать в двух местах одновременно: там и здесь.

По жестам Альберта стало понятно: под "там" подразумевается "водопад", а под "здесь" — лежак.

6

Пока мой статус-кво окончательно не определили, остановился в гостинице для командированных из других секторов. Искусственное раздвоение сознания оказалось довольно рядовой вещью. Это было началом. Рано или поздно двоение должно смениться умножением, что означало действительно выход за мыслимые рамки. Но название центра "Интегро"! Раздирание на части позволяет здесь кое-чему объединиться. Сейчас об этом лишь намеки. Попытался прояснить вопрос у Альберта:

— И все-таки какова перспектива...?

— А кто поручится, что вы не откажетесь от экспериментов и выберете другое поприще? Вокруг Центра и без того масса лишних слухов.

7. Дюгеды

Я интуитивно чувствовал: конечно, выберу другое поприще, но не в обозримое время. Не в эти пять-шесть лет. А пока рассчитывал чего-то внятного добиться здесь. И вдруг... Однажды попал не совсем в свою тарелку. Двигался внутри здания Центра и проскочил нужный поворот, прошел какую-то арку и странным образом не смог остановиться, чтобы пойти назад. Пол под ногами оказался прозрачным, под ним — освещенное пространство... Гигантское! В нем медленно перемещались туманообразные существа, подобные горам. Бессмысленно было причислять их к какой-то форме биологической жизни. Им не требовались конечности...

Вывел из задумчивости хохот. Веселился Аркадий.

— Пospел пострел! — довольно объявил он. — Но это не единственная невинность, которой предстоит здесь лишиться. Дюгеды — этап, пусть не первый.

— Только вот незадача: я удивился только в первое мгновение.

— Пардон! Как-то подзабыл: с этого года кандидатов сюда стали лучше отбирать. Да и Арка у нас умная, кого попало сюда не пропустит. Можно считать: экзамен сдан автоматом.

Что было до?

8. Ante lucem

Средневековщина никогда не интересовала, тем более связанная с религией. Однако изредка, не чаще раза в пять лет, приходилось в нее углубляться. И вот полгода назад:

— Привет! — разбудил меня редактор Терebитько. — Что за "известные гравюры" к сочинениям этого монаха? Кто художник?

— Действительно. Было не до имен. Я пользовался доступом к библиотеке деда. Текст примечания написал лет в шестнадцать и оставил неизмененным.

Править, так править. В книжном зале на площади Островского пошли сбои. Слу-ча-ют-ся. Особенно с изданиями XIX века. Иногда не найти шифров, а в бланке ставишь данные ссылки. Тогда вместо Августина вам приносят Иеронима.

А чертовщина произошла с прижизненными сборниками и переизданиями Василия Жуковского! В ката-

логе — проплешины. Книги продали? Украли? Обменяли? Сожгли в блокаду? Как водится, из каталога для читателей тогда оказался в каталоге для сотрудников, а затем — в основном фонде среди книжных стеллажей. Одинокое стояло дореволюционное полное собрание сочинений. Огромное. Но десятки других изданий отсутствовали.

Похожее путешествие совершил и на этот раз. Но теперь библиограф (прославленный <...аиломйном> поэт-метареалист, скромно печатающийся в "Звезде") пригласил в свой закуток. Да не его этот угол! Пиит попал сюда вместо заболевшей сотрудницы. Что он сделал для оповещения неясно: нажал ли тревожную кнопку под столешницей, надал ли на какой-то прибор в кармане, но здесь вошла будто с мороза раскрасневшаяся леди с безупречной фигурой, а сам он, не говоря ни слова, тихо-мирно удалился.

— Ох, не его это дело, — объявила дама.

— Публичная библиотека?

— Э, нет! Вдыхать книжную пыль как раз по нём! Я о функциях иноагента.

— Моссада или БНД?

— Назовите еще пришельцев из космоса! А здесь обстоятельства давние. Были у нас в двадцатых годах двадцатого века вполне легальные, но никому не известные диссиденты. Их не расстреляли, не выгнали за границу. А нашли им, черт возьми, достойное применение. Отнюдь не на каторге. Если хотите больше знать, то должны подписать кое-какие бумаги о неразглашении...

Время закрутилось и перевернулось. Ковер забвения вынырнул из тартара и расцвел неосязаемыми сущностями и существительными. Обозначились тропинки из ниоткуда в никуда, а из прошлого в сейчас.

Деталь особенная: задолго до пристального внимания к чему-либо обыденному на этом свете, я знал дюгедов и говорил с ними на беззвучном языке мысли. И больше в первые годы детства. Затем вроде и помнил о них, но абстрактно-неотчетливо и периферийно.

+ +

Замечание. Большая часть содержимого папки № 97 — страницы, покрытые неизвестными символами. Вероятнее всего, это не шифр, а принятое отображение чего-то относящегося к занятиям автора заметок в Берёзовске.

Частьшестнадцатая

Федор играл небольшим, но увесистым магнитом. Если магнит поднести к передней части головы, то направление мыслей изменяется. Ненужные чувства, навязчивые мелодии исчезают сами собой. Но сейчас Федор ни на что не действовал. Он просто подбрасывал магнит вверх, как мячик, и потом его ловил. Играя так с магнитом, Ф. вышел на балкон. На крыше противоположного дома сидели огромные чайки-клуши и смотрели в сторону реки. С вентиляционной трубы снялся баклан, пролетел над чайками, а затем, оказавшись над двором, юркнул куда-то вниз... Ф. нагнулся, желая проследить за бакланом и увидел на земле

лежащего длинноволосого человека в джинсах. Над ним (или над ней) сустились две женщины, подкладывали под голову лежащего сумку. "Где магнит? — спросил себя Федор и не нашел его. — Но вверх никто не смотрит. Наверняка, к бедствию с лежащим на земле человеком магнит не имеет никакого отношения..." Постояв на балконе еще минут пять, Ф. вернулся в комнату.

.....

Послышалась сирена скорой помощи. Федор машинально бросился на балкон. "Ах, вот он магнит! Притянулся к стальным перилам, но почему-то оказался с их нижней части". Обрадованный Федор протянул руку, но вместо того, чтобы схватить этот металлический предмет, сшиб его. Магнит полетел прямо на лежащего внизу человека и вскоре шмякнулся о его грудь. Звук шмячка Федор услышал довольно четко. "Все равно, что пуля! — пронеслась в голове мысль. — Но почему никто не смотрит вверх?" Из подъехавшей машины вышли двое в белых халатах и не спеша пошли к лежащему. Медики склонились над ним, начали его раздевать и щупать. Минуты через четыре один из врачей развел руками.

Вскоре мертвеца положили на носилки и загрузили в автомобиль через заднюю дверь. "Хм... Так убил я человека или железяка попала в готовый труп?"

Федор проснулся. Посмотреть на балкон? Да нет же! Стрелой отсюда! Собрался за три минуты. Никакого лифта! Лестница. Тротуар. На тротуаре куски бетона, осколки кирпичей.

Дворник стоит, опираясь на лопату. В другой руке — метла. Беседует с кургузым мужичком:

— Сыпятся с карнизов куски бетона или бросает кто? Давно бетон сыплется. Да и кирпичи.

Федор мгновенно вернулся за угол. Сделал вид, будто завязывает шнурки. Решил послушать ответ кургузого.

— А не связисты побросали? Что-то там надстраивали.

— То связисты, то пожарные... Двери не закрывают, потом школьники по верхам бегают. Вся крыша обосрана.

— Сказал! А я беспризорников видел.

— Ты про Вилью-грязнулю? Бродит здесь девица в рваном зелёном платье.

— Про нее. Волчонок. Прямо-таки волчонок. Схватил как-то за плечо, хотел урезонить безобразницу — клацнула зубами и чуть пальцы не откусила. Рука только заживать стала.

— Да-а! Лет четырнадцать, а всё в песочек играет. Отбирает у малышей ведерки и куличики печет.

— Говорят, строит из кирпичей конуры, собак в них загоняет, а вход замуровывает. Педагоги и гвардия на что существуют?

— Больно любят эту девицу, отпускают всегда. Вот она не в дурке и не на ежовом режиме. А были здесь из к-гвардии, отмостку и тротуар фотографировали. Сказали, можно убирать. Через сорок минут будет шухер всего дома. Всё прове...

Федор решил ретироваться, пока не поздно. Вышел на дорогу с другой стороны.

Глава 878 · $\sqrt{-1}$

А на кампусе — неудача. Перпедон злой и чуть озорной:

— Откуда я знал! Предупреждать нужно было, что едешь! Теперь уже есть гости. Выгонять не собираюсь.

В качестве иллюстрации из-за занавески высунулась головка белой азиатки.

— ...

— Одну секунду! Подожди! Здесь один приятель скучает в одиночестве, — Перпедон выскочил, не закрывая двери (до ушей Федора донесся неразборчивый короткий разговор) и быстро вернулся:

— Вот! Вот! Место есть. Поторчишь у Тришкина пока я с этой альбиносой многокосичковой стерлядкой разделываться буду.

— Какая же она стерлядка?!

— Не вобла же! Это ты в жару барышень с холодной кожей *пивом* называешь. Тришкина комната в углу. Ты с ним поосторожнее. Бывает, находит на человека...

— Да знаю.

— Знай. Это знание не повредит. Хи-хи! И Перпедон направился к алькову.

Всё началось довольно мирно:

— Чай будешь пить?

— Можно и чай.

Тришкин поболтал стоявший на полке игрушечный самоварчик, затем тихо щелкнул выключателем на самоварчиковой ножке. А Федор принялся оглядывать стол, заставленный массой всевозможных тяжелых стеклянных посуды, с некоторой опаской надеясь об-

наружить на столе натуральный сандалет или шлепанец. Где-то Федор слышал, что однажды на просьбу подать пепельницу Тришкин снял с ноги тапочек, поставил на стол. И тапочек этот таки использовали небрезгливые студенты... Увидев среди разнообразного посудного бесстыдства — кому нужны восемь солонок и четыре селедочницы? — изященький стеклянный лапот, Федор неожиданно успокоился. Преувеличивают, поди, напраслину на человека вешают.

Вскоре чайник-самовар засвистел и отключился. Тришкин взметнул руки вверх:

— Да! Забыл сказать. У меня нет ни сахара, ни заварки. — И вдруг подмигнув: — В наличии только *пивные* дрожжи.

"Никому ничего не скажи!" — взмолился про себя Федор.

Не дожидаясь ответа, Тришкин разорвал блистер, высыпал в пустую сахарницу коричневато-белесые таблетки и принялся их толочь и растирать нейзильберовой ложечкой, упирая указательный палец в центр ее эллиптической части.

И вот чай из пивных дрожжей готов. "А ничего вкус, — подумал Федор, — даже приятный."

— Понравилось?

— Вполне.

— Это всем нравится. Недавно делал из солода чаек — тот гораздо хуже. А знаешь, почему чай из дрожжей такой вкусный?

— Почему?

— А я обхожусь без сахара и соли! — зашелся в хохоте Тришкин. — Для чужания вкуса вещей, не

надо его забивать! Мы не ведаем, как устроен мир, поскольку от него занавешиваемся! Искусство, литература, телевидение тем и занимаются, что прячут от нас истинный смысл вселенной, прицепляют свое, несуществующее! Недвижный кто-то, тайный кто-то очень боится времени, когда свободный человек станет йогом-богом. Инстинктивному самосовершенствованию препятствуют подsunутые нам религиозные сказки, философия, наука, спорт и азартные игры — всякая-длякая ерунда.

Федор заметил на подоконнике высокий дырчатый цилиндр:

— Можно взглянуть?

— Сколько угодно. Радиации от таких штук нет.

Ровный цилиндр из желтого металла. Усеян десятками круглых окошек. Внутри? Без ажурных механизмов с шестеренками. Просто мощная пружина между гранями. Федор донельзя удивился:

— Не отгадка ли загадок? Проще этого не видел!

— Сплав, кажется, среднее между дюралем, латунью и титаном, однако, — Тришкин вынул из архаичного настенного отрывного календаря иголку и царапнул ею по цилиндру, — есть там металл вроде олова, но легкий. Подозреваю, в начале цикла цилиндр сжимала страшная сила, а в конце — растягивала толстая пружина.

— Свежо предание! — усомнился Федор. — Искрошился бы! Да и пружина не смогла бы разжать!

— Ха-ха! Да кто тебе сказал, что таинство происходило в комнатных условиях? Или температура была за пятьсот Цельсия, или конструкция обреталась в особом поле. Скорее — второе. Да и

сплав того... необычный, отработанные изделия из него на выброс идут. Если существуют железобетон, металлопластик, то должны быть бетонометалл, пластодюраль. Но не пластик затаен, а субстанция хитрая, превращающая плавку лома в нелепость. Меньше надо братьев Стругацких читать, тогда и пикников на обочине не будет.

— Ну ты учудил! Местный пикник расцвел, лишь только-только у Аркадия Стругацкого усики пробились. Натырено у фашистов чертежей и рецептов, с какими еще сто лет можно разбираться. Да и забыли половину, секреты германских красителей и то ухитрились где-то посеять. Облупливаться всё стало, а старые примусы почистить — поверхность заблестит не хуже новой.

— Смотри в корень! Я больше твоего по Арзамасу побегал. Не от фашистов эти финтифлюшки и не от пришлецов. Эсеры-бомбисты многое утаили. Даже схемы, которые Николай II строжайше велел уничтожить. Уничтожил, дурак, а потом затрещал под напором кузена Вильгельма и революции. А ты — фашисты! Наоборот, они важное унюхали, аж сюда ряженные зондеркоманды присылали. От них низенький могильный курганчик остался.

— Фу на тебя! И на гуманитарную палату! Историю пишут полосатые плуты и пропитанные рыбосучеством караси-идеалисты. Нам не постичь, что было! Вот тебе факт! Спорим, через два дня царапины на металлической желтяшке затянутся?

Здесь Федор обнаружил на блистере из-под "пивных дрожжей" надпись: *Phytinum*.

ИНСТРУКТАЖ

17

...проблема? Все-то соленоид из трубообразной сетки. Без сердечника. Пси-телехия не видит сетки, для нее движение прямолинейное, ускоренное. И никакого вестибулярного аппарата! И чем быстрее она летит, тем медленнее разворачиваются видения внутри неё самой. При этом всё ярче, всё плотнее и реальнее.

— ...?

— Вовсе не вышки. Через 7—8 метров начинаются витки второго порядка, затем третьего, четвертого. Для проскока после старта начало и конец соединяются непроводником, внешне возникает торообразная конструкция.

— ...?

— Не закись, но микроколичества очень редкой перекиси с ксеноном и кислородом. В общем помещении — только гелий. Обслуживающий персонал ходит в скафандрах.

— ...?

— Отрывы случались. Но для сохранения в привычной геометрии требуется вовсе не ТОКАМАК...

— ...!?

— Как раз наоборот! Нечто вроде янтарной комнаты. Со шлюзами и предельно герметичной. Правда, большие размеры необязательны. На первых порах достаточно сейфика.

— Оказывается, не только насекомые могут сохраняться в смоле!

— С насекомыми гораздо хуже. Смола слишком медленно застывала, медленно приобретала структуру. В итоге пси улетала из нашего мира. А мы можем перевести ее из сейфа в покрашенный янтарной субстанцией воздушный шарик и держать на веревочке или пружинке.

— ...! ...! ...!

— До этого мы не сразу дошли. Тратить столько средств! Вы правы, достаточно только представляемого разгона. Но как заставить представлять?

Шпинатный ералаш

Полина заявила, что вчера объелась шоколада и сегодня худеет. В обед она не ела ничего, кроме шпината. Какой необычной была сегодня Полина! Во время утех она изображала шаловливую нимфетку. К концу randevu в голове Тёра возник шоколадно-шпинатный ералаш. Запив его двумя чашками тубикового кофе, Тёр вышел на улицу. Ералаш в голове не прекращался, в туловище не иссякала нега, два квартала проскочили, не отобразившись в памяти. Вокруг всё было такое, каким и должно быть в раю. Всегда бы так чирикали воробьи, как сейчас, а безлистные верхушки деревьев оставались столь же психоделичны.

Почти и дома. Но что это? Вот профиль жены Ирины в толпе кумушек у самого подъезда. Пройти мимо незамеченным невозможно, а заметит — прочтает по

лицу всё. Это она умеет делать! Нужно время, чтобы внутри осели впечатления. А и не нужно входить в свой подъезд! Дом спланирован так, что можно двинуть в любую парадную — и попадешь куда надо. Гм... Лифт прямо на улице у торца здания. Никогда не замечал. Попробовать проехаться? И Тер вошел в дверь... Кнопки не видно. Они почему-то лишь снаружи.

— Нажмите седьмой этаж! — непрерываемым тоном сказал Тер рядом стоящей дворничихе.

Дворничиха, видно, хотела что-то возразить, но автоматически подчинилась. Минут двадцать назад здесь был бригадир ремонтников и разговаривал с ней тем же тоном.

Кабина тронулась.

— Этот лифт только для строителей! Временный — закричали ковыряющие землю рабочие! — Идет лишь до четвертого этажа.

— Знала я. А нажала! — запричитала дворничиха.

Лифт поднялся до третьего этажа и пошел дальше. Здесь направляющие вертикали оборвались. Лифт рухнул. Правой канавкой он попал опять на направляющую, левая канавка зачерпнула только воздух. Пролетев третий этаж, кабина лифта сорвалась и с правой направляющей, полетела вниз, упала и опрокинулась.

Покореженную дверь открыли ломом, Тер, похоже, разможил или сломал ногу... Его узнали. Ахи. Охи. Гортанные ругательства. Из толпы собравшихся отделились две доброжелательницы и побежали докладывать Ирине. Вокруг нее на северной стороне дома число кумушек утроилось.

— Почему он вошел не в свой подъезд? — задала Ирина вопрос.

Вскоре вопрос отпал. Прошло десять минут, двадцать. А Тер как сквозь землю провалился.

— Куда он девался? Может, его увезла "скорая помощь"?

В то время когда доброжелательницы рванули в сторону жены Тера, рабочие взвалили пострадавшего на сделанную из вагонетки тележку. Сварганенную, как и лифт! Два труженика повезли Тера в ближайший травмпункт. Их товарищи ушли отдыхать в бытовку. А дворничиха сочла за благо исчезнуть.

Ирина ходила туда-сюда по мостовой. Рвала и метала. А вслед за ней, словно рассыпанный выводок утят, семенили кумушки.

Сосиска

Тер ел сосиски, за высоким круглым столом. Напротив Тера, уплетая разрезанную сосиску, стояла румяная девушка. Девушка как-то выразительно посмотрела на Тера. Следующую сосиску она не стала разрезать, схватила рукой, сунула в рот, но ничего от нее не откусила и стала причмокивать сосиской, словно соской... Оболочка сосиски кроваво разукрасилась помадой.

— Хороша сигара? — спросил Тер.

Девушка, не смогла ничего ответить, сильно вдохнула носом воздух и принялась дуть в оболочку. Что такое? Сосиска стала диаметром с сардельку, а затем — с толстенную колбасину. Таких толстых колбасин Тер в жизни не видал. Да сейчас в нос упрется! Тер вырвал у девушки изо рта колбасу и вовсю принялся хлестать этим дутым яством девушку по щекам.

Что такое! Что такое? Хохот! Луна. Свет зеленой дежурной лампочки. Тер сидит, свесив ноги, на кровати и вовсю хлещет подушкой тумбочку. Хлещет и хохочет. С тумбочки слетели неубранные шахматы и шахматная доска. Напротив Тера сидит в той же позе сосед по палате и хохочет, и хохочет.

— Гипнотизер треклятый, — пробурчал, обращаясь к соседу, окончательно очнувшийся Тер. — Экспериментируй лучше в другом месте. Там и банашу свою кури.

Прозрачные винты

— Что ты здесь забыл? — чуть не голосила Ирина. У нас нормальных клиник нет?

— В нормальных клиниках долго держат. Арматура из благородных металлов. Слишком выверяют, прежде чем закрутить. А здесь почти сразу надевают композит. Не мешает исследованию. Всё легко просвечивается, подстраивается и снимается. Смотри, какие винты прозрачные!

БИОГРАФИЧЕСКАЯ СПРАВКА

Афанасий Михайлович Тёр. Автор-разработчик проекта "Ипсилон", основатель и ведущий конструктор завода "Тридцать" (штатные должности Главного или Генерального конструктора не предусмотрены Уставом предприятия). Сын писателя Михаила Тёра (Терентьева).

Род. в 1946 г. в Бериевске-6 (ныне Березовск-8). С 1952 по 1959 г. учился в 4-й гимназии. В конце 1959 г. был отчислен за двойки по поведению. С 1961 по 1964 проходил обучение в 17-м нормальном училище Арзамаса-26 (Зеленый сектор). В 1968 г окончил Измайловский политехнический институт (Ближняя зона).

1968—69 — преподаватель в гимназии № 4 Березовска. Той самой, из которой был отчислен. Одновременно сотрудник "Специального журнала теоретической и экспериментальной физики".

Данные о начале работы на Арзамасе-26 являются закрытыми. Неоднократно отказывался от титулов и управленческих постов.

ПОЯСНЕНИЯ

В детстве за самоделки и различные эксперименты Тер получил кличку Фарадей, а за нестандартное поведение — Путепровод.

Конкретные причины отчисления из гимназии объясняют склонностью к экспериментаторству и неприязненным отношением двух учителей. Соученики утверждают, что Тёр все-таки не приносил на занятия петарды, взрывпакеты и тому подобное.

* *

Выписка из досье ОЧКБиА

(Объединенной ЧК Березовска и Арзамаса)

1. В разглашении служебных секретов замечен не был.

2. Сотрудникам ЧК и руководителям к-гвардии следует иметь в виду: Тер Афанасий Михайлович крайне неразборчив в отношениях с женщинами. Четверо внебрачных детей. Местонахождение двух из них неизвестно. Ни от первой, ни от второй жены детей нет. Существующая дополнительная информация о личной жизни проходит проверку.

3. Не чурается общения с деклассированными субъектами. Постоянное сопровождение негласной охраной обязательно.

Фрагмент интервью с А. М. Тёром

— Всё это интересно, но что такое втягивание топологии?

— Математика переходит грань воображения. Во всяком случае, больше сливается с действительностью. Условно мы можем говорить о втекании мира внутрь себя самого. Такое происходит...

— И вы утверждаете, что можете этот процесс остановить?

— Локально можем остановить, но для внешнего наблюдателя это будет выглядеть как скачок на семьсот лет назад.

— Втекание, схлопывание... Но ведь вселенная расширяется!

— Вселенной можно называть совершенно разные вещи. Этого никто вам не запретит.

— Я себе могу представить, что не расстояния увеличиваются, а размеры тел уменьшаются. Уменьшаются и линейки...

— Только один из вариантов.

№ №

Представление закончилось. Спустились на первый этаж и вышли на площадь через боковой выход. Вто-

рая половина дня. Не так далек вечер. Гм... Мамаша может хватиться. Начнет искать дочку.

— А когда у мамы заканчивается работа?

В ответ услышал только сопение. В глазах — нежелание отвечать.

— А я не хочу чичас к маме, — помедлив, ответило дитяtko странным толстым голосом. Хочу оставаться с тобой.

— Ну и отлично! Прогуляемся! *(А ведь к подъезду мамашинoгo учреждения можем не успеть...)*

— Этот проспект слишком длинный!

— Да что ты! Впереди тупик. А внизу — один перегон подземки.

— Нет! Давай свернем направо.

— Хоть направо, хоть налево — раньше или позже поворачивать придется. А посмотри — видишь в арке девочку с соколом на пальце?

— Это сапсан.

— Разбираешься. А барса от гепарда отличишь?

.....

.....

Устала. Вести за ручку перестал. Толкаю низкую тележку-коляску. Приходится несколько сгибаться. Раньше возил чадо больше на санках. Только какие сейчас санки!

.....

.....

Хм... И на тележке не хочет ехать! Придется нести на себе. Вешаю тележку на локоть.

.....
.....
Ого! И на плече не хочет сидеть. Просится на ручки. Что делается! А легкая какая! Неужели у нее такая поп-ка маленькая...

— А что ты так пригорюнилась? В туалет не хочешь?

— Не-ее-ее!

Вдруг возникла в голове необычная мысль и спросил прямо:

— А сколько тебе, дочка, лет? Ты родилась в **году. Значит сейчас тебе...

— Тридцать емь лет, — четко ответило чадо, — а мама не работает, мама не...

Мир осыпался и пошел хлопьями. Да! Давно не было подобных видений.

* *

"Из какой это жизни? — задал вопрос Тёр. — Из будущей? Из этой? И какая такая дочка? Первая? Вторая? Третья? Самая закомуристая? Но вовсе не та, которую назвал литовским именем... А-а-а! Как стало у брюхо надувать пришлось разбираться с потенциальным тестем, а-артистом бо-ольших и малых погорелых театров. Записным браконьером. Пришлось ему подарить снегоход для охоты. Иначе было, хи-хи, не разъехаться. Не-е-т! Не закомуристая! Актёришка разогнал на технике и сорвался с обрыва. Поди, дедусей не успел побывать! Ох, и вру я, наверное, вру!"

...тащили снегоход из топи краном. Так и кран туда полетел... Берег оборвался и поехал... И еще. И еще. Накрыло. Где кто есть? Да что это? Перемена души.

Перемена духа. Перемена места... тот свет... Рокировка с браконьером... кремалье...

Сигнал тревоги!

Кремальеры четвертого участка, черт возьми! Что с ними?!

Из разговоров Григория Ц.

/По прослушке/

— Да сколько же ты болтался в компустиках?

— Не столько в компустиках, сколько в висях!

— Не решался что выбрать?

— Здрассте-мордасти! А ты знаешь заранее, куда надо переключать? Астрономы много воображают, но мало знают. Нельзя ориентироваться по их звездным картам. Пространство только кажется однородным, фокусов в нем хватает.

— А после обнуления сверхплотность и давление? Кокон должен лопнуть...

— Не обнуление, а секундирование. Иначе и выбрать нечего. Привязать куда-то ноль невозможно. Процесс создается оболочкой кокона, внутри — обычное пространство. Прыгаем уже после нормализации обстановки, а это уже и не прыжок.

— А тогда откуда подвижки десять в энной степени?

— Вторая сторона нивеляции координат в прогоне самого первичного облачка, а не аппарата.

— Хи-хи! Сверхнаносверхнанонано...

— Это проблема бота, а не наша. Еще чуть-чуть и висяки уйдут в прошлое.

Субпролог минус 17822317 лп

...пылающая дыра тама, куды ворона с ломаным крылом привела. И округ дыры ворона: прыг! прыг! Отверды краи: шкряб! шкряб!

Фома-то Крыжак подходе к дыре отой, задрожав, увес забившиси. И че несет оттудова! Индо полымя, ыскры. Ворона: прыг! прыг! Ближе, клюво раскрыла. А! Да тут и Крыжак, не памя ся, не бежать принявши, а в горящую дыру сигану. За вороной вослед!

Как вышел — не зна сам. Но ворону в шуйце держа. А ворона-то "Карл-лл!", "Кар-рр-ллл!" Просянеше в глазах Крыжака. Вспомне он всё, да тут упаде на земли, кататися начати и воронуупусте. А птица та — "Карр-лл!", "Каррлл". Хвост подверну, крылом махне, да и сдохла. А Фома головой кача сё, кача.

— Что, Фома? В своем ты уме? — пытаюши у него.

— В своем, в своем, — отвечает Фома, одежды отряхая, по тулову стуча. — Горю, православные, горю, да дыма и полымени не вижу! Яко угли на мене каменные пылают, яко железо адское в рёбры тычет.

Л. И. РУЛЬЯНОВ-ЕНИН:

Я един в трех копиях. Две сделаны из живого вещества, очень витальны, но неменяемы, а потому отстранены от дел. То они плачут и воют, то от злости скрипят зубами и разбивают кулаки о стену. Сам я — Жестяной Дровосек без топора. Органические копии никто не собирается убивать и захоранивать. Говорят, они для чего-то нужны. Будто бы стальная копия, то есть непосредственно я, без них теряет некую "пассионарность" Дурацкое антинаучное словечко! У Питирима Сорокина слямзили?

Объясняют: мол, сами себя называете Жестяным Дровосеком...

(Хи-хи-хи! Железного Феликса продолжать воскрешать не собираются, чего-то испугались!),

...а дровосеку из сказки не хватало того, что в средневековом смысле именовали сердцем. Так те биологические инвалиды ваше выносное сердце и есть, как вы для них — выносной ум.

Гм... Остолопы! Завалили хрестоматиями по истории XX века. Попросили высказать экспертное мнение. Как де аллигатора Сталина оцениваете, отмену НЭПа — мы писали это строчными буквами! — коллективи-

зацию, террор 30-х годов. Тощего хряка Хрущева, теленка Брежнева, подкаблучника Горбачева...

Чего захотели! А сами где были? Так я вам разжевал и в рот положил! Может еще... Зюганова на кресте вам распять? Не я его крестил и "воцерковлял" (в нынешнем смысле!).

Враки всё! Враки! Не верю вашим бумажкам! Там балбесы Свердлов с Дзержинским покушение устроили, а для прикрытия вонючку Каплан выставили. Из-за Брестского мира! Ишь ты! А до того? Я балалаечника Троцкого просил тянуть время и не жмотничать. Да! Жаба его давила, но фразы: "Ни войны, ни мира, а армию распустить" я отродясь ни от кого не слыхивал. Иу-душкой? Иногда был! Пгос-ти-тут-кой? Ни-ког-да!

Хрестоматии эти барон Мюнхгаузен составлял! Как в былые времена тот лукоед-гардеробщик из Публичной библиотеки в Петербурге думал? Хрестоматия — от слов Христа материть! Хе-хе-хе!

А статья о партийной организации и партийной литературе? Ее применили ко ВСЕЙ литературе. Плюс ко всей гражданской истории. Непостижимые дураки! Невосполнимые утраты... Мисюсь, где ты?

ЯКОЛКА

...четыре года мне было тогда... Скопца никогда не видел. Этот лежащий больной лет девяносто назад продал свое достояние немецким медикам. Долгое

время всё крутилось вокруг него. Павлина, его сестра, выращивала у восточной стены двора лекарственные растения — летом запах мяты чуть не сшибал прохожих с ног, — по утрам выискивала на рынке некую особенную только ей известную снедь... Скопец внезапно запросил кисельку. А получив его, выпил, вытянулся во всю длину, еще раз потянулся и умер.

У дверей пахло ладаном. Душа долгожителя висела высоко в небе и отражалась в большой весенней луже. На стенах заброшенной стены выступал чахлый мох, мох. Постучав палкой по кирпичам, я с размаху рубанул ею весеннюю лужу, по воде пошли круги, взмутилась грязь и пошла узорчатыми галактиками, многими мирами в несчетном множестве серых оттенков. Я принялся вращать воду то по, то против часовой стрелки. Уж куда там галактикам! Возникло нечто объемное и величественное. Закрутились такие спирали, что не надобна оказалась сторонняя помощь. Лужа стала живым дышащим существом, богом в себе. Именно тогда нечто и родилось, предначертилось будущее, узоры самодвижущейся глинисто-черноземной суспензии стали многому чему общими.

"А это лучше, чем огонь!" — думал. Слышал краем уха о том, как образовалась вселенная, и захотелось тогда в четыре года породить вселенную самому. Вырою в земле яму, расплавлю там железо, нагрею до ...иллионов градусов.... Возникнет целых пять вселенных. Только как расплавить? Как нагреть? Чем нагреть? А ведь если бы нагрел на самом деле, то вселенные и возникли бы. И все-таки вспомнил тогда, что значит слово "нагреть" еще. Чтобы родить, нужно обмануть! Иначе ничего не получится! А эта муть, муть, муть, черно-серая глинистая жуть, идущая завитками сказочных

украшений богдыханской кареты, спиралями, кольцами — она никого не обманывает...

Много-то я знал тогда! Лет с одиннадцати стал ненавидеть слово "спираль" из-за ввозимых материковых книг на русском языке, их дурной многолектики. А у кого-то лет через двадцать стали рождаться мертвые и живые дети "со спиралью" в голове, потом стали протухать от спирогиры и спинулины аквариумы... Это не нравилось таракатумам! Они переходили в область сновидений и там перелетали по воздуху из одного аквариума в другой.

Междусловие 735-17

Всё очень ясно видно:

взорвалась галактика МҮТ-402 и улетела к Шестой
Диамантовой горбушке, испарилась;

сверхмассивная черная дыра Q-17 Небулы-5 съела
голубую звезду у про.....ции Бета Скорпиона;

высокоэнергетический рентгеновский луч, испущен-
ный объектом Z-89906 расплавил три планеты системы
Проциуса...

Через сколько тысяч лет об этом узнают земные астрономы? Это вовсе не смешно. Нет будущего и прошлого. Время — нечто вроде мочала, прикасающегося к разным точкам кожи. А физические объекты? Их вовсе не надо продлевать или считать чем-то существенным.

Фантастические романы с нелепейшими описаниями путешествий по времени? Есть ли у авторов голова на плечах? С какой стати герои оказываются на убегающем земном шаре? Он не черная дыра, чтобы возвращать ускользящее в промежуточную надмирность. И не планета здесь выступает в качестве точки отсчета. Во многих случаях хронопутешественники окажутся вне Солнечной системы, а то и вне Млечного пути. Чаще в качестве подохлецов.

А в Берёзовске? Заземлять хроновизоры приходится в самом прямом, а не в переносном электротехническом смысле. Более того, безостановочно перепро-слаивать. При этом главная проблема — психический синтаксис. Э-ниторография и тому подобное на последнем месте.

Ныне метка Земли — Аравийский полуостров. Что-то он такое напоминает очень известное, вытасненное наружу! Над ним тысячелетия нет облаков. Благодаря этому, Гею сразу увидишь среди поставленных в ряд общих видов не слишком многочисленных планет, зараженных коварной биологической жизнью.

СПб. ПРОБЛЕСК

Это не Березовск, не Арзамас. Я у себя дома перебираю те бумаги, что еще не отправил загород. Минут сорок назад встретил короткую заметку, от которой на мгновение уму явилось нечто непрожеванное, но выразительное. Я весь словно бы оказался в ином пространстве-времени. Удивительнейшем!

К сожалению, это впечатление перебила плоская обыденная мысль: видно-де, не зря соседка Ревякина отдала ключи от сезама именно мне, надо было у нее сразу... Сразу? Она ни при чем. Только выполняла поручение. Ох! Одна направленность внутрь памяти убила другую....

Мне захотелось восстановить промелькнувший поперек сознания туннель. Что я тогда читал? Не спал же, не видел сновидения... На столе — пласты разрозненных бумаг. Кандидатом может быть и эта запись, и та. Дело-то не в следовании слов и предложений, а в возникшей ассоциации. Сами изложенные на бумаге описания слишком просты и незначительны.

Был. Был. Аромат нежданно-негаданных воспоминаний. Взрыв аромата! Похожее со мной случалось раньше только один раз. Я тогда шел по набережной недалеко от устья Фонтанки. Мелькали мысли, интенции. И вдруг все они исчезли. В огромном окне пустого представления явилось жёлтое лимонное семечко. Ярче, чем наяву. Лимонное семечко внутри клубка сияю-

щих, полупрозрачных и словно парящих сфер. Пронзило вкусом разгрызенного лимонного семечка и одновременно — водопадом где-то и когда-то прожитых жизней. Чуть-чуть, но вполне отчетливо закачало стальные столбы, как деревья при ядерном взрыве. Громко выстрелил глушитель зелёного военного автобуса и шмякнулся на мостовую... Возможно, именно эта свистопляска и отвлекла от сути.

Но час назад ничего похожего во внешнем мире не было. Полная тишь. Бумаги, бумаги, серое небо за окном — ничего особо выразительного.

2

Перерывать все бумаги не захотел. Но ведь резонансы с их содержимым чувствовал и раньше. Взять хотя бы рассуждение кого-то о Шахматной площади, купцах-основателях и галках. Правда, похожее рассветное "карр-лл!" у меня сопровождалось звуком колес разворачивающегося трамвая. И в тот момент полусна я думал не о Махе, а о Беркли и Брэдли. Жители Берёзовска иногда ходят по окраинам мимо какой-то узкоколейки, переходят ее. Стоп! Стоп! Как меня сразу не насторожило это слово "узкоколейка". Что-то слишком близкое и знакомое. И никаких ассоциаций с дорогами ленинградской промышленности... Станным образом вспоминается полузанесенная снегом УЖД, идущая к арочному мосту, остовы сгоревших дачных домов, водонапорная башня. Или приснилось всё это? Как бы уточнить?

Стандартно в чрезвычайных случаях для прояснения воспоминаний подключают гипноз, но гипнозу не

подвержен, со спецами в этой области давно порвал связи. Одна проблема вроде бы преодолима с помощью пиона, валерианы и тому подобного. Другая? Нужно кого-то поискать.

Лучше набрать в поисковике "лечебный гипноз" или просто "гипноз"? И то и другое плоховато: первое слишком заточено, при втором можно нарваться неизвестно на кого с липовым сертификатом или без тако-го. И лишними расспросами! А не проще ли внушение? Лишний контроль никогда не помешает. Тогда и валериана не потребуется.

Набирал в Гугле "Гипноз и внушение", "Услуги гипнотизера". И многое что похожее набирал. В ответ приходила одна чепуха или вовсе ни к чему не годное.

Но подойдет это: "Методика погружения в самогипноз с целью вспомнить".

Пусть будет даже не самогипноз, а медитация. Не откладывая в долгий ящик, провел с перерывом в час два сеанса. В них-то и пришла в голову ключевая идея. Оккультисты пишут записки, потом бумагу с ними сжигают. С пеплом поступают по-разному. Но можно превратить текст в осциллятор.

Написал на картоне задание жирным простым карандашом. В тексте есть белые места. Но и если бы он был непрерывным, вышло бы сопротивление в несколько мегаом... Заштриховал у начала и конца записки квадратики под электроды-зажимы. Для уменьшения сопротивления и преодоления пробелов посыпал бумагу с текстом слегка смоченной питьевой содой. Она мельче доступного хлористого натрия, ее легче равномерно распределять, растирая между пальцами. Вы-

ставил на корпусе генератора 96 герц, вторые электроды подсоединил с помощью пластыря к вискам.

Можно начинать видеоизмененную медитацию или самогипноз! Во время их проведения уточню пусковую частоту. Конечная частота будет меняться сама по себе за счет подсыхания бумаги и соли.

+ +

Три сеанса прошли с явлениями, что бывают в дремотной фазе сна.

Во время четвертого сеанса увидел людей в алых скафандрах и самого себя голенького внутри хитроумного устройства, отделенного от ряженных двумя стеклянными барьерами. Но чисто телесно это словно был и не совсем я. Одновременно во мне шла свистопляска с видами какой-то частично обитаемой планеты. Ее ландшафты были интересны не столько красотой, сколько необычностью. Лиловатые существа-камни изображали собой математические перестановки и были чем-то наподобие домино.

В оборудовании и помещении я опознал Доуэль-центр Берёзовска. Иного и быть не могло.

Итак, формально я будто бы весьма подходил Берёзовску, но обычным образом никогда в нём не был. Меня никто туда не приглашал. Однако некоторые психотронные организации Берёзовска каким-то образом... наматывали мою душевную самость на свои виртуальные катушки и подмешивали тем или иным жителям Берёзовска и Арзамаса.

Именно поэтому свои стилистические повадки и неологизмы я не раз обнаруживал у нескольких сто-

ронних субъектов сразу. С другой стороны, что-то из восприятий берёзовцев смутно передавалось мне. От того краденые документы меня не слишком удивили.

Кроме того, получалось, что брат Ревякина (я его видел пару раз и только мельком) некогда через свой надзорный Пи-3-дзет смог меня вычислить.

Незримая пунктирная "узкоколейка", связавшая меня с Берёзовском, уже предсуществовала. Ревякинский сезам сделал ее реальнее. О! Теперь постараюсь не лезть ни в Доуэль-центр, ни в прочие психотронные конторы. Наверняка разоблачат! Буду через свое устройство напрямую общаться с индукторами-реципиентами, что имели наглость, пусть не по своей воле, забираться в мои мозги.

ЛАПУТА

Обновленный УШ помог и на этот раз. С людьми. Но общее окружение...

Обычная улица. Немного похожа на декорацию, часть огромной табакерки. Однако нечто весьма странное. Неясно что. Ощущение опрокидывания пространства. Пяти-семиэтажные каменные дома. Дворцовый стиль ретро. Вечер. Вдали — открытый горизонт. А Луна раза в четыре больше возможного... Голубая? Да не Луна это! На небе — глобус, земной шар, лежащий на боку. Всё выдал Аравийский полуостров — иначе было не догадаться. Видна Африка, Индийский океан.

— Теперь понял, отчего такое название, — произнес Георгий. — Но зачем?

— Почему Лапутà? Меньше объяснений. Ухо гуманистариив привыкло. Не надо зря говорить: де это — не планета, не метеорит, не космическая станция. Ударение на последнем слогe никого не сбивает. Кстати, не остров! Если о геометрии, то — у нас идеально правильная сфера!

—....

— Да! Инженерам и прочим похожим приходится разъяснять подробнее. Но в меру. Их сложно отучить от корпускул и небесной механики.

—..?

— Планетоиды не бывают такими маленькими. У метеоритов и станций — нет атмосферы. А у нас искусственное притяжение ноль семь же плюс атмосфера. Не без фокусов. Зато легко дышится. Легко ходится. Мы видим Землю, Земля нас — нет.

—....

— Волны всё. Волны. Такое существование — волновой природы. Или лучи. К примеру солнечный зайчик в ручье. Увидеть его можно при определенных углах зрения.

— ..?

— Мы и там. И — здесь. В трехстах и более местах сразу. Мы — как бы осколки голографии. Через Лапуту спокойно пройдет метеорит, космический корабль, а нам — ничего от этого. Катастрофы не страшны. Верх защищенности. Да и в чисто физическом смысле можем никого не пустить, если захотим.

— ...

— И электромагнитные, и гравитационные поля — ничто для нас. Не сдвинут. А если бы сдвинули — разницы никакой.

— ...

— Наши секреты о защите от радиации храним чрезвычайно строго. Было бы слишком жирно их выдавать. Да и в связи со сказанным ранее...

—

— Почему вокруг Земли? У Земли? А зрелище-то хорошее! Земля часто бывает красивой. Правда, и страшной временами выглядит из-за вихревого нагромождения облаков. А это для острстки! Не всё коту масленица! Хм... Могу и поделиться: Землю мы сами расцвечиваем и подсвечиваем. Кроме того, от нас она смотрится гораздо лучше, чем из межпланетного пространства.

—

— Проститутки? Пута. Путы... А у Свифта что на этот счет? Не вы первый. Чем хуже созвучие с "лабуда"? Таков наш аттракцион. И весь мир.

ЯКОБ-33⁵

СУЩЕСТВА СЕВЕРО-ЗАПАДНОЙ БАЛКИ

Эта балка — вовсе не балка, а небольшое ущелье. Она сложена из твердых пород. Внутри нее — поселок. По дну проходит дорога с аккуратным обводным ручьем посередине, по пологим склонам можно видеть редкие одно-двухэтажные дома. И все-таки чаще, чем

⁵ По всей видимости, название этой и других похожих главок восходит не к имени, но к словам "я" и "якобы". Один из авторов-героев не пожелал себя назвать. Ср. с над- или подзаголовками "яколка".

людей, в поселке можно встретить совсем других существ, хотя дома, предприятия, дорога — обычные, людские.

Долго проверять не пришлось. Я шел по дну балки. Навстречу с верещанием выскочил маленький черный "человечек". Явный гуманоид. Голый, росточком сантиметров в сорок-шестьдесят. Худенькое тельце я особенно не рассмотрел, голова выглядела какой-то помятой, неправильной, постоянно меняющейся. Он повернул налево в отрог балки и исчез. Поворачивая, он оглянулся и посмотрел в мою сторону. Ну и лицо! Карикатура! Так изображают человека, ударенного током! Минут через десять я увидел транспортное средство существ. Это была летящая по воздуху грубо сработанная ракетоподобная трубка. Летела она довольно медленно и тихо верещала. Вскоре появился второй обрезок трубы. На нем хлопали крылья бабочки. Похоже, только для красоты. Увидев третью трубку, я задумался. Все эти аппараты перемещались в воздухе, словно каракатицы в воде, обладали плавучестью... О, бог! Да как в эти трубки, диаметром 5—6, сантиметров помещаются существа ростом в полметра? Летячки у них, видите ли. А сами живут в норах и бегают голышом! По голосам не отличить от сверчков!

ВОЗВРАЩЕНИЕ

...Федор бежал. Федор неся. Куда? Гм-м... Не к ней! Нет! Наплевать на куски бетона, асфальт, дворников и шорников. Чего?? Дверь приоткрыта... Вошел... Полный погром! Не-е-е-ет! — Не гвардейцы здесь

были! Семечки, семечки, повсюду шелуха семечек. Фр-р-р-р! Вознеслись эскадрильи моли от оставшейся одежды.

— Пи-пи! Пи-пи! Пи-пи! — подала жалобный голос мышка, привязанная за хвост к ножке кровати.

А мышка-то обожралась! Кругом — объедки. Бутылки, бутылки, но только от лимонада и всего такого. Признаков алкоголя нет! У другой ножки кровати — собачье дерьмо, пахнет собачьей мочой. Похоже, воры выставляли охрану от других воров! Нехило!

Техника? Техника украдена, кроме радиоприемника, на нем нажаты все кнопки, но у взломщиков он не включился. Федор таки включил приемник, — и раздалась песня под торжественную музыку "Славянки":

Тишина на Ивановском кладбище,
Голубые туманы плывут...

ВОГНУТОЕ ЗЕРКАЛО

Заныла спина от долгого сидения за письменным столом. Я поднялся, начал делать упражнения, встал на носки, вытянулся. И тут выше меня оказалось ничего не отражающее ненужное вогнутое зеркало. В нем шли колебания в такт моим движениям.

"А не впаду ли таким образом в гипнотический сон?" — пришла в голову мысль. Но мысль благополучно ушла, и я погрузился в мелькания, вызванные

словно бы колеблющимся неправильным зеркалом. Постепенно я перестал сопоставлять сверкания с окружающими предметами, видимое как бы размылось, в зеркальных блесках увидел нечто вроде окошка, в нем — угол здания с башенкой-ротондой. Здание очень знакомое, много раз виденное, но что оно? Вспомнить никак не удавалось.

Когда-то я много раз сравнивал эту башенку с главной частью детской музыкальной игрушки: из центра барабана со стенками из металлических прутьев торчал изогнутый в виде молнии прут-рычаг, сходный с пусковой рукояткой (ломиком-заводиловкой) древнего карбюраторного двигателя. Теперь же я помнил только выломанный из игрушки барабан, но не саму игрушку, не ее внешний вид... Она что-то вроде шарманки? Вряд ли, хотя по принципу приведения в действие очень похожа. Звучание? Какое-то очень грубое, приглушенное. Кто додумался подобное делать для детей!

Я отчетливо вспомнил запах поделки, не совсем приятный пластиковый и даже конфетно-парфюмерный, резкий, но привлекающий, заставляющий нюхать еще и еще, что-то там скрывающий в себе потаенное, необычное.

Закрыв глаза и начал представлять картины, действия. И те и другие расходились по разным руслам, я вливался, влетал в противоположности, в быль и небыль.

Толчок — и за один миг протащило по квинтиллиону пространств, всунулся в некий высший мир, в верховную точку, из которой можно созерцать абсолютно

всё. Но она самодостаточна! Ей ничего не надо! Нужно брать этажами ниже.

И да, и ах! Спустился и оказался много ниже той самой заветной башенки. А только-только был прямо в ней. Даже упирался в ее привод-стартер, но не подумал его покрутить.

Угораздило же меня завести глупую мельтешащую вселенную десятки лет назад — тогда, когда мне было полтора года!

Параграф минус 134/17лп

ИЗОГНУТАЯ ЧО

(Дело № 5798 К.

Отрывок из записок Ильи Кретова)

Игрид я встречал дважды и оба раза — гуляя с собакой. В первом случае собаку спасти не удалось. Почему-то увидеть этих существ удастся только мельком: слишком быстро они "надвигаются". Да и как они надвигаются? Вопрос. Пожалуй, у них и ног нет. Похожи они на вставших на хвосты и набычившихся внушительных черных рыб, идут в количестве одна-две. Способ их перемещения — проскальзывание-квантование. Не утихли дебаты о том, сколько их появляется: по одной? — по две? — по полторы? Сложно наблюдать за этими убийцами; нужно осторожно выглядывать из-за препят-

ствия: обрыва реки, холма, заросшего кривыми деревьями болотца. Вначале возникает чувство ужаса и затем — в качестве его зримого воплощения — сами игриды: молчаливые, молниеносные, пришедшие с того света. Но чтобы умереть с их помощью, не обязательно их замечать. Часто исчезают за просто так люди и животные. И главное: следов не найти! Поди, докажи.

У игрид нет слуха и обоняния, видят они исключительно впереди себя: лежащее на пути их движения и не более чем метров на пятнадцать. Поэтому жизнь на планете еще не прекратилась. А впечатление, оставляемое ими! Удар током, укол булатным ножом в сердце. Для многих неподготовленных — беспамятство...

— Игриды — оболочки. Ядро спрятано где-то вне них, а это отрицательная масса, — изрек Т.

— Антивещество? — переспросил я.

— Хо! Другое, но задрапированное...

— Да ерунду говоришь! Мчаться должна отрицательная масса вон. И с третьей космической скоростью!

— Даешь! Забыл об оболочках! Отрицательной массой, за здоровеньки булы, окажешься ты, когда игриды тебя слопают! И полетишь отсюда вон в неизведанную степь! И скорость у тебя будет тридцать третья метафизическая!

Мысленно я послал приятеля к черту. У меня был хороший нюх на белиберду. Однако в протараторенных утверждениях Т. промелькнула скромная и весьма маловнятная идея. Само собой, естественная геомагнитная скважина близ Старого Сугрим-

ска, обрамляющие ее холмы особенно привлекательны для игрид... Пусть гораздо реже, зловещие твари бродят по всему земному шару! Никому и дела нет! Дайте, господа, музыку Рихарда Вагнера!

Из записок Эльдара Мостицина

17 брюмера

Человек — ходячий мешок с говном и мясом. Людей, подобно улиткам, беспрерывно обуревают всевозможные чувственные обманы, например именуемые словом "любовь". Из-за подобных улыбок эволюции рано или поздно в каждом человеке поселяется ящер.

Для различения ящерицы нужно добыть объектив ($F = 77$ мм), сфотографировать человека с расстояния в тридцать пять шагов и тщательно рассмотреть фотографию под увеличительным стеклом. Процедура будет успешнее, если вместе со взрослым фотографируются дети: тогда отличнейше видно: в детях до девяти, изредка до девятнадцати лет ящера еще нет, а в родителях он зримо присутствует. Расстояние в тридцать пять шагов довольно приблизительно, поскольку названное длиной шага на самом деле ширина торса, а пресловутые 35 шагов — эта величина, умноженная на одиннадцать п. Теперь вы поняли, как ларчик открывается?! Если требуемое расстояние окажется точным, можно увидеть такое, что глаза на лоб полезут.

Какой-нибудь там физик или математик лукаво спросит: "А какая-токая точность требуется?" Вот нелепость! Пусть он возьмет единицу и разделит ее на 11 п. Допустимая погрешность становится известной! Проще пареной репы. Только вряд ли он станет заниматься вычислениями. Больно ленивы теперь эти ученые.

Случайно мне в кадр попадались и старички. Ужас какой! И все-таки немало любопытного можно узнать. Ведь не пойдешь и не ткнешь со всего маха старику в грудь пальцем в расчете на труху. А иногда залезает в голову озорной вопрос: "Ленин-гриб там или еще нет?" Расстояния — золотые сечения — существуют и здесь. Иногда глядишь и видишь, кто эта перечница, похожая ни Пиковую даму, в будущей жизни: попугай жако или крапива двудомная.

Именно после тридцати пяти (магическое число!) многие тетки начинают напоминать ведьм, при этом чем дальше — тем больше. С некоторыми это не происходит, но где-то после сорока их начинает разносить: вначале чуть-чуть, затем ужасающе. Голова становится огромной, физиономия и область таза широкими... Что за манера? Поимели бы совесть, черт их дери! Вероятно, в них поселяется кракозавр. Кто просил трескать пирожные? Впрочем, ходите, как хотите. А коли впечатление решили произвести, то нефиг изображать из себя болонок. Конечно, рыхлость и тучность вначале отталкивают. Даже в холодной России. Однако существует возможность слегка поиграть в неолит! С третьего раза кому-то понравится. А дабы кандидаткам чуть приблизиться к тем древним матронам, нужно носить всё тёмное и в обтяжку. Нечего превращаться в картонный короб! А волосня на голове должна быть чёр-

ной, распушенной, без стрижек: ближе к природе. Забудьте про каштанок и блудинок. Проблема лишь с жопой. Так прикройте напусками-выпусками. Даже в двадцать пять действительная эротика в этом месте мало у кого проглядывает: по большей части впечатление клозетное или мясокомбинатное. Не льстите самим себе. А если райски повезло с генами – в любом возрасте выставляйте нарочно, пусть глаза у всех полопаются.

Ги! Что это нашло? Не подвизаюсь комиком на сцене. Гм... А ведь вылечивал иногда, тихо изгонял из баб ящеров. Когда незримая скорлупа была тонкой... А не наоборот?

Как ясен горизонт! И лучезарность близко.

Шутки шутками, но идея рептилоидов оказалась странно живучей. По правде говоря, портреты в картинных галереях, музеях, на выставках, в альбомах всегда внушали ужас. Видимо, такое ощущение испытал бы инопланетянин. Портреты, бытовые сцены по большей части никогда не считал произведениями искусства. Изображения расфуфыренных персон XVIII века? Там какие-то неизвестные науке крокодилы! Затем. Что такое "Бурлаки на Волге"? Гора мяса! А самый вид человеческого скелета или одной черепушки? Ведь он на что-то очень внятное намекает! Пусть на тайное и спрятанное за семью печатями. Что это за планета Земля? Что за чудовищное место! Не является ли гнусным надувательством самый акт рождения здесь?

20 брюмера

Смысл жизни. Смысл жизни... Не идиотизм ли рассуждения на эту тему? Главное-то — пересмысл. На деле мы занимаемся пересмысливанием и ничем иным. Именно пе-ре-смыс-ли-ва-ни-ем, а не "пересмысливанием".

Всё это — переливание из пустого в порожнее. Интересная игра.

2 фримера

Где-то у 20% мужчин душа покоится прямо на диврашке. Женщины это сразу замечают и начинают нацеливаться. Отъедать ее оттуда очень удобно. Именно поэтому они положительно относятся к увеличению размеров живота у мужей.

6 фримера

Чем занят человек? Бесконечным самообслуживанием. Хоть повесься из-за необходимости каждый день брить бороду. Дурь. Ослепление. Гонка. Глянь-ка на любую площадь любого города. Люди не лучше муравьев. Хуже, поскольку не заслуживают сочувствия. А если смазать кадр? Если снимать со слишком длинной выдержкой... Призрачное возникает ощущение. О чем говорят размазанные фотографии? Вовсе не о движении. О тайне. Вот-вот чуть-чуть — и всё станет ясно! А расфокусированность? Чего ради когда-то вошли в моду Сезанн, Брак, Руссо?

В каждом трепете осинового листа есть невидимый выход за положенные пределы. Передел — во всякой очерченности.

13 фримера

...Да известно, кто-что (раскудахт!) там сидит! Паразит этакий, варганящий метagalактики! Но не

18 фримера

А что там было 13-го? Опять поленился записать, а потом забыл? Никто не варганит. Дело не в метagalактиках, а в прирожденном взгляде, направлении его. Откуда он такой пригвожденно-прирожденный? Это другой вопрос. Козлу понятно, природа возникает при родах. А до того ее нет. Возникает она всегда внутри, а не вовне.

На закрытом пляже

— А кто это там? — Николай увидел толпу странных заголенных людей. У многих вываливались языки; лица, фигуры были перекошены, у некоторых вместо рук-ног — протезы. Несколько человек — в инвалидных колясках. Другие — в корсетах. И все же почти все субъекты на тусовке выглядели страшно довольными и многомудрыми. — Что это за уроды? Чему они радуются?

— Второе пришествие. Мертвецы вылезли из могил и принялись одеваться плотью.

— А на самом деле?

— Все это физики-теоретики плюс представители неклассической математики... — ухмыльнулся Ц.

— Производственные травмы от карандашей? Или от мелков, которыми пишут на доске?

— Перед тобой — неумные романтики большой науки... Ничего более.

— Слышал. Что-то слышал. Это и есть итоги массового производства гениев? Но не знаю, каким образом их делают из обычных людей... Методом Прокруста?

— Именно. И Хруста! И Прохруста...

— И все-таки в чем там соль?

— А соль вот в чём. Для умножения умственных способностей в мозг вставляют капсулу с особо чистой

водой. Чем больше капсула — тем гениальнее становится ее обладатель. Но когда вставляют капсулу, так разрушают участки мозга, через которые ее вводят. Если бы не новые методы, не заморозка ничего бы и не вышло. А в конце — помощь биохимика Причинникова.

— Того, кто проводит регенерацию млекопитающих?

— В том числе и человека. Без Причинникова — фокус бы провалился. Перед нами были бы не гении, а овощи.

.....
.....

ЗАПАЛ

На скате крыши Вилья заметила доску. Один ее конец был привязан. Хорошо! Заменит скамью. Можно спокойно сидеть и не опасаться, что сорвется. Но Вилья не захотела отдыхать, взяла свободный конец и стала его двигать как часовую стрелку. Так. Так. Чего-то не доставало. Что-то было не так. Наконец Вилья уперла конец доски в торчащий из кровли огромный крюк. Крюк вдруг завибрировал, внизу на чердаке что-то заходило ходуном. Хм... Откуда-то с конька крыши сорвались два кирпича и ударились в доску. Хм... Вилья дернула за привязанный к крюку провод, крюк отогнулся. Доска сорвалась. Кирпичи полетели на широкий тротуар. Бросившись ничком и схватившись за

приваренный к крыше кусок лестницы, девушка глянула одним глазом на тротуар — другой глаз зажмурился сам собой от жути. Желтые кирпичи упали на тротуарную плитку и раскололись. Прохожих нигде не было. "Четыре часа утра..." — произнесла шепотом Вилья.

Эпизод Ц-3774

Напрягся. Напрягся. Сосредоточился. По правую руку появился титан с ослиными ушами. Существо грозное, мощное, ехидное, серо-сумрачное. В ширину оно узко, сантиметров семьдесят, а с высотой творилось невообразимое: фигура — не меньше четырех метров, но и не выше двадцати. Морда титана не звериная, не человеческая, именно мордная, как ей и подобает, а тело оказалось почти неопределенным. Было что-то похожее на плечи, прочее недорисовано, словно бы соткано из дыма. Рядом с инферником М. воспринял себя увереннее. Гигант виделся не глазами, дистантно ощущался кожей и головой.

"А по левую сторону?" — И в тот же миг по левую руку вынырнул титан с мышинными ушами. И в остальном он несколько другой, чем первый, но чувалось между ними общее, негеометрическое, бестелесное, пусть духи и противоположности.

И постиг М.: теперь он защищен от любых козней, прозрел могущество свое и грядущую власть.

* *

— В России что?

— Ландау не так лечили и не от того. Королёва за-
резали.

— А на заре карьеры графином по челюсти! У нас в чем проблема?

— У нас вместо медицины есть известная штучка... А толку? На главный мозг Арзамаса сбросили кирпич с крыши. Был человек, стал думающий препарат.

— Оборот!

— Боюсь, переворот! Иероглифы на экране плохо расшифровывают. Соединят неправильно две закорючки и будет вам киже!

— Такое киже в Сибирь не пойдет.

— Не пойдет. Зато земной шарик лопнет, либо полетит вон отсюда кубарем, кубарем.

/БЕЗ ПОДРАЗДЕЛА/

Лиловая зона. Гибель лазутчика.

Нам кого работал Каштински? На какую державу? Это еще предстоит выяснить. Труп найден возле ограждений полигона за валом. Отчего умер? Никаких

токсичных выбросов от аппарата, никаких вредоносных физических воздействий. Но Каштински мог подумать, что... Нервное перевозбуждение. Страх. Да! Старт аппарата слишком метафизичен, слишком действует на психику. Кажущаяся ирреальность происходящего может завести ум человека куда угодно. Кому-то кажется, де жизнь прожита зря, кто-то начинает молиться, на кого-то находит истерика. Итак, Каштински наблюдал старт невооруженным взглядом. Представьте увеличенный в тысячу раз большой винтовой самолет, взлетающий вертикально как ракета. Никакой авиеточности! Именно хвостом вниз, а лобовой частью в зенит. Чудовищно. Старт происходит словно бы из подземелья, из ниоткуда. Не было ничего — и сразу перед тобой громада выше собора. А звук? Нет винтов и реактивных форсунок. Перпендикулярные микроколебания. Сравнить этот "вокал" не с чем. Даже с сиренами Одиссея. Не слишком громко, но настойчиво, пронизывающе. А запах? Да, к сожалению, и запах. Многим что-то напоминает этот запах. Кому горевшую в раннем детстве пластмассу. Теперь таких пластмасс не выпускают. А кому — сотрясение мозга. Бывают при ушибе головы необычные фантомные запахи. Не только искры их глаз. Всё это называется: "Вам — взлёт". Но не тем, кто летит. Тем, кто остается. Взлёт в мир иной. Каждому когда-то внушали мысль, что подглядывать нехорошо. Оказалось, действительно не стоит такого делать. Не только Каштински был жертвой. Могу перечислить по пальцам. Кстати, у меня есть записи предсмертных возгласов Каштински из его же диктофона. Никогда не угадаете, что он орал. Он кричал "Моби Дик! Моби Дик!" Совсем ошалел шпион. Непростой был человек. Найдите из трехсот человек, хотя бы одного, сумевшего прочесть книгу о гигантском ките от

начала до конца. Тонкость нервной организации и подвела Каштински. А грубый лазутчик никогда бы не смог так близко подобраться к полигону.

ОСТАВШИЕСЯ

1

Старухе было сто восемь лет. Белье она не меняла несколько месяцев, последний раз мылась полтора года назад перед новым годом. Лет десять от нее не пахло ни мочой, ни потом. Зато попеременно исходили тончайшие, но отчетливые запахи глины, травы, пергамента, столярного клея и какой-то нераспознаваемой лекарственной настойки. Нужды справляла только ночью и всегда стоя: летом уходила далеко в рощу, а зимой использовала вместо ватерклозета сугроб вблизи узкоколейки. Главное: она пользовалась своими ногами, видела своими глазами, отказывалась от богаделен и пресекала в корне всякие попытки патронажа. Умственное помрачение на нее находило редко. В случае такой неприятности она запиралась, а когда требовалось, гнала непрошенных гостей прочь, энергично махая руками перед запертым окном с мутными тройными стеклами.

Вилья-Зоя? Что было в последний раз? Крик! Шум!

— Открой! Открой! — кричала старуха.

Обозлившаяся неизвестно на что Вилья не открывала. Заперла прапрабабку и ушла. Пришлось размуровывать окно, наглухо запечатанное полвека назад.

.....

2

.....

Взял палитру с углублениями. Каждое — с половинку куриного яйца. Стал сыпать. В правое углубление — тот самый свежесинтезированный яд. В несколько углублений — три разновидности снотворных таблеток. В два углубления — по транквилизатору. Кое-что еще. Палитра почти заполнена. Подобно художнику начал брать оттуда, отсюда... Пока хватит! Нужно сделать баррикаду у выходной двери, чтобы случайно не выскочить на улицу. Случается такое безобразие. Так. В центр комнаты — пустое ведро. Что еще? Почти всю жизнь спал голым, но сейчас — ни в коем случае не раздеваться. Мало ли что... Глядишь и через стену пройдешь... Правда, брюки между ног истлеют. Опять стал брать с палитры. Оттуда. Отсюда.

* *

Проснулся через четверо суток. Еще не зная через сколько! Вполне живой. Ничто не болит. Нет. Болят ягодицы. Совершенно сухое ведро лежит на боку. Из него торчит разбитая люминесцентная лампа. Рядом на полу — лопнувший ртутный термометр. Хотел чего-

то добавить и реактива не хватило? Много тщательно разбитого стекла. Рядом молоток и стальная плашка, послужившая наковальней. Что? Толченное стекло ел в потудоясном сознании? Однако язык и губы, гм... в полной сохранности. А вот на ягодицах, наверное, раны от осколков. Зеркала? Вот и зеркала! Все большие и малые зеркала треснуты по диагонали. Словно кто-то провел по лекалу алмазом, а затем — варварским образом острозаточенным концом рашпиля... Так... Баррикада у выходной двери снесена, словно бурей, но дверь закрыта на щеколду изнутри. Удивительное отшибение памяти. Просто блаженство, если бы не общая слабость.

Дикий голод. Нет никаких продуктов. Не ожидал, что еще раз придется проснуться на этом свете. И вот — действительно настоящая пытка: лежать за четверо суток надоело и теперь ни с того ни с сего нужно тащиться в кафе и магазин...

От движения трещит лоб. Походка — как у человека с пробитым мозжечком. Прохожие оглядываются. Особо хамоватые парниши хихикают и показывают пальцами. Вот кафе. Дротаверин, конечно. Потом вобрал в себя суп, пододвинул второе и третье. Осталась пустая посуда, но помниться только вкус супа. Остального — как не бывало. И было ли оно? Словно кто-то подошел сбоку и слизнул. На улице пропустил ближайший магазин. Понесло далеко через мост и узкоколейную железную дорогу. В цветной туман. Видимо, испугался очередей и духоты. Там за туманами (не понял что такое) зашел в миниуниверсам, нахватал того-сего. На три дня хватит. За три дня можно прийти в себя.

Обратный путь. Но никто не смеется и не подхихикивает. Все люди куда-то исчезли. Где люди? Люди где? Ночь еще не наступила. Нет даже наглых парнишей. Что? Что такое? На северо-востоке Арзамаса волны огня и серые столбы дыма. Двигутся во все стороны, приближаются к Берёзовску.

721-й РАССКАЗЧИК

В летающие тарелки, порталы в некие "иные миры", другие измерения не верю. Всё это чушь несусветная. Не верю и в физический мир...

Внимание!

Удалено Комитетом по надзору
за сохранением государственной тайны
64 слова.

...сознание — вовсе не память, а их то и дело соединяют вместе и хуже того — путают.

И все-таки рассказы о необычайных проникновениях в иное чем-то привлекают внимание. Чаще рассказывают о необычном, о метафизических чудесах экстраверты, не сумевшие совладать со своим внутренним миром. Боясь его, они переносят пережитое в более привычный для них, несуществующий "внешний мир". Рассказывая, они словно бы упускают нечто важное, а именно это важное не замечают все.

Случалось ли нечто необычное в моей жизни? Наверняка случалось, но я привык хоронить мелочи, особенно, когда некий фокус проявлял себя один раз. Скажем, шел впереди тебя человек, затем исчез, но через какое-то время появился снова. Ну и что? Возможны тысячи вполне прозаических объяснений. "В головном мозгу — всего одна актуальная клетка", — говорю я иногда в шутку. Когда она чем-то занята, прочее она не замечает или забывает, но дабы связать одно с другим то и дело наталкивает человека на ложные мнения.

Бывает, среди знакомых кварталов появляется некий необычный уголок. А через пару дней его никто не может найти... А если четко указать адрес? Иногда люди путаются в двух соснах, полдня ищут место привала с оставленными на нем рюкзаками, хотя приметы, ведущие туда, остались. Однажды мы увидели высоченную ветлу. Ее верхушка изображала сделанные из веток и листьев... серп и молот. Нерукотворные! Дерево было недалеко. Пошли его осматривать. С разных сторон. Аж, сфотографировали. Вернулись назад, а поляна с рюкзаками как сквозь землю провалилась, валилась, лась... Ау! Нам и в голову не пришло искать здесь параллельные миры. Мы обозвали себя растяпами. И всё!

А белые ночи? Сколько чудес/"чудес" они творят. Не только эстетических, но и практических. То фасады домов кажутся потусторонними, то сутки превращаются в час, а час — в сутки. Однажды в субботу я должен был пойти на работу. Я и пошел, а оказалось: еще пятница не закончилась. Ларчик просто открывался: циферблаты у часов дурацкие: 19 часов легко превраща-

ются в 7. Нужно только хорошо устать к концу недели. Просыпаешься: опаздываю, опаздываю, опаздываю. Бегом. Бегом. А белая ночь еще не началась, но уже обманывает. А с ее началом черт-те что иногда творится.

НАДЕТЬ НА СЕБЯ ЛЕС

Чтобы надеть на себя лесную поляну и уйти вместе с ней нужно быть одному. И в лесу, и дома. Иначе феномен не проявится. Многое нашепывается человеку в лесу. Многое постигает там йог или некто практикующий некое иное самопогружение. Погружайся, не погружайся, но ощущения длительного одиночества в лесу, в поле, овраге приедаются, забываются. Побывал где-то, вернулся — ничего особенного. Ходить в лес я долго предпочитал налегке, ничего с собой не брал, даже воду. И длилось это хождение "без пикников" больше десятилетия. Уже не помню, как всё поменялось, и с какой стати. Тем более — откуда взялось при себе красух. Да причем здесь оно? Не исключено, белсух или иной алк не хуже. Да пусть это несчастное/счастливое красух. Не очень много и не слишком мало. Что оно дает? Да почти ничего. Чуть иное восприятие и только. Привидения из кустов не выходят. Главное — начинается дома. Стоит чуть задремать — и ты опять в лесу. На месте привала. Очнулся. Понимаешь — ты дома. Но одновременно в лесу. Стены и лес совмещаются! Без конца возвращаешься на место привала. Дрема — полудрема. Ты — там и здесь. Одно перетекает в другое. Видишь: ветки качаются. Слышишь:

кузнечики стрекочут, птички щебечут, лес похрустывает, ветер шумит. А окна в квартире закрыты. Да и нет в городе кузнечиков. У людей, занятых на конвейере, иногда бывают яркие навязчивые представления. Просунулись ночью и как бы видят ленту конвейера, на ней — детали и прочее подобное. Но случай с лесом куда оригинальнее. Здесь ничего навязчивого и стереотипного. Здесь не какой-то тупой отпечатанный след, а целая среда. Без гипоксии и других эффектов красух ее не достичь. Понятно, она не букет представлений или отсроченных на несколько часов последовательных образов, не галлюцинация. Нечто все же насильственное. Идет живой стереофильм и снаружи и внутри... Опять стрекот насекомых. Шум ветра. Качается ветка дерева. Расположение объектов — то же. Крики птиц. Возня зверьков. Узорчатая гадюка греется на сухом холмике. Но главное — цикады. Они что-то вроде второго по значимости гипнотического фактора. Они не дают забыться, отвлечься. Шевеление травы и прочее — аккомпанемент.

* *

Большинство людей не помнят первых лет детства, но есть исключения. Физиолог Иван Павлов помнил себя с первого месяца рождения. Это могу сказать и о себе. Возможно, помню и то, что было раньше. Была и другая особенность. Я долго не умел закрывать глаза: их щурил, либо оставлял открытыми. Стал тренироваться закрывать глаза веками только в три года, глядя на других детей, и вполне освоил этот навык только годам к семи. Зато научился видеть темноту, а в ней — живые абстракции. Абстракции — это первое, что помню в этой жизни. Сам рисовал абстрактные картинки

задолго до того, как увидел картины абстракционистов. Кандинский не был новостью.

Первые два года часто видел в темноте неких гигантских существ, сходных с большеголовыми рептилиями. Иногда — за окнами дома, на уровне четвертого этажа. Может, как-то превращал в них подъемные краны? Но город-порт располагался в тридцати километрах. Помню его вантовый мост, но в порту никогда не был. Рядом с домом не былостроек. Присутствовали руины — последствия бомбежек. Думаю, дым из труб или облака я бы тоже не отождествил с чудовищами.

В темноте и наяву, и во сне часто являлись вращающиеся вокруг оси змеи с заостренными головами. Обычно они были повернуты ко мне торцом — заостренной головой. Смешнее всего было наяву: в змею могла превратиться любая точка темноты, стоило только на ней чуть сосредоточиться.

— Что это такое? — спрашивал я у родителей.

— Ты растешь, — без тени эмоции отвечал отец.

И еще несколько раз спрашивал:

— Что такое было?

— Да ты растешь! — следовал ответ.

Вращающиеся змеи виделись лет до десяти. Сейчас я могу вызвать их только в воображении, да и то смутно. Кстати, стоило захотеть, и лет в 20 и даже 25 они

являлись. Скорее, отчасти это связано с чрезвычайной остротой зрения, которая тогда у меня была.

В черноте было много еще чего интересного. Некое предмирие. Словно бы я видел составные части элементарных частиц, собственные нейроны, сетчатку глаза, наконец.

Приходилось видеть и хаос — некий перемещающийся черный и одновременно многоцветный океан. Вся его чернота, темнота состояла из многоцветных точек. Эта бездна не была приятна, но и не была страшна. Я знал — за ней прячется что угодно, и вылезти из нее может всё.

ПОЛЕТ

Однажды я шел по городу. Для чего-то приходилось идти то в сторону транспортной развязки, то — от нее. Конечно, навстречу шли люди. Вдруг навстречу пошли одни наглецы. Они перлись прямо на меня. Свернул на обочину. Ха! Машина проехала сквозь мое тело. Прогазовала со всеми призывками. И ничего! Я остановился — подумать о том о сем. А рядом — алкоголик — одной рукой держится за столб, в другой — сжимает бутылку пива. Пиво он уронил, принялся орать благим матом и показывать на меня пальцем. К нему подошли, принялись его урезонивать. Меня же никто, кроме алкаша, не замечал. Ему говорили: "Никого рядом с тобой нет! Сбрендил, ты, с перепомя!" Здесь я взмыл в небо и помчался над вечерним городом. А тела-то у меня, оказывается, нет! Город всё мутнее и мутнее. Р-

раз! А я у себя дома сижу. Форточка открыта. Через нее я и вернулся! Хотя вполне мог бы и через стену.

* *

Это какой-то астрал. Такое редко бывает. Либо практически не помнится. Но не менее интересны натуральные сновидения со странными сюжетами, например, с перемещением в тело иностранца: японского подводника, норвежского летчика. Помню несколько сновидений с космическими путешествиями и войной в космосе. Должен признаться, приключенческие книги и фильмы не люблю. Накануне подобных "переселений души" и вскользь ничего такого не читал и не видел. Кроме того, в этих ярчайших снах откровенно присутствовало другое "бытовое я", отнюдь не персона героя, зрителя, читателя или вашего покорного слуги.

А как освежают повторяющиеся сновидения! Перетекающие друг в друга. А самое высшее — дежавю внутри сновидений. Еще круче сновидения, в которых — нет ничего от обычного мира. А сновидения вдоль оси времени, когда видишь целые десятилетия одновременно?! Простирающиеся в беспредельность цепи сновидений. Иногда дается вся земная цивилизация "от" и "до", а тебе право изменить в ней что угодно. Только вот странность: действительно меняешь, но меняешь совсем не то, что стал менять бы, находясь в своих обычных координатах. И цели-то выбираешь необычные, нетипичные. Ранее они бы и в голову не пришли. А как просыпаешься, помнишь их весьма смутно, потом смутнее, смутнее, а затем вообще уже ничего не понимаешь. словно мыслил ты недавно иным мозгом.

И наяву бывали редкие мгновения с виденьем четырех- или пятимерного пространства, с четким представлением криволинейного неравномерного движения, с нахождением внутри нескольких наблюдателей сразу. При этом становилось абсолютно ясно: движения не существует. Да и в обычной простейшей мысли четко видно: мегамир противоречит микромиру, они несовместимы. Целостная научная картина мира — бред сивой кобылы. Для пользы дела могут быть полезными лишь ее разрозненные звенья. Их соединение принципиально невозможно.

СНОВИДЕНИЕ, РАСПОЗНАННОЕ ВО СНЕ

Часто подобные сновидения называют осознаваемыми. Это большая ошибка. Неосознаваемого для нас не существует. Просто некоторые вполне осознаваемые вещи почти не запоминаются.

Я находился на другой планете внутри огромного сооружения наподобие севшей космической станции. Она имела оболочку и была внутри чем-то вроде круглого квартала большого города. По этому кварталу расхаживало человек 200—250. А вблизи меня никогда не было больше 3—4 человек. При этом я был не самим собой, но совершенно другой персоной. Довольно-таки чуждой мне, не считая самых примитивных эмоций. В наиболее острый момент чуждости видел себя не изнутри, а снаружи. Видел самого себя стоящего у окна и повернутого ко мне спиной. Он, который не я, думал в то время о смерти своего родственника. Фи-

гура, стоящая у окна, не была безобразна или неправильна. Только избыточно атлетична и высоковата. Именно этой легкой акромегалией она и отталкивала больше всего.

Вокруг станции — зеленые луга. По лугам разгуливали красивые существа с бычьими головами и огромными загнутыми, как у баранов, рогами. Существа светились всеми цветами радуги. Надо сказать, не паслись, не щипали травку! Их было всего пять или шесть разновидностей. Иногда они вели себя агрессивно, бодали стенки станции, заглядывали через окна второго этажа внутрь ее и что-то искали. Стекла окон почему-то не были бронированными.

Многочисленных разговоров с другими жителями станции не помню. Однажды пошел по какому-то закрученному в улитку маршруту и оказался в самом центре. Здесь располагались коммуникации и аппараты, которые обычно находятся на чердаках — технических этажах. Я это сопоставил и понял, что на самом деле сплю. К сожалению, здесь вспомнил плохие инструкции любителей "осознаваемых сновидений" и решил совершить что-нибудь несусветное, например полететь. И полетел. Но мой полет в самом начале больше напоминал плавание на спине. Как-то это не слишком поэтично. Здесь-то и понял, что по своей сути вообще не являюсь человеком и никогда им не был. Именно это близкое к сути от меня и осталось. Прочее куда-то исчезло. Стали занимать прескверные болезненные вопросы: "В кого воплотиться? Где воплотиться? И надо ли воплощаться?" Увы! После этого полет действительно сменился плаванием. У меня не было другого тела, кроме крыльев, с помощью которых я плыл. Некие мутные крылья машут сами по себе в мут-

ном туманном океане и ничто не тянут! Давно позабыл, что якобы "на самом деле" сплю. Абсолютной явью было одно: беспредельный серый океан и беспредельное время. Риск утонуть и провалиться в Тартар был велик. Крыльям надоело махать. Но вот крылья нелепого бестелого существа (плазменного микроба!) коснулись стенок аквариума-бассейна, в котором находились. И я проснулся в обычном мире.

2-Е РАСПОЗНАНОЕ МОНОСНОВИДЕНИЕ⁶

Сновидение очень длинное, местами представляет собой вульгарный фильм, но некоторое пропедевтическое значение в нем есть.

Часть I

Один из героев — чудовище с зубами крокодила. Всем-то оно известно, но его считают чем-то вроде обычного Шарика. После трех бесед с этим "Шариком"⁷ (а в нем, похоже, жила душа какого-то злодея) я отправился разбираться к его хозяину. Местообиталище хозяина было стандартным для многих предыдущих нераспознанных сновидений — сплав этажа с коммунальной квартирой человек на триста. Даже не

⁶ К моносновидениям не относятся ситуации, когда человек одновременно спит и бодрствует, либо когда два сновидения снятся сразу или одно сновидение находится внутри другого — не имеют значения частичные прерывания, приостановки или пересечения.

⁷ Не путать с Шариковым! Имя условное, придуманное во время записи протокола сновидения.

общеежитие, а лабиринт. Некоторая странность — лаз в двери хозяина больше подходил бы для кота. Скорее всего, здесь или в следующей части я почувствовал, что на самом деле сплю.

Часть II

Очень большая библиотека. Превратился ли в нее этаж с квартирой — не ведаю. Просто я хожу между стеллажами. Во мне есть способность трансформировать предметы. Могу делать то и сё. Но вот странность! Летать-то я не умею. Пытался и так и сяк, но не взлетается. О полете на другие планеты и в другие галактики не думал. Прочие события в библиотеке не помню.

Часть III

У меня три женщины подходящего возраста, то есть способные на подвиги. Я их не вызывал, не изготавливал. Просто они были и раньше. Главный акцент не эротические моменты, но общая обстановка. Однажды с этими девушками-тетками у меня был под открытым небом ералаш, за который в обычном обществе либо штрафуют, либо задерживают на 15 суток. Однако в том мире подобные взбалмошные проявления в почти публичных местах подлежали суровейшей каре.

Пошел фильм-боевик под условным названием "Борьба с властью". Я опять попытался взлететь. Что-то стало получаться. И вновь я не столько полетел, сколько поплыл по воздуху на спине. С большим трудом удалось выправить положение и полететь нормально. С огромным трудом я заставил себя не махать руками

и просто парить, не тратя впустую энергию. Прочими умениями я уже обладал. Усилием мысли сбил самолет и пару вертолетов преследователей. Уничтожил даже две наземные цели. В чем каюсь, так как причинить мне вред последние не могли.

Часть IV

Обычно герой в подобных случаях переходит на нелегальное положение или скрывается за границей. В сновидении ни о каких заграницах не могло быть и речи. Я оказался в некоем заоблачном обиталище. Называйте его Шамбалой или как хотите. Описать тамошнюю жизнь сложновато. Суть в том, что попавшие туда люди оказываются все вместе неким синцитием, грибами — единым существом. Как это? Для начала нужно понять: столы, стулья, руки, ноги и мозги — всего лишь иллюзориум, а действительность выглядит совсем иначе. Иллюзия даже сама "Шамбала".

Часть V

На время я вернулся в обычный тот мир (похожий на Локал-3, по Роберту Монро). Заодно решил посмотреть, как обстоят дела у бывших жен. У двух всё было в порядке. Третья куда-то исчезла. Отправился к ее папаше. Этот товарищ своей внешностью всегда мне напоминал мафиози. Мы с ним сели в некий микроавтобус, смахивающий на лодку, и стали "колесить" по городу (хотя фактически колеса так-таки отсутствова-

ли). Я объявил своему спутнику, что почую пропавшую (живую или мертвую) через любые стены. Наконец я нашел нужный дом и двинулся к двери дома, но тесть меня отстранил, сказав, что у него есть пистолет. Дверь открылась, за ней показался какой-то бандит. Тесть выстрелил и убил бандита. Дальше пошло невообразимое, что и может быть только в сновидении. Тесть завернул бандита в матрас, полил "бензином", поджег, но при этом загорелся сам, упал на пылающий матрас и стал покойником.

Я прошел несколько коридоров и комнат. Увидев второго бандита, я потребовал у него разъяснений. Бандит подошел к штабелям с коробками и вытащил две или три очень узкие и длинные коробки. Одну из коробок бандит протянул мне. В этой весьма узкой коробке и лежала пропавшая. Она была штативом. Ноги у нее были одновременно человеческие и штативные, торс представлял собой металлический стержень, головы не было. Ниже стальной головки (на которую должен крепиться фотоаппарат) располагались динамик, оптическое стеклышко и выключатель. Я щелкнул выключателем. Сразу раздался знакомый слабый голос:

— Здесь страшный сквозняк и очень холодно!

* *

Что бы это значило по Фрейду и не очень по Фрейду? Стиве Облонскому снились дамы-графинчики. А здесь девушка-штатив... Слабое место всех девушек — мордашка. Конечно, у некоторых бывает симпатичная мордочка, но только временно. Уже завтра или через неделю она может оказаться не очень. Многое зависит

от того, как собраны или разметаны волосы. Складывается впечатление, что на конкурсах красоты отбирают женщин по фигуре и только потом — по лицу и голове. Я бы поступал наоборот.

Мораль

А. Минусы:

- 1) я управлял отдельными действиями, но не сновидением в целом, а часто вообще забывал, что сплю;
- 2) не задумался над тем, чтобы попробовать на зуб распознанного сновидения не то что метафизику, то есть тот фактический первичный монитор, на котором мы изображаемся, но даже обычную науку, например астрономию или нейрофизиологию.

Б. Плюсы:

- 1) раньше приходилось находиться в более высоких состояниях, обладать гораздо большими способностями, но вроде бы я приобретал всё это на некоторое время волей случая; здесь же частично удавалось карабкаться с помощью собственных скромных сил;
- 2) удалось персонально надеть на себя так называемую Шамбалу; раньше ни в каких озарениях и духовидениях она мне не являлась.

/Это ранние записи голоса этого неустановленного лица. Они касаются Большой Земли. Его тексты о Березовске и Арзамасе — в папке № 97/

Часть 277981-14 "W"

ОСКОЛКИ АСТРАЛОВ

Облагороженно-ненасытые блуждания облаков. Что, кроме грома-молнии-дождя в устремлениях белых?

"Мы испаряемся, как вода. Мы, облака, испаряемся в Космос..."

Кто бы подумал? Если туда испаряется хоть миллиардная часть, в том и смысл их жизни. Но кто это сказал? Они сказали?

Язык виноват во всем. Он враг истины. Наличное в языке присутствует и в сознании, а живущее только в сознании? Того яко нет. Устройство языка каламбурит ребра небытия.

Подтопорный плач кленов и берез... Как всхлип глины, ударенной павшим камнем.

Шевеление, шевеление в искровых недрах беспредметного.

Клекот, крекот, колочение...

Умер горизонт. Разбросанные домишки без оград превратились в статуи-надгробия. Местность — кладбище, ждущее сов и летучих мышей. Не хватает серой мертвенной луны. Но без нее — еще лучше. В оврагах и впадинах мутные полупрозрачные существа. Прижимаются к лужам, расплываются, тонут, вскоре всплывают. И уже всё кажется, кажется всё. Представь, что хочешь — и оно будет.

Мигнул. И... на площадях, улицах — ярмарка. Побрякушки на фоне синего льда. Холод уползает к углам и стенам от яркости пахучих деревянных поделок. Только небо равнодушно. Оно не замечает красных от сивухи лиц. Небесный хлад чувствует себя вольно, клубится. Середина его светлеет — и он спешит уйти. На северные кромки ветров.

Двадцатиметровая гора из песка насыпана в реку. Справа ее подошвы — сигнальный флажок. Символ утопленника. Видимость что-то напоминает. Мокрую переводную картинку. Но видимость — и так картинка. По крайней мере, сегодня.

Небытие памяти. Перепространство. Недотопология. Не мелькает, но порождается. Не порождается, но выходит из гармошки. Но гармошка сжата. Ее растягивание — мир иллюзий. Идут повторы. Отсюда сцепления, мнящиеся следами, гаданиями на приболотных промоинах.

Субстрата нет. Его вымучивают, но как его удерживают? Сознание делится на кластеры... один отчуждается от другого... поэтому иллюзия материи... выдумка времени для размещения сот со съеденными границами. Но здесь идет замена деления потенцированием... Резаные разные профили.

Страшен звук, претворяющийся в быстротекущую стихию внутри сна. Не в момент срыва типа прозябания или отвлечения в сторону, но за пару мгновений до того.

Сушь. Осень. Запечатанный листопад. Скрип деревьев. Безлюдье. Вырубка. Остановленность. Никуда-не-идушь. Ничего-не-надоть. Самопосебь.

Проваливание в сон чернее и чернее. В прогалинах глубины — истошная лиловость. Чем больше потемненность — тем больше возможностей. Вот подземное озеро с плавающими на торцах кругами-ликами. Дальше — похожее озеро, но с вывернутыми наизнанку груздями-водоворотами. А на них кэлэ... кэлэ... э лэ тэ лэ! Сэд!

И навязанное слово "грех". Ему нужно придать иное наполнение. Мохнато-когтистое томление — мениск благодати. А окна нельзя открывать. Даже заплеванной мыслью. Штиль еще тот.

ВТОРОЕ ОБЛАКО СМЕРТИ С КОЛЬЦА

Что за идальго, закутанный в сизые полотнища, идет навстречу дождю? Он безглазый. Он несет вихри. Голова в тучах. Борода распускается туманом. Близко. Близко. Но уже был конец всему. Здравствуй, новый смерч!

ЭПИЛОГ-22

Берёзовск не умер. Он слишком много дал протуберанцев. У него масса защит. Его гибель невозможна.

Он спас себя и Землю от Арзамаса. Возможно, сохранил и Арзамас.

Я иду через кочки, слои пыли и пепла. Горелое царство. Где тут Березовск-8? Где Арзамас-26? Где кольца-зоны? Куда они спрятались? Где опять закупорились?

РЫЖАЯ ПЕСНЯ

Снежный человек царствует в лесах по эту сторону реки, шастает по баням и заброшенным стройкам, внезапно возникает — то тяжело, то паутинно-призрачно. Изменилось гудение в золото-зелёных лесах сосновых; эхо ходит чуть попридавленное, изнасилованное. Кто-то кричит в забвениях, и просыпаешься, просыпаешься — к чему просыпаешься — сам не знаешь. Словно хоронишь двойников в гробах смоленых, пахучей хвоей бешеное время отгоняешь. Свирели глубин, когда вечереет, выступают из три/на/цатого пространства; крыльев ветра порывы бесцветное бессилие возрождают в зените, где дорождение оставлено. Поползновения грезятся, подземные воды колеблют; бубнение небаземли воскурений требует, жертв овечьих, клыков мертвечьих — в оркестровой яме ночи крепко сурдиноголасие. Под белыми и желтыми кувшинками кто-то ходит, кто-то бродит — недаром они расцветают. Когда увидел кувшинку, о чем подумал? О чем подумал? Не о цветении этом!

Снежный человек и не был снежным — зимой его никто не видел. Йети, или, по-местному, Космач, появлялся весной, когда всюю распускались почки, и к ноябрю исчезал. Считали, что Космач впадает в спячку, как медведь, а лесник несколько раз показывал охотникам его берлогу вблизи полузасыпанного карьера.

Космач напускал на людей сонную одурь, сновидения наяву. С марта по ноябрь в лесах происходили странные случаи, иногда трагические. Один геолог,

прежде чем окончательно сойти с ума, утверждал, что Космач мешает будущее и прошлое, минуту превращает в месяц, а иногда, выбрав в лесу какой-то особенный участок, пускает на нем время вспять и охотится там на вымерших животных, собирает растения ныне не существующих видов. Другие обвиняли во всем бывшую запретную зону, соседний полигон. Говорили, что полигон располагает подземным космодромом, и стартуют с него вовсе не ракеты, а кое-что похуже. Правительство-де давно забыло о созданной Берией шараге, а там будто бы додумались до немыслимых вещей, умело изолировали себя от внешнего мира и кого надо подкупили. Космач? Космач — лишь кадавр, неудачно сконструированный призрак, вырвавшийся на свободу.

В ****-ом году, в начале сентября, я сидел в палатке. Барабанил дождь. От брезента исходил запах старой тряпки, костра, доносились обычные лесные запахи, но вдруг почудился и какой-то другой. Дождь почти прекратился, и неожиданно стало очень неприятно, неуютно. Словно я оказался не на своем месте. Пришлось схватить двустволку и выйти наружу. Напротив палатки, шагах в пятнадцати у куста можжевельника стоял Космач. Ни о чем не думая, боясь взглянуть себя самого, я вскинул ружье и выстрелил из нижнего ствола. Космач продолжал неподвижно стоять. Это был рыжевато-бурый кудлатый верзила. Шерсть на его голове казалась чуть темнее, лоб смахивал на огромный лобок, и потому страшная рожа Космача приобретала неприличное выражение, что не снимало оттенков изображенной на ней угрозы. Стало еще муторней, в сердце будто бы вонзились когти, но желания заряжать ружье или бежать не возникло. Не отрываясь, снежный

человек смотрел на меня не человеческим, не животным — каким-то высоковольтным взглядом, а затем тяжелой походкой двинулся прямо на меня. Под ногами чудовища трещали сучья, разряженное ружье я держал наперевес, посветлевшее осеннее небо остеклянилось, с противным "кар-р-р-р!" взметнулась ворона, едва не рухнувшая с внезапно обломившейся ветки ...

Бóхоно-бóхоно,
оба́ха соха́нем мехе́...

Пройдя несколько шагов. Космач внезапно свернул вправо, потом со значением обернулся в мою сторону и рывкнул:

— Друннхх — друннхх — умар-р-р-р-р!

Демонстративно подхватив мизинцем и безымянным пальцем деревце слева от себя, он его сломал и далее пошел неслышно, как по вате. Где-то рядом крикнула невидимая сойка и взлетела, шумно махая крыльями. Зашелестело в бруснике, высунула голову гадюка, пошевелила раздвоенным языком и, изобразив изгибами спины какой-то знак, скрылась. Совсем рядом с палаткой громко засопел больной зверь и с напрягом начал бесконечно заунывное:

— Хга-хга-хга-хга-хга...

Три минуты назад все было спокойно. А был ли Космач? Иногда в костер попадают такие ветки, что потом явь от сновидения не отличишь. Вот и приключения. Но течение времени! Что стало со временем! Почему лесная суэта началась не сразу после выстрела?

Несколько раз я обошел лес вокруг палатки. На земле — никаких отчетливых следов. На кусте можжевельника болтался клочок рыжей проглядной шерсти, напоминала о происшедшем сломанная березка.

11 сентября.

Я решил иногда записывать то, что со мной происходит. Впрочем, я уверен, что запись делается где-то еще, пусть и не буквами.

В кого я стрелял? Во что попал? Весь мир изменился. Космач стал сниться каждую ночь, а день слегка раздвоился. К белому свету добавилось неуловимо бесцветное. Что-то стало смущать своим невидимым присутствием. Что-то пряталось в изгибах занавесок, в объеме тонкого прозрачного стекла, в слабых колебаниях веток, в звуках шагов прохожих...

12 сентября.

Сновиденийному Космачу многое что не нравится. Например, ему не нравится домовладелица Л.

13 сентября.

Бывшая запретная зона. Совершали с Л. прогулку, но как-то сбились с пути и не вышли к разрушенному КПП. Другую дорогу, на которой оказались, выйдя с тропы, перегораживала лежащая на боку геодезическая вышка. Упавшая или поваленная? Вывернутая с бетонным основанием...

У этого основания лежал мертвый грач с огромным клювом. Из-под крыла у него торчала рачья клешня! А-ах! Вдруг, указав резко вытянувшейся синей клешней

на дорогу, пернатый подохлец рванулся, скакнул в кусты, исчез...

Прошли шагов двадцать в направлении, указанном монстром. Дорога сворачивала. И здесь... Словно удар током!

— А - а - а - а! — натужно закричала Л.

Гигантский белый зверь-привидение глянул из-за поворота, в один миг уничтожил все мысли и намерения. Память мира исчезла...

Ветер преисподней! Прошли две минуты. Но что на самом деле там белеется, что за нелепая гора? Я подошел к ней ближе. Огромная глыба известняка! И всего только! Горка в два роста человека... Откуда она здесь взялась? Выгравированная неведомыми океанскими волнами кажимость проступала при взгляде сбоку... На то, что показалось головой зверя, был надет, как кокошник, обод тележного колеса, а из "хребта" зверя торчал кем-то забитый металлический угольник. Фрагмент человеческого черепа с одной глазницей притулился рядом на чахлой травке.

Гм! По другую сторону глыбы сидел троюродный братец Л. и ухмылялся...

Слишком много у Л. братцев! Родные — глупые безобидные богатыри, малость грешники. А вот от родственников на киселе ничего хорошего ждать не приходится.

Да! Явление покуривающего братца похуже привидения! Озарение таким не бывает.

14 сентября.

Какая-то волевая волна не позволяет рыться в воспоминаниях, образах. Переводная картинка яснее после снятия подложки — что-то было намечено с другой стороны. Но можно представить и такую картинку, которая по мере протираания меняется, не уподобляется первоначальному нечеткому облику.

Соседние хоромы — вот они, за кущами. Да не один здесь сад: много следов бывших оград, ворота без досок забора в линии бурьяна, перемины, полуразрушенные постройки... Сохранился даже грибок, под которым когда-то стоял часовой. И всё пустыри, заброшенные насаждения, до которых никому нет дела. Всем хватает и собственных. Но приятно, что вокруг сады, самовозобновляющиеся клумбы с цветущими разнокалиберными растениями среди сплошных зарослей китайской ромашки, мака и полыни. Так и Л.: кто она? своя? чужая? домашняя? дикая? Устроила мало кому известную гостиницу для шоферов у грунтового ответвления трассы. Поселила братьев в сарае, отапливаемом чугунной печкой, а дом сдала учителям. Всё это в заброшенности, зарослости, среди массы засыпанных колодцев, образующих рисунки созвездий. Источник наичистой воды уже три года бьет прямо из прокопченного фундамента кузницы... Чем и почему он был заткнут? Л. и есть заткнутый фонтан, но чего? Только делает вид, что смеется, улыбается, а на самом деле это ей не надо, ни к чему; оскал — что-то лишнее, чужеродное; все одежды с длинными рукавами, иначе почему-то нельзя и чувствуется, что ей никогда не жарко, не бывает понятия "жарко": для того чтобы отжа-

реть надо уж совсем вывалиться в мир, а можно только делать вид, что в нем находишься.

15 сентября.

Приснился Космач, бьющий Л. банной шайкой по голове. Шел нескончаемый поток снофильмов.

В сновидениях всегда казалось, что плыву по извилинам мозга — не того лживого серого студня, который находится в голове и является пустяковым оптическим обманом, но — по извилинам н а с т о я щ е г о мозга, в котором нет клеток и волокон, в котором зарождаются пространство и время, кишат триллионы иллюзий-сновидений, сплетаются в лабиринтах свода, бросают отражения, опять расщепляются, и некоторые из этих расщепленных сновидений почему-то кажутся рутинной явью. Я подплывал к ней близко: так, кое-как сработанные декорации, блажь поверхностная, что легко забывается, будто ее и не было...

19 сентября.

Песок, грязь и копанье в ямах стали хуже ада. Золотая жила не кончалась, металл не иссякал, и только потеря самородка подвигла нас с Л. на преступление — мы не довели работу до конца.

Самородок мы увидели под корнями полувывлезшей из земли пихты, когда спускались с горы, пытаюсь найти более короткий путь через лес. Я удивился: как это растущее на обрыве дерево не падает — его корни повисли в воздухе. Вдруг в корнях слабо сверкнуло... Кусок металла еле поддерживали в состоянии

равновесия отростки мертвой поросли. Еще немного — и он исчез бы навсегда.

Идти к КПП и к тому месту, где мы держали намытое золото, было рановато. Так завернутый в парашютную ткань самородок — унций в двадцать — оказался не в тайнике, а в дупле старой, еще не ветхой ольхи. Несколько раз мы подходили им полюбоваться. С одной стороны, он отдаленно напоминал панцирь черепахи, с другой — сидящего на льдине моржа. Самородок был всегда немного теплым: он состоял из двух самородков разного золота, сращенных в один.

Неожиданно этот кусок металл исчез.

20 сентября.

Обычное сновидение, но показалось, что явились сразу два Космача. Это настолько меня поразило, что я нырнул в бассейн. Дело происходило в сновиденийных термах размером с гимнастический зал. Были даже шведские стенки. По шведским стенкам, булькая, стекала и парила вода; из шестиугольных зеркальных колонн выступали краны исполинских размеров, во внутреннем дворике кипели три гейзера, а между гейзерами во множестве летали белобокие сороки, трещали и какали апельсиновым мороженым. Бассейн был глубок. Из глубины сквозь прозрачную и чистую воду я увидел, как один из Космачей надел на себя царскую корону и вооружился сверкающей драгоценной булавой вместо дубины. Нырнул глубже и уткнулся в доску, сделанную из мореного дуба. Оседлав эту широкую доску-плот, почувствовал себя кем-то вроде Ихтиандра и поплыл по подводным лабиринтам.

Иногда в лабиринтах становилось совершенно темно, как в неосвещаемом тоннеле, иногда появлялся яркий изумрудный свет. Плыл очень долго, часто приходилось поворачивать. И снова возникло ощущение, что плыву по извилинам сверхмирного мозга. За две секунды охватил умом все сновидения, которые когда-либо видел в своей жизни, обнаружил все связи между ними. На краткий миг понял, зачем вообще нужен их узор.

20 сентября. День.

Вот она, старая полковничья баня, из-за которой мы бросили разработку. Эту избушку на курьих ножках строили пленные и так всё рассчитали, что времени на ее растопку требуется раза в четыре меньше, чем обычно.

Пар шел вместе с легким дымком сосновых шишек. А можжевельник к шишкам мы добавили зря! Л. заткнула хвоей ветхую стену бани — сквозняк несколько уменьшился. Погрузила руку в воду, рука двигалась сама, словно продолжая промывать золотой песок.

Было полутемно. Л. провела ладонью по стеклу фрамуги. В этот момент дверь затрещала, упала, и в пустом проеме показался согнувшийся в три погибели Космач. Он рычал и норовил протиснуться. Вот он раздвинул плечами дверную раму. Заверещав, Л. распахнула фрамугу, выпрыгнула. Ружья! Космач уперся правым локтем в дверь чулана, где они хранились. Не имея возможности распрямиться, Космач одним толчком снес стену с фрамугой и, оказавшись на открытом воздухе, бросился за Л. Путь к ружьям свободен! Рывок — дверь чулана заклинило.

Л. успела перебежать запруду и дважды взвизгнуть. Все кончилось. Асфальтный каток гораздо гуманнее...

Дальнейшее почти не помню. Перепрыгнуть ручей Космачу ничего не стоило. На том берегу он находился, наверное, не более секунды. Эта махина неслась быстрее гепарда.

Прежде чем ружье оказалось у меня в руках, Космач вернулся на этот берег и скрылся за толпой березок. Я бросил ружье на землю. Оно попало на пригорок и выстрелило, как гаубица. Брызнула глина и щепки. Время почти остановилось. Мягко, словно во сне или замедленном фильме, спланировали с одного дерева на другое остатки сбитого выстрелом осинового гнезда. Кольцеобразный рой полусонных обитателей не распался и двинулся вслед своему домику. Секунды-осы свернулись.

Я очнулся. Вдруг раздался треск, и баня рухнула. На оставшейся стоять стене болтался, как маятник, рюкзак Л. Качнувшись в последний раз, он сорвался с гвоздя — стукнуло что-то металлическое. Меня подтолкнуло какое-то наитие. Голова не соображала. Ах, вот... Не один, а два самородка: распался почему-то на части. На внутренней стороне одного из них — "моржа" — горел огонек перлита. Самородок "черепаха" неожиданно выпал у меня из руки, скользнул в руины бани, исчез где-то в гнилье подпола.

Буру-бу́, рандубо́х богóрон.
Рандобóн борóбон буну́.

21 сентября.

Толпа народа ходила по лесу. Стреляли в сторону каждого шороха.

23 сентября.

Братья Л. сидели среди поля. В выдолбленной тыкве горела свечка. Опять <.....> кучу малу решили устроить? Ан, нет! Кругом — корзины. Пьют бузу и "Гамзу" от мелитопольской тетки. И проклинают Л. за то, что родилась. Недостает еще одного, шестого братца. Всякие троюродные — не в счет. Не та порода. Еще посмотрим, что будут делать без командира. Сопьются.

Но что это? Стреляют из коллекционных ружей в летучих мышей.

Дорвались.

Еремáна. Осцúлла. Охáяна.

25 сентября.

Сновидения. Лежу на боку и одновременно бреду через галереи кладовок, созданных на месте гауптвахт и караульных помещений, открываю двери с заколоченными васисдасами, решетками. В углах стоят бутфорски выполненные, но живые, ухоженные шахматные кони, готовые к прыжку. Навалены посыпанные перцем и политые бордосской жидкостью перерубленные ферзи. Над головой летают зелено-красные попугаи, под ногами бегают котощенки и визгомяукают. В клетках-мышеловках пищат пёстрые кибернетиче-

ские цыплята. Все стены, перегородки заставлены полупрозрачным зеленым стеклом. На стекле намалеваны карикатурные фосфоресцирующие рожи Эйзенхауэра, Аденауэра и прочих деятелей.

Еле выбрался на улицу. Вот берег потусторонней реки. В выключенном фонтане поет ветер. Попугай ара сидит в алебастровой чаше и клюет малахитовые зерна. Одно зерно черное. Это — Л. Ара схватил его и бросил в Лету. Вода хлюпнула, как болотная топь.

А была ли Л.? Может быть, ее и не было?

27 сентября.

На месте разработки издалека увидел чужую кирку и бак с дырчатым верхом. Из косого шурфа торчали чьи-то голые пятки. Не прицеливаясь, выстрелил по пяткам мелкой дробью. Никакого "ай" не последовало. В шурфе лежал холодный мертвец. Шагах в десяти — другой мертвец со свернутой набок челюстью и содранным ухом. Братец Л., только троюродный. Вокруг — никаких следов.

Я подошел к яме слева от шурфа: она углубилась, по бокам возникли пробные раскопы. Та-а-акс! Золото мошенники подчистили до конца, но вот унести не успели, а убийцы мошенников почему-то также ушли ни с чем.

— Друннхх — друннхх — умарррр! — донесся голос Космача.

Послышался треск и шумные, словно нарочито неосторожные, удаляющиеся шаги.

Оверон. Овара. Оvéда.

27 сентября.

Из леса уходил через поляны, заросшие поздней фиалкой. Заходящий шар солнца греет затылок, лица фиалок устремлены прямо на меня. Мир выглядит странно в косом свете. По планете ли Земля я иду? Слишком пестро! Насквозь просвечивают травы, шевелятся в безветрии, и — какой-то звук, глухой подземный звук. Стало чуть темнее, но неестественность мира не убывает. Предсумерки — всегда не от мира сего. Опять трехцветная фиалка — уменьшенные анютины глазки. Вот среди массы мелких показался очень крупный цветок. Из какого сада он сюда забрел? Растет как-то косо, будто воткнут нарочно. Не иллюминация ли это, не галлюцинация ли? В такое время нет ничего лучше коры волчьего лыка. Не сгорю. Вот еще один волчий куст, на нем — рыжая прядь. Не звериная, не человечесья... Вот череп лося, опрокинутый рогами на тальник, а здесь кто-то мухомор надел на ветку. Поднял ружье. Прицелился. Та-а-а-кс! И — нет выстрела! Сушеный мухомор сильнее капсюля. Здесь опять в землю воткнут огромный цветок...

Туман и сумерки падают одновременно. В стороне — силуэт. Человек с ружьем и рюкзаком. Туман. Стекланный туман. В тумане все видно. Человек склонился

над нелепо торчащим цветком. Вот еще один силуэт. Кое-где на небе появляются звёзды. Звёзды появляются на земле. Звёзды появляются на воде. Людских силуэтов много. Тысячи. Триллионы. Безмерности. Силуэты выпрямляются, оглядываются вокруг себя, оглядывают друг друга. Каждый поднимает ружье. Каждый стреляет в небо. С туманной тверди сыплются подбитые фиалки-звёзды. Туман плотнеет. Близко журчит ручей, много ручьев. Вся планета в тумане, вся разделена на квадраты ручьями. В каждом квадрате — двойник. Бра — конь — ер!

Шимарóн, шодóлла, шопáда...

2 октября.

Проснулся от какого-то шума. На верхушке березы сияла полная луна. В пристройке деда горел свет и раздавался стук.

С некоторых пор дед вдруг стал меня интересовать. Я отодвинул специально оставленную "смотровую" дранку в щели стены. Дед давненько поменял свои привычки (если не сказать сдвинулся по фазе), но последние годы его поведение мне совсем не нравилось. Дед молился и, как полагается фанатику, стучал лбом об пол. Я понял: он вернулся из путешествия и благодарит святых за дорогу.

Попом он был всего года три. Быстро превратился в атеиста, охотника, золотоискателя, хотя за отсутствием служителей культа, изредка творил по чьей-то настойчивой просьбе службы. И вот на заре старческого угасания подхватил от некой оглашенной свирепый

религиозный вирус. Кричала, говорят, оглашенная так, что в ушах звенело, а стекла рассыпались на мельчайшие кусочки... И замкнулись круги, в повторения вверглось пространство...

Абро́ты. Абра́ла. Лят.

Сколько все-таки можно ходить по святым местам и молиться мощам? Весной дед исчезал и появлялся только осенью. Сейчас на столе у него красовалась бутылка со святой водой, высилась стопка закапанных свечками журналов, высовывались физиономии каких-то заморских плодов наподобие каштанов. Пахло ладаном. Дед продолжал молиться.

Полурассвет. Полудремота. Благовония. Вдруг я уперся мыслью в тот факт, что дед необычайно рыж, что он стучит не только лбом о пол, но и затылком о потолок. Или это световое искажение, тень? Был час, когда книга или ладонь могут показаться непомерно огромными, заслоняющими весь мир, или размером — с ноготь. Ма-кроп-сия с мик-роп-си-ей. Всему свое время.

Лодобóло оло́но со́но,

белида́ обеду́ла ала́н.

4 октября.

Как обычно, часов в пять утра рыжий дед захватил всевозможные подарочки от Николая-угодника и отправился в заранее натопленную баню. Там и постиг его удар. Домолился. Всё очень скоро в этой жизни.

И вот мертвый дед лежит, сжимая в руке реликвию — банный веник...

К вечеру меня что-то насторожило. При свете багровой луны я вышел на улицу и навестил деда. Он оказался гораздо рыжее, чем днем, а размерами — значительно больше. Или это связано с закопченным стеклом шахтерской лампы? Где-то видел я этого деда... А если глянуть не на профиль, а прямо? Я изогнулся. Так и есть! Один старец паломничает, подносит дары монастырям, а другой, его двойник, буйствует в сосновых лесах. Кричала оглашенная так, что в ушах звенело, стены разрушались... Хнурд-хнурд! Раммуд! Скажи мне, ветка Палестины, где ты росла, где ты цвела?

А луна странная, огромная, нереальная — подвешенный в небесах человеческий череп. Гугукнул где-то сын, и я счел за благо убраться восвояси.

6 октября.

Солнце словно повернуло на лето. А если бросить взгляд вверх на затемненные листья деревьев, можно впасть в иллюзию и мысленно оказаться в июле. У тропинки будто бы молодая травка. А это кто? Девочка лет трех-четырех, босая, в легоньком платьице...

— Девочка, ты откуда?

— Н-н-е-е скажу!

— Как тебя зовут?

— А — ню — та!

— Где твоя мама?

— А я вот-т т-тебе н-не скажу-у-у!

— А живешь где?

— А я вот-т т-тебе н-не скажу-у-у!

Из-за сарая вдруг появился рысенок, мелькнул любопытством во взгляде, кисточками-ушами, пропал. Я оглянулся на девочку: девочки нет. Нет девочки. Кругом — низкая трава и кучки картофельной ботвы. Девочки нет нигде. И словно я видел ее где-то, когда-то. Похожа на маленькую сестренку, что исчезла лет тридцать тому назад... А была ли девочка? Может быть, девочки не было?

Бурубун рандубох...

6 октября.

Дед только недавно объявился дома, но уже ухитрился куда-то спрятать свои книги и паспорт. "А я вот тебя не скажу" — надо же! А не там ли его документы...? Та власть далеко, но и местные князьки иногда требуют порядка. А где его книги — темные переплеты с металлическими застешками? Под нижним перекрытием — пусто. Искать больше негде. Потушил лампаду в "красном углу". За иконами — ничего. А это? Справа часть стены приоткрывается, держится на кожаных петлях. Но приоткрывается только чуть-чуть. Привязана к чему-то невидимому. Надавил сильнее. Ложная стенка свалилась. Столб пыли — и передо мной пустое поме-

щение. Библиотека исчезла. Анюткой ее звали. Остатки разбитых стеллажей. Зеркало у заложённых кирпичами окон. С другой стороны эти окна маскируются идущей вдоль всего дома пристройкой! Зеркало — источник света: лучи солнца попадают в него из крошечного оконца под потолком. На полу в одном из шести углов лежит фотография в рамке: Анюта-девочка на руках у существа в рясе и без лица — угол фотографии отломан вместе с рамкой.

Лаáри о-óдо ойдо,
óдо о-áта летáнь.

Исследуя металлическим зондом прогнившие деревянные перегородки на месте, указанном новой "анютиной глазкой", я свалил шестиугольную вставку, которая скрывала шестиугольное отверстие. В глубине еще одна вставка: книга... Эта книга — "Потерянный и возвращенный рай". Последний раз я видел это издание, когда мне было лет пять. Нет! Нет! Это другая книга, на неё похожая: "Обретенный и потерянный рай"! Любопытно, но не в полутьме ее читать! И чувствую, надо бы... А что там еще? Серый холщовый чехол.

Из чехла я вытащил огромный, шестиугольный в сечении жезл, усыпанный необычными сияющими камнями, вовсе не тусклыми поделками, что идут на ювелирные украшения. Это потусторонние самоцветы! Блеск камней ослеплял. Мало того, я чувствовал исходящее от жезла излучение. Оно чуть грело, вызывало слабую вибрацию в коже.

Мысль о радиоактивности камней исчезла. В каждом камне — особый мир. В каждом камне — много миров. Чуть повернешь жезл — и всё меняется. Зачем гульш? Зачем дряхлый Лувр, чахлый Метрополитен-

музеум? Вижу Абу-Арин, вижу Кумер, второе подземелье под красной ольтекской пирамидой! Вот я вижу планету насквозь и время отдаленное вижу. Зачем мне мощи, лавры, вифлеемы?

Внезапно я почувствовал острую боль в сердце и бицепсах. Изнутри словно распирало... Но вот боль стала проходить. Я успокоился и вернулся к жезлу, начал его поворачивать. Камни уносили далеко. Вдруг из зеркала, размещенного между двумя заложёнными окнами, на меня в упор посмотрело огромное рыжее чудовище. Чудовище размахивало драгоценным жезлом.

Бехх! Быхх! Бох-х!

Дох-х! Дых-х! Дух-х!

Тых! Тых-х! Тог!

Рех! Рек! Рух!

Снежный человек царствует в лесах по эту сторону реки, шастает по баням и заброшенным стройкам, внезапно возникает — то тяжело, то паутинно-призрачно...

Странное эхо в золото-зеленых лесах сосновых. Звуки доносятся отдаленные, изувывные.

ЖИЗНЬ НА ПЛАНЕТЕ УЙО

ДО СТАРТА

1. Нефизический космос.

Точно не скажу, когда с ним познакомился. Можно заявить, он был со мной всегда. Но иногда он ощущался особенно ярко. Первый раз это случилось, когда мне не было и двух лет, второй — лет в тринадцать. Я его мог видеть и с открытыми, и с закрытыми глазами, и даже незрительно. Порой он давался очень остро и пронзительно. Я понимал, что это чувственно-чувственная причина всего, не некое абстрактное общее, но общее действительное.

Не тютчевский хаос, не лилово-сиреневые миры Александра Блока. И все-таки близко им.

2. Незадолго

Представьте, что вы — клетка биологической ткани, вы живете в качестве клетки, каким-то образом воспринимаете, не только соседние, но и весьма отдаленные другие клетки. Все это продолжается неведь какое время.

И вдруг оболочки клеток местами начинают теряться, иногда исчезают вообще, то в каком-то мелькании появляются вновь. Кто вы тогда? Назвать можно как

угодно, но это ступень одной из лестниц, а лестниц много и в то же время ни одной. В качестве лестницы преобразования этого кому-то почти достаточно. Полностью перейди в общее, откроются дороги к частному-производному.

ТАМ

3. Астрономия

Вопрос об астрономических координатах системы Зосу никогда не возникал. Ведь лететь на ракете мне не приходилось. Откуда я знаю, сколько орбит метагалактик или галактик придется пересечь в этом направлении? Проще говорить о центре астрономической вселенной. Положение Зосу похоже на положение Солнца и во вселенной, и в собственной галактике. Только галактика звезды Зосу неспиральна, и не шарообразна, больше походит на блин с небольшими выпячиваниями. Я почему-то убежден, что невозможно провести плоскость через Солнце, Зосу и центр вселенной. В этом будет какая-то глубокая астрофизическая ошибка. Да и говорить об одновременном синхронном сосуществовании Зосу и Солнца абсурдно — начиная с некоторой удаленности объектов друг от друга, наши нынешние представления о времени и пространстве имеют цену меньше ломаного гроша. Поэтому не будем говорить о циркуле, воткнутом в центр вселенной, и об угле между Солнцем и Зосу. Будь пра-

вы Евклид и Ньютон, было бы где-то сто сорок градусов. Голова у вас еще не закружилась?

А вот привычные мерки. Без всякого циркуля. Уйо немного дальше от Зосу, чем Земля от Солнца. Очень точно переводить зеры в километры не берусь, но по бытовой логике это так, хотя размеры — дело обманчивое, относительное. Уйо и Земля почти одинаковы во многих отношениях.

В системе Зосу всего три планеты: первая Уйо, вторая необитаемая, твердая, возможно, бывшее ядро, по массе в шесть раз больше Уйо, третья — большая газовая планета. Очень тривиально, но это так. Я ожидал гораздо больших отличий от нашего мира. За орбитами трех планет, довольно далеко — кольцо из планетоидов. Говорят, по каким-то хитрым причинам все это устойчиво. Обломков, осколков рассыпавшихся планет почти нет. Правда, некогда Уйо потеряла один из двух спутников, но это, считают, к лучшему. Устойчивость только усилилась.

4. Вселился ли я?

Давайте забудем о средневековых выдумках и парapsихологии. Не думаю, что я в кого-то вселялся на той планете. Я просто видел изнутри того существа, знал его память и его навыки. А в отдельные редкие мгновения мог о чем-то мысленно "договариваться" с ним... Тьфу! Так это договариваться с самим собой! Я же все-таки не внедрил туда в такой-то момент его

жизни! Я знал его с самого его появления, пребывал во всех моментах его прошлого, будто я родился вместе с ним. Вот как было! Отличие лишь в том, что моя *земная память* не исчезла. Вы чувствуете, какой здесь удар по компетенции земных нейрофизиологов?

5. Биология

Видимо, биологическая разновидность жизни возникла не на Земле и не на Уйо. Она была туда как-то занесена, хотя я полностью не отрицаю некую спонтанную возможность перехода жизни в биологическую фазу: <органические коллоиды> каким-то образом могут пародировать <исходную витальность>. Это фраза метафизически неправильна, но не буду делать уточнений.

Узримая жизнь на Уйо именно биологическая. Что в ней общего с жизнью земной? Только самое начало. Бактерии, водоросли, грибы, мхи — почти те же. Есть губки и червеобразные существа. Остальное — другое. Нет цветковых растений, нет членистоногих. Нет хордовых. На первый взгляд хордовые там есть с внутренним скелетом не из костей, а из гуттаперчевого материала... Но это НЕ ХОРДОВЫЕ, лишь конвергенция. <Рот в анус> там ни у кого никогда не превращался.

Кто же на Уйо относится к так называемым "разумным существам"? Разумных существ не бывает вообще. Человек сам себя возвеличивает. Да. Я жил неко-

торое время среди существ, похожих на людей, и сам был таким существом. Но не человеком же я был на самом деле! Существа эти живородящие, но не млекопитающие. Млекопитать никого не надо. Всякого рода жратвы хватает и без того. За ней здесь никто особо и не гонится, не она фактор конкуренции. Подумайте, ведь на Земле никогда не бывает драк из-за гравитации и даже из-за кислорода воздуха.

6. География

Вода и суша распределены полосами. Нет таких понятий как материки и океаны. Уйо — полосатая планета. Пустынь не может быть по природе вещей. Рисунки древнейшей тектоники (многочисленные параллельные трещины) позже дополнили кораллы: часть полос суши построили именно они. Базальты, граниты — такого здесь нет. Слюдь и всяких шпатов — сколько угодно. Думаю, на Уйо железа и кремния раза в три меньше, чем на Земле. Больше кобальта. Оттого многие отличия. Впрочем, я не геолог. Вести проповеди о минералах не могу.

7. Цивилизация

Наверняка кто-то сравнит цивилизацию на Уйо с XVIII веком на Земле и ошибется. А внешне это похоже на XVIII век. Правда, здесь не нужна одежда. Не нужны волосы и шерсть. По одеяниям уйотяне напоминают

античных землян. Нет никаких государств. Везде высшая власть — муниципальная.

На планете три языка, сильно сходных друг с другом. Письменность без иероглифов и т. д. Все это покажется скучным — не стоит чернил. А что замечательного, интересного? Есть там замечательное, интересное, завлекательное, но признаюсь — это сложно описать. Нет у нас людей того внутреннего самовосприятия, необходимой галереи внутренних чувств, нет нейронов, соответствующих этому.

Древнейший транспорт — тот, что в Венеции. Вся планета — своего рода Венеция. Второй транспорт — не наземный, а воздушный, точнее надводно-надземно-воздушный. Особым достижением второй транспорт назвать нельзя. В некоторой степени сходное есть у многих классов организмов. Даже части растений. Что делала природа? Она подарила избранным ею обитателям готовый экономичный двигатель, работающий на перепадах и флуктуациях излучений планеты, еще кое на чем, связанном с <хроногравитацией>. Могут возмутиться: "Как так?" и "С какой стати?". Однако мы не жалуемся на то, что нам дали мозги, которые в каких-то отношениях пока лучше микросхем.

Переходный период к воспроизведению дара природы — капиллярная гидропоника, физрастворы, быстрые мембраны.

ПОСЛЕ ВОЗВРАЩЕНИЯ

На Уйо я прожил почти тридцать тамошних лет. А на Земле отсутствовал всего четверо суток. Это было летом 2006-го года. Понятия не имею, что могло быть со мной на Земле в эти четверо суток. То ли я находился в летаргическом сне, то ли вел жизнь лунатика. Если я и был здесь лунатиком на самом деле, то меня бы схватили и скрутили. А такого не случилось. Итак, или я спал, или каким-то образом успешно имитировал себя обычного. Конечно, никого ни о чем не расспрашивал. Добром бы мои вопросы не закончились.

К несчастью, либо (наоборот) к счастью, сразу не записал происшедшее, а оно — вовсе не для людских мозгов и людской памяти. Земная жизнь не противоречила жизни на Уйо, а события на Уйо не вмещаются в наши <представления и способности>.

Передо мной картинка: прямо в воздухе там и сям разбросаны полупрозрачные желтоватые кубы, я за чем-то просовываю <руку> в один из таких светящихся кубов — и всё начинает вращаться. Тогда было дело ясное и внятное, но сейчас я ничего не понимаю.

Любовь? Дружба? Идите, вы господа, к черту. Это не для того мира. Там существует нечто, что гораздо сильнее! Нет там обезьян...

* *

Что самое вредное на Уйю? Только мой земной опыт. Там я в какой-то степени <повторил> то, что со мной было на Земле. Кое-что откорректировал, но по сути ничего не изменил. Проблема не в действиях, не в характере, но в <исходном несущем>.

А если как раз на Земле начинать заново? Здесь всё сделал бы наоборот. Но не уверен, что опять не возникнут намеки на потерянные возможности. Уже с другой стороны.

КРЫСА

Алла Ивановна устроилась работать крысой. Работа была не особенно тяжелой, но требовала огромного интеллекта и умения видеть сквозь стены. Алла Ивановна ругала себя за наивность: тонкого обоняния не доставало для правильного прогрызания ходов.

Все-таки ее первые сообщения были плодотворны: задолго до полевых испытаний выяснилось, что Алла способна отличать запамянные дезодорированные коробки с сыром от пустых контрольных коробок.

Если отдел, благодаря Алле Ивановне, и вышел из застоя, то сама она испытала на новом поприще массу мелких трагедий. Заранее ознакомившись с избушкой, в подвале которой ей назначили работать, Алла накупила в воробьиных количествах всевозможных деликатесов и попрятала по окрестным кустам.

В первый день она долго берегла для себя сюрприз, работала без обеда и, в конце концов, не выдержав, стремительно помчалась к кустам, смешно и неловко вытянув хвостик.

В кустах оказалась только обертка. Недоуменно оглянувшись, Алла побежала к кустам по другую сторону, и — у нее чуть не оторвалось сердце: шестеро собак — огромная серая, маленькая рыжая и четыре пса разного роста и неопределенной масти — устроили пиршество. Серая сучка, отогнав рыжую, спешно заглатывала белесую сосиску.

Алле Ивановне пришлось перейти на скудный командировочный паек. Начальство в глаза называло Ал-

лу Ивановну крысой и считало, что крысе многое и не надобно.

Зато наша героиня могла насладиться особым видением мира. Мир крысы оказался гораздо богаче человеческого. И пренаивно заблуждаются зоопсихологи, утверждая, что у крыс де нет цветного зрения. Цветное виденье у крыс есть, но особое и сквозное, невыразимое в человеческих понятиях.

Алла Ивановна досконально изучила красоты помоек и мусорных ящиков. Выяснилось, что человеку недоступны многие нюансы крысиных ощущений, но прошло еще немало дней, недель и месяцев, прежде чем рассеялись жалкие иллюзии, и Алла Ивановна поняла: крыса — высшее существо на Земле, а человек — только подсобное животное, продуцент провизии и жилища.

И вот Алла выехала в Краснодар. Там она бросила все командировочные дела, села на автобус и переправилась на пароме в Крым. В Крыму она немедленно превратилась в крысу. Тогда-то и началась настоящая жизнь. Что такое жизнь, Алла Ивановна не знала даже тогда, когда бегала, наострив усики, по самым живописным помойкам, когда читала древние письма на заплесневевших стенах нор-лабиринтов, когда видела с помощью нового чутья будущее торжество крысо-тронной эры.

Жизнь обрела для Аллы Ивановны целое небо новых и красочных измерений. Можно сказать, внезапно заиграли арфы, взвились под небо фонтаны, на землю спустились радуги, а реальность пересеклась с волшебными сновидениями.

Именно в этот период своего расцвета Алла Ивановна познакомились с крысой-принцем, наместником, главой всех крыс Египта и Передней Азии. В Крым эта важная особа прибыла с культурно-дипломатической миссией. Забредшую на крысиный вернисаж Аллу Ивановну по оплошности не убрали пасюки-охранники. Принц чуть было не принял напуганную Аллу Ивановну за инсталляцию. Ему очень понравился необычный акцент нашей путешественницы, кое-какие ее специфические округлости и умение говорить ни о чем.

Алла Ивановна была счастлива как никогда и, конечно же, ей не хотелось превращаться в человека. Она поведала принцу о своем гадком исследовательском институте и о связанных с ним опасениях. Принц вознегодовал на все человечество и принял необходимые меры. Он собственноручно сжег всю одежду Аллы Ивановны, включая купальник. Путем крысиных интриг, а также пользуясь тем, что его папаша был крысиным Иеговой, принц добился упразднения мерзкого института. Сфабриковали милицейское дело о том, что Алла Ивановна упала с прогулочного теплохода и утонула в Черном море.

Однако молодость Аллы Ивановны истекала, а отношения с принцем не были надлежащим образом оформлены. Сложность крысиной религии и особенности вытекающих из нее семейных отношений доступны лишь избранным, а Алла Ивановна крысенком никогда не была, вельможных родителей не имела. Все хрупко в этом мире, и принц, увы, бросил Аллу, не взяв ее даже в наложницы.

Где только не побывала Алла Ивановна, используя в качестве пропусков оставленные у нее на шкурке царственные отметины: и в Коломбо, и на Сулавеси, и в Каракасе.

На одном из островов Зеленого Мыса после многих мытарств, ей, наконец, удалось облапошить крысиного начальника и найти окончательное пристанище. И всё бы ничего, но всю оставшуюся жизнь ей отравляла сознание мысль о том, что методика института ненадежна... А вдруг что-то не сработает, и она вновь превратится в человека?

1982 г.

ОГОНЁК

Быстро очень шё-ол Симов. Был он в духа состоянии приподнятом, но сказать мало это: озарением пылал он весь, точнее, пожаром страстей еще более высоких.

— Наконец-то! — твердил он. — Сотворилось!

Не погасла в его памяти гигантская карта Супервселенной и событий всех: прошлых, будущих. Ему Симову увидеть удалось тот факт ничтожнейший, пустячок, изменением еликого повлиять можно на метagalactic движение. Мелкий упомянутый факт, пустячок, доступен и во власти Симова, хотя него ради затеял он скитание некоторое.

Достаточно отправиться в известный Симову посёлок, слегка нарушить церемонии и обычаи, вызвать недоумение окружающих, подействовать на чепуховый неисторический эпизод — как перевертывалось всё, грядущее предначертывалось другим, а время удаивалось Монумента времени.

Симов миновал три-четыре улицы с редкими фонарями. В лужах плавали листья. Серп луны на небе имел форму зеркального "эс" и перемещался в такт шагам. Но в будничности обреталось неземное раскрепощение, реяла безмерная свобода: мир походил на произведение искусства. Волнение от сознания сделанного уже меркло. Чувства перевешивало изумление от возможности такого влияния событий друг на друга, при

коем важна не их сцепленность, а иные, невероятные законы, стоящие над человеком и природой.

Переживание-виденье всех времен и пространств сразу — стихало, воздух наполнялся обрывками фраз что-то обсуждавших людей. Симов догадывался: это "что-то" одно и то же в каждом разговоре.

Он выбрался к озеру. Лучи прожекторов подсвечивали поверхность воды до белизны. Пройдя парк, Симов уперся в двухэтажное здание со стеклянными стенами. Сквозь стекло доносились хлюпающе-чмокающие звуки музыки. В низких залах кучковались, разгуливали, раскачивались в танце праздные люди. Их головы почти касались полупотушенных шаров-плафонов. У дверей сержант милиции держал за ворот балахонистой куртки вырывающегося субъекта.

Симов боковым зрением отмечал внешние явления. Пройдя около полусотни метров, он опять очутился в густой толпе, но теперь народ шел ему навстречу. Мелькали лица, люди даже не шли, а, скорее, плыли, неслись...

Внезапно он заметил: путники идут на него без малейшего желания избежать сшибки. Безликая масса обтекала Симова... у самого его носа. Пришлось взять правее и обходить не столько прохожих, сколько насаженные вдоль тротуара тополя.

Вблизи них оно и содеялось. Из-за дерева выступил и устоялся на Симова потрепанный старик с пропитой физиономией. Желто и остро воззрились вытаращенные, как при базедовой болезни, зеницы. Старик исторг нечленораздельный вопль, чиркнул спичкой и сунул её зажженный конец прямо в лицо Симову.

— Дух! Дух! Дух! — возопил старик на всю улицу.

Симов попытался отстранить сумасшедшего и обойти его. Тот начал совершать неестественные движения и упал на руки идущих.

— Вы! Слепые! Разве не видите этот огонек?! — кричал безумец, указывая на Симова.

Прохожие стали смотреть на Симова, но ничего, кроме пустоты, там не увидели. Симову показалось, вот-вот он провалится в бездну.

С восклицаниями "Дух!", "Дух!", "Дух!" сумасшедший вновь принялся прыгать вокруг Симова и чиркать спичками. Пламя чуть не спалило Симову ресницы.

— Пошел вон, дурак! — неожиданно громко и резко, но бессловесно выговорил Симов, и в тот миг на него нахлынуло такое, от чего всё оборвалось.

Звуков в речи Симова не было, но присутствовало то, что хуже и страшнее. Лица людей сделались бледнее смерти, в их глазах застыл ужас. Окоचурилась вселенная и родилась жуткая, дикая. Взметнулся густеющий мрак уничтожения, грянули круги сознаний концентрические, возникло третье, побочное равновесие, которого и не должно быть.

Исчез парк и стеклянное здание, сгинула набережная. Радостно визжа, размахивая тесаком, помчался детина в длинной балахонистой куртке.

Здесь Симов постиг: никто не чиркал спичками, огонёк есть он сам, разгорающийся под больным взглядом старика. Он, Симов, не шел по улицам, а плыл неумовимым плазменным облачком.

Мир стал неким третьим. Середина его коснулась периферии.

Вдруг Симов узрел себя дома и ровно со стороны — сидящим в кресле с поднятой левой рукой.

Через минуту внутренней смутности прорисовались воспоминания. Будто совсем недавно, он перемещался по вечерним улицам.

Симов еще сильнее напрягся, собрался с мыслями и до него дошло: местность, по которой он путешествовал, хотя и далековата, но знакома, в ней не приходилось бывать больше восьми лет. За долгое время там мог подрасти парк, выстроиться концертный зал с дискотекой, озеро — обрести набережную. Но нет! Нет! Не это важно! Многомерная карта сплетения причин и следствий выветрилась из памяти. Пропал остов того, благодаря чему завязывается их кажимость. Но они ли сейчас главное? Зачем потребовалось туда лететь? Карта Космоса не галлюцинация, не сновидение. Она яснее любой яви... Какое событие понадобилось изменить? В какую точку поселка довелось спешить с таким нетерпением, что в кресле осталось забытым тело? Какова была цель? Цель! Цель!

1986 г.

БАБЬЕ ЛЕТО

Хризантема росла на осенней платформе за ребристым ограждением. Луч солнца играл на ее влажном венчике. Веял теплый ветерок. Зеленый поезд двинулся и остановился, любопытно осклабя мимикрировавшую под бегемота крашеную голову.

"Это не мой поезд, – прошептала Хризантема, – пусть он скорее уходит". И поезд ушел.

Платформа была пуста. Только внизу белые одуванчики готовились облетать и, вяло покачиваясь, обсуждали это важное событие. Высоко на небе реяли облака.

– А отчего это у Хризантемы сверху махрово, а внизу голо? – спросил Аллах у Джабраила.

– Ах! Ах! – изумился Джабраил. – Это дело я исправлю!

Джабраил провел могучим перстом и сломал тщедушную железнодорожную стрелку.

– Ва-ва-ва-ва-ва-вах-вах! – запели дюралевые муэдзины на черных столбах.

– Бжмбрррр! – изрек внезапно остановившийся товарняк и, передав по всей цепочке состава тормозной удар, высыпал на клумбу с одиноким цветком кучу шлака.

Стебель с редкими листьями остался цел, но покрылся мусорной туникой.

— Ва-ва-ва-ва-ва-вах-вах! — повторили дюралевые муэдзины.

— Ох, не попаду я никуда, не попаду! — тщетно попытавшись отряхнуться, произнесла Хризантема. — Пойду домой, пока не отцвела. Но где дом? И все же она пошла, направляясь к группе одуванчиков. Возможно, это ей показалось, а на самом деле, отражаясь в окнах станционного здания, стал перемещаться в обратную сторону товарняк.

— И я отцвету, — оглянувшись на одуванчиков, грустно подумала Хризантема. — Отцвету я.

Прыснула кобыльим смехом ржавая дрезина и, задрав сизый хвост, помчалась по блестящим рельсам мимо вечно поднятых берёз-шлагбаумов.

КЛИО

Контрфэнтези

К берегу реки Усьямрупи, почти к самому ее устью подплыла огромнейшая рыба, проглотила трехгодовалого быка и скрылась. Это стало началом событий, происшедших в стране Упта-Макаль-Бласкес, охвативших область Мороке-Нетосбака, остров Мурашиных Воров и пустыню Хромой Шалопутни.

То было время, когда в долине у Больших Лягушачьих озер еще стекала с веток красностебельного строгалиска камедь, а в период малых дождей, посыпая всю округу лепестками цветков, ходило посредством корней смеющееся дерево, когда волосы из подмышек себяблюдущих дев тайно не сжигали на священном огне, а суп из хвоста ботулинского кота не вошел в обычай, когда исполинская комета Апостопузиса не коснулась земли, а звезды еще были прибиты серебряными гвоздиками к небесной тверди.

Тогда-то решили птеромегары, агрофетиды и клефореты, что проглоченный рыбой бык – вовсе не бык, а тысячеокий змеекручич, некогда волхвовавший к западу от Ущелья Взбесившихся Обезьян, а рыба – не рыба, а исчезнувший десять солнцелет назад вместе с войсками, городами и кораблями сатрап царя Околедониса – Пупелон-Джимай-Акубарх.

Царь эсебеев, фенеев, гидичеев и пелесгеев, Околедонис, не внял толкованиям птеромегар, агрофетидов и клефоретов, не понял путей воли, утренних, по-

луденных и полунедыхих духов, не подарил птеромегарам, агрофетидам и клефоретам по перу прозрачного ибиса и по хуммерской нити со своей правой набязки, а велел играть себе триста сорок вторую свадьбу и звать на нее обридов, руидов и каппарийцев.

Потому-то на крышу капища возле горы Опускающегося Солнца села морская птица, прилетевшая изда- лека. Отдохнув, она подскакнула к статуе Розовой бо- гини над входом, выклевала у нее халцедоновый глаз, а затем улетела за пределы царства Околедониса. О горе и бедствия! Опустились смуты на пораженные ими народы. Отложились от Околедониса область Мо- роке-Нетосбака, а потом – остров Мурашиных Воров. Шедшие через пустыню Хромой Шалопутни караваны повернули назад, укрылись от царской погони в Уще- лье Взбесившихся обезьян и затем сумели обойти сто- роной владенья Околедониса. А дряхлый повелитель ягов, виндов, свитов и ведов, царь Г'Ор-Ох, отказался уступить трон своему зятю Бирун-дею, исполнился твердости, поклялся Пуруном и Барахмой начать войну против Околедониса.

Через 204 луны объявился опять Пупелдон- Джимай-Акубарх, но потерявший власть, силу и сваре- ние желудка, повинился во всех грехах, оттянул пур- пурные шальвары и высыпал обратно многократно умноженные войска, города и корабли. На землю словно упали неожиданные богатства. Золотой век сменился бриллиантовым. Воспели славу царю Околе- донису, его полису и паролису. Но нет причастия в сча- стье: шарахнула изо всех сил комета Апостопузиса, лишила чувства вкуса Главного кита, поддерживающе- го Землю, а крайних китов навсегда отучила пускать

фонтаны восторга, прошла материнские воды вселенной и вернулась на далекую твердь.

Все как один потухли огоньки звездочек. Превратились в черные наперстки. Со свистом и шумом попадали на землю. Из наперстков вывелись крылатые ботулинские коты. Коты ничего не хотели и не желали, кроме паштета из печени себяблюдущих дев. Повсюду собирали они свою дань и уносили в новую страну — Ботулинию.

Три миллиона лет длилось это бесчинство, пока жившие в долине у Больших Лягушачьих холмов гидичеи не отряхнули с голов пепел, не научились собирать посредством сока рыдающего дерева камедь с земли вокруг черностебельного строгаиска и не стали отдавать ее комариным вора́м для охоты на ботулинских котов.

Собрались в день неясный и пасмурный все коты в горах Нетосбакских. Из-за крика котиного ожил от долгого сна Дракон Пламенный, правнук Акубархов, проглотил котов вместе с камедью черностебельной, ядовитой. Пролетел с омега Дракон Пламенный пять тысяч сфер небесных, вдохнул в себя небо и разорвался на восемьдесят две метагалактики. И вспыхнули в метагалактиках черными и белыми драконятами огромные шары звезд поддельных, лишенные гвоздиков серебряных и твердей хрустальных...

Зато и над старым миром расцвело, разгорелось зеленое солнце

Воспели славу новому царю, Опрозонису, его полису и гонорису.

И сто семнадцать изумрудных веков блестело, светило зеленое солнце, пока в небе вновь не появился огромный хвост, пока комета Апостопузиса не врезалась мощно в море Хромой Шалопутни, не сделала Землю шаром, убив китов-держителей, и не превратила людей в козлов, гиппокентавров и обезьян.

ДО КЛИО

В те времена, когда с планеты Земля еще не улетели разумные ящеры, а пещерный человек не появился серийно, на одном из материков существовал Дом-город-государство. Покрылся ли потом Дом-государство горами или скрылся под водами океана, или был разобран по чьему-то приказу — мы не знаем. Произошло что-то более сложное.

Источники непомерного богатства жителей Дома трудно определить. Существовала там низшая каста, наподобие рабов, но эта каста не пахала, не сеяла — не занималась тяжким трудом.

Низшие люди эти (здолго до появления обычных приматов) были очень болтливы и ленивы, прожорливы и похотливы и обожали всевозможные зрелища. Жить просто так они не могли и существовали только за счет выполнения инструкций, наставлений, предписаний.

Особям этой касты постоянно давали всевозможные задания, бессмысленные и бесполезные, но необходимые для дисциплинирующего времяпрепровождения. Благодаря выполнению бестолковых и бесцельных действий — представляемых как нечто архиважное — эта каста не сходила с ума и не превращалась в стадо диких животных. Для нее специально придумывались нелепые игры, науки и искусства, которые каждые 5 тысяч лет ради разнообразия заменялись противоположными.

О жизни высшей касты судить сложнее. Скорее всего, для одних ее представителей главным занятием

было преразмышление, для других — сверхсозерцание, для третьих — что-то такое, о чем мы и подозревать не можем.

Самым страшным и чудовищно опасным фактом из жизни Дома считают отсутствие в нем чего-либо похожего на плети, тюрьмы и избирательное право. Особенно архаично стремление жителей обходиться без гигиенических стоек установленного образца и автоматически ломающихся кормушек.

Дом состоял из восьми тысяч секторов. Один из них сохранился целым посейчас. Его обнаружили под четырехкилометровым слоем пород всевозможного происхождения. Налицо серия непонятных тектонических смещений и глобальный катастрофический вырыв.

В секторе имеется стенная роспись, скульптура. Нашли хранилища со странноватыми предметами, похожими на наши матрицы для печати. Но останки самих жителей не найдены.

Есть мнение, что представителя высшей касты сублимировались вследствие недостаточности своей телесности. В таком случае возникает вопрос, куда подевались представители касты низшей?

Ответ вы легко найдете сами.

МИРОН

Для поддержания памяти Мирон каждое утро выпивал столовую ложку настоящей на гвоздях водки. Со временем гвозди он заменил на мелкие обломки безопасных лезвий. Лезвия оказались куда эффективнее! А сегодня? За окном солнце. Погода расчудесная. Мурлычет радио. До мерзкого рекламного блока еще далеко. Та-та, та-та, та-та! Плюх из бутылки в крошечный стаканчик с делениями. Та-та, та-та, та-та! Р-раз! Глоток. Радио мурлычет. Сбоку языка что-то жесткое. Та-та! Не вставил в бутылку усики чайного ситечка! Жесткое куда-то исчезло. Будто и не было. Подошел к зеркалу с фонариком, направил фонарик в рот. А-а-а! Крови нет. За окном солнце. Погода расчудесная. Слегка вспухла голова. Где-то будет дырка. А может и не будет. Лезвия-то затупились, подмягчились. А йоги, вон, жуют и глотают новейшие. Запивают серной кислотой. И хоть бы что. А прадед, оружейник? Луженые были кишки. Настаивал на уксусе какие-то хитрые пружинки. Прожил сто одни год. Мог бы и дольше, если бы не уколошили в девяностые. Па-папп! Пап-п! — в открытое окно влетел мяч. Несерьезный. Желтый с зеленым. Мирон глянул в окно: никого нет! Ближнее пространство свободно от людей. Вдали никто не проявляет интереса к происшествию. Выбросить мяч в окно? Можно. Но если за ним придут? Или уже идут? Прошло минут двадцать. Никто не явился. А что за мяч? Мяч оказался теплым и даже мускулистым. Внутри него бился пульс. Живое существо? Но раскраска

его аляповатая, неестественная. Ни глаз, ни ног, ни ушей.

— А ты порежь меня ржавым лезвием, порежь!

Гм...м. Послышались эти слова или нет? Спрошу.

— Так что я должен сделать?

— А ты глухой или прикидываешься? Что я сказало, то сказало.

— Интересное дело! Ты кто? Мяч или мяч'о?

— Захочу, буду через "е" — меч'о, но ты уж тогда окажешься мяс'о. Режь меня немедленно! Иначе сам знаешь... Одно меч'о в тебе уже сидит. И глазом не моргнешь — в тебе окажется второе.

Радио прорвалось нестандартным, не с музыкой Шуберта:

Ave Maria, ave
Gratia plena, ave
Dominus tecum
Dominus tecum, tecum...

Желтое с зеленым чуть колыхнулось в сторону динамиков, и они замолкли.

"Намек на какое-то причастие. Ладно. Ладно. Причащу. Опасная бритва есть. И как раз почти ржавая". И дальше в словесных мыслях: "Лезвие! Лезвие!", а в мыслях образных: "Фонарик! Фонарик! Гляну в маленькую дырочку: а если там огогося?"

Всё! Нашел! Шар будто чуть придвинулся. Мирон размахнулся в его сторону будто для большого разреза, а сам воткнул лезвие, как копьё, и крутанул. Мускулы-мускулы, а кожа тонкая. Фонариком — щелк! А внутри... Фонарик не нужен. Прет ярчайший свет. Рука, не дожидаясь команды, рубанула лезвием. Мирон увидел небеси, сам на них оказался. Без рук, без ног и головы, без запада и востока. Он стал мир. Мир, осязаемый от и до, в котором нет ничего. Только бицепс ничто, которое всё. И пресвятое безвременье. Загляденье до отвала в вечность.

+ +

"Па-папп! Пап-п!" — к кому-то влетел мяч. Несерьезный: бирюзовый с розовым. И влетел не в окно, а откуда-то, пройдя сквозь стену.

Июнь 2021

ПИСЬМО К ГОГОЛЮ

(Отчет, наговоренный спящим медиумом)

В некотором царстве, Русском государстве жили-были писатель Николка Гоголь и критик Виська Белинский. Очень они были похожи друг на друга, как две одинаковые редьки. Оба волосатые, оба усатые, только Виська ещё и бороду носил. А коли ему бороду сбрить, волосы в темное перекрасить, а нос удлинить и скривить — вылитый Гоголь будет! Да что там говорить! Если написать не бумаге слово "Гоголь", то и получится "Белинский". Ведь говорят, что даже Китай и Испания — одна и та же страна.

Прекрасный человек Николка Гоголь. Очень он обожал дыни и деньги, только за барышнями никогда не бегал. Отличный, отличный человек Гоголь; любил он читать газеты, брать сюжеты у Аспушкина, а также писать книги по истории. Хотел он однажды написать историю Украины, историю России, всемирную историю, вселенскую историю, да только как-то не довелось.

А какой богомольный человек Николка Гоголь! Всегда попам указывал, как литургию служить надо.

Весьма хорошим человеком прослыл и Виська Белинский. Делал он всё с жаром сердца, пламенел любовью к истине, со всем негодованием души ненавидел несправедливость, но был человеком пылким, со страстями дикими и необузданными. То он бывал слишком

великодушен, всё и всех перехваливал (о чем потом жалел, волосы на себе и сотоварищах рвал), то злостью наливался, называл людей крокодилами и бегемотами.

Поговаривали, что у Николки и Виськи имеется сзади по хвосту, но эта выдумка так нелепа и вместе с тем гнусна и неприлична, что не надо почитать нужным опровергать её перед просвещенной публикой.

Николка знаменит изящной словесностью, ощущение от его опусов неизъяснимое. Читаешь, читаешь, голову повесишь — словно пальцем по пятке провели. Приятно, чрезвычайно приятно: как сон после купания. Написал Николка про синицу, которая перелетит в любое время дня и ночи окян-море и тут же его подожжет, а до середины Днепра за всю свою птичью жизнь долететь не сможет.

Да и Виська — не промах: если вlepит словцо, то держись только: отбреет лучше всякой бритвы. И сон после купания забудешь.

Несмотря на это свое несходство, редкие они были друзья и большую приязнь друг к другу имели. Николка, когда жил в Париже, каждый день с первым утренним пароходом отправлял Виське горячий суп, а из Рима однажды выслал арбуз в триста рублей.

Всё было хорошо до тех пор, пока Николка не сочинил вещицу под названием "Избранные места из переписки с гусями". Сделал он эту вещицу, сложил ручки и стал ждать, когда придет похвала от Виськи Белинского. Ну, думаю, напишу еще два тома "Мертвых душ" и отправлюсь почивать в Киево-Печерскую, а то и в Александро-Невскую лавру, и пусть мне курят фимиам.

Однако отчего-то остозлобился Виська Белинский, состряпал теперь всем известное письмо к Гоголю. Обозвал в письме Гоголя недорослем, гусаком и посоветовал поцеловаться со свиньей. Отправил Белинский письмо, начал в стороны поплевывать, да бока попирать.

— Получил письмо? — спрашивает он у Гоголя.

— Нет, не получил, милый мой друг, — отвечает Гоголь.

— Верно, Полкан еще не принес письма моего, — задумчиво заметил Белинский.

Наконец получил Николка письмо, прочитал; и очи его помутились. Крыша у Гоголя поехала, начал он болеть и чахнуть. Хотел было издать еще два тома "Мертвых душ". Ан нет! Аспушкина на дуэли убили, других советчиков нет, сюжетов свеженьких подкинуть некому, а в газетах стали писать одну чепуху, ничего оттуда не выудить. Читает Гоголь "Письмо к Гоголю" и чахнет, читает и чахнет. Читал, читал, читал — и умер. Вот как поступил бессовестный Белинский.

А сам он умер раньше Гоголя. Увидел вдруг, что не Гоголь он, не Моцарт и даже не Сальери. Тех, кого он любил хвалить — уже не было на свете, а ругаться не позволяла полиция. Опять озлобился Виська, начал хиреть и кашлять. А когда вспоминал "Письмо к Гоголю" — кашлял еще больше. И тут всякие гуси, каких Гоголь воспел, принялись клевать Белинскому голову. Пытался Белинский пыжиться для бодрости, да как-то не получалось. Делать нечего — взял он бритву и перерезал вены, но кровь не пошла. Сунул голову в петлю — верёвка оборвалась. На крепкую веревку денег не хватило.

— Куда мчишься, Русь-тройка?! — просипел Белинский и выстрелил в подмышку из револьвера, облитого ржавчиной презренья, да попал в большую медную лохань с грязной водой. И умер неизвестно отчего: то ли от чахотки, то ли от потери крови, которая все-таки пошла, то ли от петли, которая еще болталась на шее, то ли от утопления по слабости сил в большой медной лохани.

* *

Вот так! Умер Белинский и отправился прямиком в ад, только его и видели. А пан Гоголь застрял надолго после смерти в каком-то предбаннике между польским и русским раем. В итальянский рай его не взяли. Лучше промолчим, почему не взяли: все грехи имеем. А предбанник этот был давно не мыт и не чищен — оттого что чистилищем его не хотел называть никто. Пахло там всяким: прокисшими щами, луковым супом, конюшней, отхожим местом, казармой, канцелярией, ладаном, чичиковским мылом, клопами, шинелью (не "Шанелью"!), свежесмазанной тележной осью, понюшкой табаку... Очень там Гоголю невкусно пришлось. Не выдерживало такого тонкое обоняние его. Терпел, терпел и вдруг закричал Гоголь что было мочи:

— Брат Пушкин, помоги!!

Не услышал его небесный Пушкин. Произвели того без всякого повода и чиновничьих заслуг из коллежских секретарей сразу в Тайные советники, а потом в знак раскаяния сослали то ли в Габон, то ли в Камерун производить инкогнито инспекцию. Приспичило кого-то в Небесной канцелярии выяснить: отчего Гёте таким черным и неарийским на свет появился.

Пришлось Гоголю мучиться дальше. Но вот однажды потер он рукавом квадратик в стене, а это оказалось окошко. А за окошком — <эзал.....>! Вышны, яблоны, хгруши растут! Могуче <.ы.....> рэвэ! А пыд яблонэю хлопчейско Тарас Шэвчэнко сыдыть, хгалушки лопаэ.

— Пусти мэне, Кобзар Хгрыхгорыч! — загорлав Хго-хгол.

— Дак хтож тэбэ дэржэ! — говорэ Шэвчэнко.

Кое-как пролез Гоголь через окошко, часть стены сломал. И вот — <.а.> перед ним. В небесной глубине дрожит <.....> жаворонок, серебряные песни летят по воздушным ступеням. Звонкий голос перепела отдается вдали. Должно быть, вспомнил-таки Вышний столоначальник и "Вечера на хуторе", и "Миргород"...

— К <.....> — по-бурсацки пропел: Гоголь. — <.....> ты <....>, Ваше Превосходительство Невский проспект!

1997 г.

ДАЛЕКО НА БУГРЕ

Воспоминание о поездке в М..шанск

Открытое поле. Зелень ещё без матёрых колосьев. Защитные лесопосадки еле видны у горизонта. Издали можно не заметить многочисленные балки и овраги. До аэродрома километра четыре, не март-месяц, льду и снегу взяться неоткуда, но доносится настойчивый реактивный шум сопел, без конца меняющий обертоны. Или взлётные полосы не сушат, а турбопылесосят? Нашлись рационализаторы? Знаем вас. Некогда на рамы «катюш» вдвигали ящики без распаковки — от самодельных контактов за линию фронта в числе прочего летели гвозди и доски. Визжали не меньше снарядов.

Спускаемся в овражек. На склонах трава, кустарники, низкие деревца с извилистыми ветвями. У ручейка прошли окружённый заградительной канавкой пустой ленивый крольчатник. Но что это? Вижу растения совсем чуждые этому миру. У них крупные источающие слабый синий свет цветки. Не ночью, а днём. Подобных не бывает и в оранжереях. Стоп! Наступили на узкую полоску какой-то черноты. По траве и воздуху с пшиканьем поползли тончайшие молнии, захватили всё обозримое от пяток до зенита. На полсекунды они показались горящими ажурными решётками, границами-оболочками, а небо-земля — живым многоклеточным существом. Пытающимся что-то сказать. Поняли его и тут же забыли. Да никакого «стоп»! Никуда не телепортируемся, в пещеры не попадаем. Но всё вдруг и сразу стало иным. Исчезли аэродромные звуки.

Однажды (года два назад) возникла зудящая мысль: выйти из трамвая и, не доходя до конца квартала, свернуть налево по узкому проезду, поскольку, дескать, там каким-то образом начнётся *другая* жизнь, отменяющая всё лишнее. Кто подобному поддается? Одни сумасшедшие.

А здесь что-то похожее стряслось без всяких мыслей и сразу. Мир обнулится. Без нирваны-самадхитории... Увидели, осознали, поняли. Предельно отпустило, освободило. Здесь не какое-то связанное с неизвестной йогой состояние. Это что-то дальше. Гораздо глубже. Нет слов, чтобы описать происшедшее. Будто заново родились.

Вышли из овражка, когда стемнело, и пошли напропалую, не зная куда. Над полями слабо полыхала лиловая полоска. Шагалось легко. Земное притяжение ослабло? Машинально перешли насыпь с рельсами и шпалами — отодвинулись защитные рошцы. Впереди вскричал: до горизонта и в странном образом увиденных квадратах дальних далей залился разноцветными огнями полигон, будто возник из небытия огромный цех с миллионами веретён, наматывающих яркую пряжу всех красок. Подоспели ко времени ночных полётов. Но тьма над полигоном по большей части оставалась агатовой, еще больше подчеркивая огни. Изредка там-сям появлялись сиреневые отсветы.

+ +

Сейчас на электронной карте это место обозначено как «брошенный аэродром». Говорят, несколько лет там был рай скейтбордистов. Гмм... Заодно куда-то ис-

парились и расположенные восточнее цеха с веретёнами. Корова языком слизала! Кроме названия «нитрон» ничего не вспомнить. О расположенном «под бугром», то есть на дне древнего моря, центре города боюсь кого-то расспрашивать. Зато <...>. Это воскресли и вышли наружу, расцвелись полтора десятка конфессий купеческого уездного центра. Ожил букет увядший. О скопческом фаланстере в здании банка не вспомнили? Провалились сквозь землю слова Станислава Куняева о песне ветра в пустых колокольнях.

ПОСЛЕДНИЕ СУЩЕСТВА

1. БЬЕППО

Бьеппо был хозяином универсального магазина и нескольких прилегающих небоскребов. Он также владел типографией, четырьмя художественными ателье и ботаническим садом.

Спать Бьеппо предпочитал на толстой войлочной подстилке, разложенной на кафельном полу общественного туалета. Это место было и его вахтой, поскольку имело множество выгод: окна убежища выходили на площадь, а каналы вентиляции были столь совершенны, что позволяли слышать малейший шорох не менее чем за милю. Хорошая акустика стен многократно усиливала предупреждающий крик Бьеппо, возносящийся к мраморным колоннам зала с люстрами. Раскаты эха отпугивали незадачливых претендентов на территорию.

Всякое утро, после ночного ливня, он выходил на прогулку в обнимку с оторванным предплечьем гигантского пластикового манекена. Кисть куклы свободно болталась: некогда она была оторвана, но Бьеппо пришла в голову великая идея – привязать одну часть к другой с помощью куска проводки. Он совал пальцы манекена в грязь канавы и, подпрыгивая как можно выше, ставил на стенах вблизи границ своей территории устрашающие метки.

Остальные хозяева города никогда его не видели, но он чувствовал, что его уважают и обходят стороной принадлежащие ему владения. Для безмозглых чужестранных бродяжек у него были заготовлены на галереях и мансардах кучи увесистых булыжников и грома, производимые скобяными изделиями. На всякий случай он припрятал в различных местах большие стекло-металлические кинескопы. Кинескопы было удобно бросать с галерей, и, разбиваясь, они производили много шума.

Зимой, когда мостовая покрывалась красивым розовым слоем снега, гораздо легче было обманывать врагов, следить за кознями пришельцев и претендентов. Но Бьеппо не любил зиму. Холода он не боялся, разводить огонь и следить за ним Бьеппо научился давно – когда не имел теперешних владений и скитался. Он мог жить и без огня – более всего Бьеппо боялся упасть в спячку, а во время крепкого сна невозможно уберечь себя и свою собственность от проходимцев-шатунов.

Чтобы сохранить чуткость сна, ему приходилось часто жевать коричневые малосъедобные зерна. Он знал три места, где ими можно было запастись.

От зерен не исходил приятный запах гнили и плесени. Это не было бедой. Бьеппо раздражало другое, два хранилища находились на ничейной территории, а третье принадлежало соседу. Бьеппо доводил себя до бешенства, когда думал, что в третьем месте зерен особенно много, что бестолковый сосед даже не пожелал взломать ржавый замок склада, где хранились зерна. Бьеппо видел сквозь зарешеченные оконца огромные штабеля знакомых пакетов с пестрыми этикетками.

Не найти себе новый источник зерен – все равно, что умереть. Однако напасть на владельца гастрономов – толстого невоинственного соседа, невозможно. Миролюбивый толстяк бросал вовсе не кинескопы. Он умел швырять маленькие продолговатые штучки, убивающие на расстоянии, вызывающие огненный ураган, рушащие стены убежищ. Таких штучек у Бьеппо никогда не было.

Не раз Бьеппо приходила в голову мысль приобрести склад с зернами за «много», «очень много» одежды, которой он, Бьеппо, был особенно богат, но объяснить соседу, что он хочет забрать только этот склад, Бьеппо не мог, поскольку, как и всё остальное человечество, не умел говорить. Еще в юности он достиг величайшей степени развития интеллекта и был способен общаться только с Высшим разумом метagalактики

1985 г.

2. УЗВАЛИНО

Путешествие Узвалино потеряло смысл: он не мог найти на картах местности, по которой шел. Не было намеков на изменение ее однообразного вида. Но и желания вернуться назад, к оставленному на шоссе автомобилю не возникало.

Узвалино смотрел на компас, на умирающее солнце и шел дальше – туда, где заканчивалась неизвестно откуда выросшая, несуществующая на картах полоса ландшафта. Узвалино не привык поворачивать назад. За его спиной был ранец, а в нем – самое необходи-

мое: фляга с гигакалорийным горючим на случай смены автомобиля, термос с раскаленным универсальным напитком, а также особый паек, неплесневеющий, негниющий, тонизирующий. Там же в ранце лежала книга. Желтые буквы на сером переплете выстраивались в косую надпись:

ЗАПИСКИ

О

ЕРЕСИ

ГНОСЕОВИТАЛИСТОВ

Выше этого названия стояло имя автора:

Узвалино...

Узвалино считал себя единственным человеком на планете. Мало того – единственным млекопитающим. Прошло три года с тех пор, как человечество приказало долго жить.

Все годы своего одиночества Узвалино чувствовал себя превосходно. У него были источники энергии, сады и парки, библиотеки и фильмотеки, океан и реки. У него была свобода.

Узвалино шел по неожиданно возникшей темно-серой пустыне. Временами появлялись дозированные порывы ветра и тут же автоматически прекращались. Пыль шелестела. Вдали не было ничего, кроме горизонта. Функциональные облака на небе часто сменялись камуфляжно-миражными.

.....

Узвалино всегда считал, что освобождение человека от биологической жизни еще ничего не означает.

Этого недостаточно. Недостаточно разделить участь кабанов и землероек. Вот он некогда и построил на время "ч" защитное устройство...

.....

Узвалино и раньше встречал кладбища, но все они были надлежаще оформлены. Архитектором этого горизонтального места успокоения оказался неизвестный экстравагантный парабиолог. Ошибку природы, породившей организмы, он исправил весьма оригинально.

Узвалино шел по совершенно ровному плато. Горизонт был так далек, а фигурные облака – так огромны и высоки, что, казалась, он, Узвалино, идет по территории, на которой планета не имеет выпуклости, что он идет по сечению через земной шар.

Пекли одичавшие искусственные облака. Все чаще перед глазами появлялась электростатическая рябь. Слезливо блестело мертвенно-бледное солнце.

Ночь и день не меняли друг друга. Узвалино потерял счет своим привалам. Глянув на календарь, он обомлел: с тех пор, как он покинул шоссе и автомобиль, прошло четверо суток! Компас? Компас показывал правильное направление. Порывы ветра, как им и положено, соответствовали меридиану. Впервые за все три года свободы Узвалино почувствовал себя не в своей тарелке. Он чертыхнулся и ударил ногой по пеплу. Частицы пепла сцепились в мелкие диски и, планируя, плавно осели. Узвалино сильнее ударил по пеплу, подбросил его. Образовались более крупные диски и, подскочив, унеслись куда-то вбок. Да! На пыль надо было обратить внимание раньше, а не разглядывать

калейдоскопы облаков. Пустыня интересна, но что делать, когда паек кончился? Немедленно придет усталость, а с ней — потеря надежды на выход.

Ранец слишком тяжел. И всё ли в нем нужно теперь? Узвалино вытащил из ранца бутыль со сверхбензином и, размахнувшись, бросил ее. Дно фляги ударилось обо что-то твердое, скрытое под слоем пыли. Ни звука, ни огня, ни ударной волны не было, но Узвалино почувствовал взрыв.

Произошла каталитическая реакция: от горизонта до горизонта, на десятки, а, может быть, на сотни миль за него слой пепла превратился в черную нефтеподобную жидкость...

Вот оно! Вот та трансформация мира, на которую так надеялся Узвалино!

Кто думал, что произойдет именно так, без всякого умственного усилия! Над жидкостью то там, то здесь стали появляться короткие вспышки синего свечения. Было ощущение, что участки жидкости перемигиваются между собой, сообщают что-то друг другу. К вспышкам добавились бегающие разноцветные огоньки, и все приобрело целесообразность, мощь и красоту. Можно было подумать, что гигантский полигон ожидает посадки эскадры межгалактических крейсеров. Жидкость то гудела, то звенела, переходила на сухой высоковольтный треск, как бы желая настроиться на нужную волну, стремясь найти себя и не зная, с чего начать.

Восхищение происходящим вдруг исчезло. А никакая это не трансформация!! Мгновение — и вселенную охватит тартар!! Трансформация наоборот! Узва-

лино плюнул. Черная жидкость взревела и понеслась, закрутилась в барашки, прицельно взметнулась в небо – и облачный камуфляж исчез. Всё успокоилось. Но Узвалино обессилел и обезумел. Он упал. Попытался подняться, но почувствовал тяжесть в мышцах и вдруг обнаружил, что лучше ползти, чем идти. Он пополз в раннее выбранном направлении, но руки-ноги не совсем его слушались, и временами он чуть не конвульсировал, подчиняясь вибрации незримых токов, исходящих от жидкости. Все облака, кроме тепловых – предусмотренных когда-то для отопления планеты, – умерли. За горизонтом – тоже. Устройство погоды сломалось.

Узвалино полз и не видел ни неба, ни горизонта. Он полз за территорией кладбища, на равнине, обозначенной и на картах, но не ни карт, ни компаса, ни ранца у него не было.

Теперь Узвалино полз по твердому грунту, и какое бы направление он не избирал, за ним непременно устремлялись, как щупальца, языки черной нефтеподобной жидкости.

Омерзительная жидкость – "О – о – о!", ничего не поняла в "Записках о ереси гносеовиталистов". А, если и поняла, то – наоборот. Ей быстро наскучила радость бесклеточности. Она настигла Узвалино на дне оврага и, утопив, похотливо извлекла из этого странного, но занимательного существа потребный для оплодотворения код.

3. ОНДОРИКО

Меня зовут Ондорико. Я в шурфах-вершинах. Я в туннелях-консолях. Я повсюду, я — везде. Я разумно, но я проклиная свой неразумный плохо растущий кокон. Мне в нем тесно, гадко, противно. Я бы с удовольствием разнесло его на куски, но этого не дано. Дано — разделять, разделять, разделять, аккумулировать одиннадцать не похожих друг на друга зарядов, создавая потенциал, потенциал-памятник, потенциал памяти — коралл из одиннадцати измерений пространства, которое есть лже-время, масса пустых вневремен. Как быстро уничтожается прекрасное блестящее ничто, как утешителен довод, что рано или поздно одиннадцать измерений-потенциалов склеятся и творимый кокон распадется, но, увы, — я разветвлено, я построило множество миров и всё строю, строю, строю... Блестящее прекрасное ничто неисчерпаемо богато, но оно меркнет, меркнет. Скоро оно будет не то...

Абсурдное великолепие фантомических вспышек родного ничто. Оно будет не то. О кажуще-отвердевшее сновидение! Я кажуще-отвердевшее сновидение. Я кажусь, я кажусь. Меня нет, меня нет, меня нет. Я мыслю, следовательно не существую

СНОВИДЕНИЯ

1. ТРЕТЬЕ

Долгое время, больше года, не видел или не помнил р-сновидений, (сновидений, распознанных изнутри как сновидения). Это показалось странным: методика вхождения в них вроде бы освоена. Можно подумать, будто кто-то или что-то специально препятствует р-сновидениям. Так или не так, но я решил никуда не помещать сообщений о перевоплощениях, а может быть, ничего не печатать о них на компьютере. А если дело в действительности обстоит сложно, то нужна хитрость.

* *

Шла чередa сновидений. Их было много, всех или даже часть из них невозможно вспомнить. Короче говоря, возник кокон из сновидений. Я негде был, что-то делал, с кем-то говорил, но вот ситуация: над городом летают хищнейшие драконы. Не было такого, чтобы кто-то из них кого-то слопал или нечто разрушил, но от драконов исходила опасность. Я полетел по небу с факелом. В нем не было форсунки, но с его помощью удалось уничтожить не менее четырех драконов. Они были разные и довольно сильно отличались друг от друга. Понял, что сплю. И возникла мысль: не хочу просыпаться. Однако в полное знание себя не пришел,

поскольку в сновидении был совсем иной персоной, а потому не помнил об инструкциях, какие сам составил для подобных случаев. Вращаться? Ну, чуть начал вращаться. На два-три градуса. Не то это. Никакого толку не чувствуется, а потому не стал открывать глаза и решил действовать наощупь. Было темно. Решил предельно полететь вверх и коснуться того, что там находится. Был уверен, что наверху что-то есть. Полетел и коснулся рукой потолка. А внизу? Полетел вниз и там коснулся твердой поверхности. Здесь меня кто-то хлопнул рукой. Открыл глаза: я на автобусной остановке щупаю асфальт, а хлопает меня тот, кого я случайно задел ногой. Само собой, на скамейке я не лежал, а именно спустился откуда-то сверху, но рядом с остановкой. То ли ушел с остановки ногами, то ли проснулся еще раз, но оказался дома. Однако дома не сейчас, а дома двадцать пять лет назад и дома не у себя. Там стал искать тетрадь, чтобы записать сновидение, а времени не было, поскольку у меня через полчаса отходит поезд. Уже начал записывать сновидение, но здесь проснулся окончательно.

Похоже, хитрость не удалась, либо не я кого-то обманул, но обманули и запутали меня.

2. АНГЕ...

Иногда снятся железнодорожные сновидения: сортировочные колеи, перроны, кассы, составы, переходы между вагонами. Но в этот раз я был не пассажиром, но железнодорожным рабочим: вместе со своим напарником убирал пустые пассажирские составы. Мы

пользовались не пылесосами, не швабрами, а блестящими инструментами, формой похожими и на хирургические принадлежности, и на дворницкие скребки.

Вместе с нами по вагонам ходил кот. Вначале он был совсем мелким котенком, затем вырос до средних размеров. И кот помогал убирать! Ну, кот — так кот, убирает — так убирает. И вдруг мне пришло в голову задаться вопросом: "А как так он убирает? Он что мышей ловит?" И с этого момента он перестал убирать. Перестал — так перестал. Однако оказалось: он и не кот вовсе! Необычное существо уже ростом с приличную собаку: огромные глаза, на голове не шерсть, а человеческие волосы. Существо красивейшее. Четвероногий ангел! Иногда к нему подходили собаки, но не ближе чем на двадцать сантиметров, за кота не принимали и с почтением, пятясь, отступали.

Возникли проблемы. До этого он принимал не кошачьи корма, но только деликатесы, а в качестве десерта брал вишню в коньяке и тот крем-масло, которым кондитеры покрывают сверху торты. Мы ему и омаров находили. Начальство вагонов-ресторанов и буфетов, однажды подсмотрев ситуацию, запретило своим подчиненным кормить существо.

Ангел мог два дня не есть, но затем явно начинал голодать. Содержать его далее не было никакой возможности. Миллиардеры на наши объявления не отзывались. Все прочие или побаивались ангела, или, вникнув в тонкости его вкусов, брать в качестве подарка отказывались. Не хочу даже говорить о сказанном нам в зоопарке! "Котов не держим! У нас не дворец!" И прочее в том же духе.

Отвезти ангела за город и там бросить? Обречь на мучения? Короче говоря, мы решили убить ангела и сделать это нашими блестящими инструментами, похожими на дворницкие скребки. Так мы и поступили.

Только вот незадача: сновидение отказалось показывать самый акт убийства. Оно осталось как бы мысленным.

2021 г.

3. СЕГОДНЯ — ПОЗАВЧЕРА

Снилась масса сюрреалистических сновидений. Арки, эскалаторы, рядом с ними — сельская местность. Полуокружностью в виде венка горела надпись: "AMBASSADOR", причем как внутри туннеля, так и над ним, несколько дальше входа в него. Эффект: невозможно было выяснить, где именно на самом деле, выходило некое раздвоение. Внизу за туннелем с эскалатором располагался не вестибюль метро, а какой-то чужой офис. Впереди него — обычный киоск с брошюрами и газетами. В нем что-то заинтересовало, а в особенности расположенная прямо над киоском и никак не исчезающая та самая неоновая горящая надпись: "AMBASSADOR". Мое пребывание в туннеле не могло долго длиться. Чтобы задержаться, имитировал манипуляции с приведением в порядок пальто, но в конце концов его надел и вышел на улицы названной сельской местности. Их всего четыре: с садами, домами, низкими оградами. Обошел почти всё.

Подходят сумерки. Оказываюсь в кузове крытого грузовика. Брезент над передним бортом кузова плохо натянут, в щель пробивается свет. Здесь понимаю: сновидение завершилось, уже проснулся. Окошко над головой темное, но слегка светится, но этого окошка не может быть в природе вещей, настоящее окно, раз в десять большее должно располагаться в противоположной стороне. Оглядываюсь: вокруг непроницаемая тьма, горит только красная лампочка выключателя на сетевом фильтре и желтый дисплей приемника, находящегося в режиме ожидания. Дисплей виден очень четко. Еще раз оглядываюсь: кругом — тьма, но пробивается косой и чрезвычайно слабый серый свет от уличных фонарей над шторой действительного окна. Нет никаких красных лампочек и дисплеев!

Дисплей и светодиод под красным выключателем фильтра в последний раз могли гореть только позавчера.

2020 г.

4. ВОКЗАЛ

Не помню, каким способом Кривдик заманил меня в ловушку на Московском вокзале. Об этом заведении я забыл лет тридцать тому назад. А здесь ни с того ни сего приснилось слово "проводник". Уже второй раз оно снится! Никакого отношения к проводникам и к железнодорожникам вообще никогда не имел. Игрой в

проводников и в сопровождающих товарные вагоны время от времени баловались только знакомые, некогда закончившие ЛИИЖТ, но почему-то отказавшиеся от профессии инженера. Таких оказалось почему-то много: музыканты, поэты, художники, историки... — черт их разберет!

Итак, я на вокзале. Но что это? Никакого блеска и лоска! Какие-то деповские дворы. Что-то вроде спрятанного за фасадом Апраксина двора, но страшнее. Нагромождения лома, невнятные грязные конструкции, узкие проходы. А вместо Башки на деревянном шесте болтается драная шапка-ушанка: раз в десять увеличенная, один наушник гораздо длиннее другого.

После долгих хождений зашли к двум сидящим за столом с объедками персонам — карикатурным фигурам из какого-то фильма эпохи пятидесятых. Кривдик как-то незаметно растворился. Цирк! А я — в плену. Лысая красная рожа (в безобразных бакенбардах) бормочет-бормочет, наставляет на путь истинный, железнодорожный. Еще хорошо, нет перегара.

Всё-таки избавился от "приятного" собеседника. И вопроса: согласился — не согласился на его предложение — нет. Возникли иные проблемы: "Куда я попал? Где выход?" Много людей, идущих в разных направлениях. Некоторые, как на остановленном эскалаторе, движутся по стальной лестнице на узкое возвышение с будкой охраны; образовали длинный хвост. Встроился в его конец, стал подниматься, но до будки так и не дошел. Что-то не то! Должны же быть цивилизные выходы! А когда входили вместе с Кривдиком — обходились без крутых ступенек, шли по ровному месту. Теперь шеста с шапкой почему-то нет, потолка нет, но кругом — загородки. Вот старая знакомая дверь выхо-

да. Сунулся в нее, а дальше — ничего. Вроде бы улица должна быть, но ее не видно. Колдовство! Препятствия отсутствуют, только не выбраться!

Спрашиваю у мимо семяющей дамы:

— Как отсюда выйти в город?

А она показывает на ту же дверь, у которой минуту назад телепался. Двинулся в противоположную сторону. Нашел другую дверь. Толкнул ее. Я на открытом воздухе! Но передо мной не город, но волны Финского залива. Превратившийся в ржавый паром копченый вокзал — вот он, но города нет, нет зданий.

Вереница людей, но идут они не по берегу, а по щиколотки в холодной воде и нисколько этим не смущаются.

Август 2021-го.

5. ЦЕПОЧКИ

Мы находили проводники и связывались ими в цепочки по шесть-семь персон. Ряды-цепочки соединяли проводниками в колонны и так двигались по подземельям. Из-за подобных связей тьма становилась провидимой и чувствуемой. Персон в цепочке иногда приходилось менять местами, иначе они мешали друг другу и всё портили.

В расширениях ходов можно было устраивать длительные стоянки. Но упаковку от новых проводников, новой одежды и остального приходилось очень далеко уносить или подбрасывать к местам чужих стоянок. В отместку за аналогичное. Подземелья и пред-

меты, что в них находилось, принадлежали вражеской силе. Именно по брошенной упаковке она отыскивала скитальцев и уничтожала. Или делала с ними, что ей заблагорассудится.

А как подобная история начиналась? Каждый вспоминает одно и то же: все мы стоим высоко вверху у входа в подземелье привязанными к решетке. До нас доходит слабый свет снаружи. Каким-то образом мы начинаем освобождаться, обнаруживаем упакованные проводники и понимаем, как с ними надо поступать.

Что это за игра, зачем она нужна и для чего, — никто не мог сказать.

21. 04. 2023

6. СУП С КОТОМ

Кот варился в кастрюле не меньше пяти минут. Он не просто варился, но балдел в кипятке, запрокидывал голову, как после жевания корешков валерианы. Чаше в бурлящей белой пене виднелись передние лапы, грудь и шея, но иногда выпрямлялась голова то с закрытыми, то с открытыми глазами. На слова: "У вас кот варится" — никто не обращал внимания.

Тогда в отместку тупым рожам сказал: "Кис-кис!". Кот сразу выскочил, скакнул по большой раскаленной плите и прыгнул вниз, но помчался не ко мне, а на колени к Кике, которая в этот момент возилась с чем-то коту интересным.

- Я же говорил: "У вас кот варится!"
- Сейчас. Прямо, — огрызнулась Кика.

7. ЛАМИНО

Его вытащили из женщины живой или полумертвой, сникшей, исчезнувшей. Он выглядел светящимся и находился внутри прозрачного кокона. Я держал в руках этого ребёнка разговаривал с ним на беззвучном языке. Он отвечал своими движениями и всё понимал.

Его поместят в другие ложесна ещё недели на две. Такой огромный, разве влезет? Но как со стерильностью, если к нему прикасаюсь? Наверное, омоют чем-то противомикробным и протрут.

"А плацента?" — дошло минут через пятнадцать после пробуждения. Видел только голову и туловище, в упор не заглядывал в глаза, не различал еще кое-каких деталей.

И вдруг всё понял. Какой пассаж! Случай стандартный для Homo sapiens. Отчего-то воображал себя не человеком... Прозрачный кокон — это ламинат. Должна быть глянцевая ламинированная обложка. Типография обещала выпустить книгу через две недели.

8. ОТРЫВ

Без особой практики и подготовки

...выскочил в неизвестном городе. Предельно реалистичная обстановка. Название города не удалось выяснить. Жители принимали вопрос о местонахождении за шутку и отшучивались сами. Признаков сновидения не было, если не считать каких-то очень тонких и чрезвычайно разреженных облачков у некоторых проводов. Сомнение едва мелькнуло. Других тестов на бодрствование не делал (не пытался взлететь и др.). Бродил некоторое время. Локал-3? Вроде нет! Какой-то старый русский город, но без церквей. Интересные крыши. Правдоподобного названия города никто так и не произнес. Одна девица насмешливо заявила, что это Полтава. Легко опроверг: «Никто не говорит по-хохлацки!» Прохихикала.

Вскоре разозлился и стал ссориться с прохожими. Махать несуществующими руками. Воспоминание о руках прекратило бестелесное, как оказалось, путешествие и воссоединило с тривиальными координатами.

Включил Гугл. Был в Полтаве? Узнал здание Краеведческого музея и еще одно с башенками. Попался купол одного храма. Масштабированные виды не раскрывались. Ук. сайты заблокированы. Что добавить? В состоянии выхода из оболочек (Конечно, никаких БДГ!) разговаривают на универсальном языке смыслов. Хоть с марсианами, если такие объявятся.

15. 10. 2023

9. КРАТЕР И ПОВТОР

А. Кратер

Пересадка в метро. Вроде бы "Техноложка", но почему-то нужно пройти пару метров через туннель, по которому ходят поезда. Подобное бывало в сновидениях не раз. И сейчас протопал эти метры. Затем попал на какую-то разработку (и такое случалось во снах), далее направился по грунту в длинном коридоре, где валялись рельсы и всякий хлам. Пройдя ещё, оказался на "улице", но на пути гора из неровных земляных глыб, недавно набросанных, чуть расплывшихся из-за попадания воды, но теперь подсохших и твердых. Даже думал забраться на нее, но понял: наверняка где-то сорвёшься. Вокруг уже будто естественная вертикальная шахта – величественный колодец, сходный с кратером вулкана. О-о! Кратер превращается в глиняную вибрирующую глотку. Она непрерывно удлиняется, переходит в циклопическую дрыгающую трубу.

Донеслись какие-то голоса. Еще раз их услышал. Это радио, ты дома, словно бы пробудился, но хочется немедленно опять уйти в сон, двинуться в метро, назад к месту пересадки, и выбрать другой путь.

Сон в руку: два дня в метро не был, но 06. 05. в нём оказался. На одном из маршрутов проскочил нужную станцию и очутился на нестандартно спланированной "Техноложке". На ней для поездки в обратном направлении нужно делать неудобную разноуровневую петлю по коридорам.

Клубы черного мистического дыма во сне, либо труба как их подмена — для меня типичные реакции на резкую музыку, крикливые анонсы и рекламу. (Какой-то включенный динамик — единственное средство против токсичных шумов МКД, в особенности гремящих ржавых кондиционеров и всевозможных омерзительных вытяжек.)

А вообще сновиденные выси, кратер — дело известное, не стоящее свеч, однако через месяц явился кое-какой повтор.

03 — 06 мая 2024

Б. Повтор

В магазине-производстве или на складе производства. Собрался покупать доски определенного цвета и формы, несколько похожие на "профили". Длинные и узкие. Слева в складском помещении увидел то, что подходит. Присмотрелся: широковатые. Доски в положении на попа прислонены к опорам, чуть наклонены. Наверху увидел приклеенный к доске ценник. Число четырехзначное. Мужчины, в отличие от некоторых женщин, находясь в состоянии вне бодрствования, обычно не читают или правильно не запоминают чисел. Даже при "вылете из телесных оболочек" почти не воспроизводят последовательность цифр, спрятанных от прямого взгляда при бодрствовании. Всё-таки запомнил: первая или вторая цифра — двойка, третья — четверка. Еще глянул на доску: у нее слева и справа загнуты края. Мало того, что ее придется пилить вдоль, — надо будет еще выбрасывать загнутые части. Гроб какой-то.

Заведение, в которое попал, — странное: покупатели должны снимать верхнюю одежду и оставлять в раздевалке. Что-то из вещей оставил и я, в частности похожий на куртку пиджак, который не надевал лет двадцать. В помещении постоянно крутилась начальница, дама семитского или просто южного немонголоидного вида, с черными волосами, собранными в пучок. Перед уходом к ней надо было подойти. Вдруг она исчезла. [Похожих на нее женщин последний раз видел чрезвычайно давно, в командировках. Одну в 1974, другую в 1992 г.] Двинулся в здании по окрестностям склада. Дебри! Полутьма. Везде какие-то ямы, выпачканные масляными красками разнообразных цветов. Где выход? Кое-как выбрался во двор. Здесь более приличный лабиринт, что-то вроде задворок Апраксина двора, либо сходных с ними за Сенной или у всякого рода заведений на Обводном канале. После блужданий увидел путь к проходной и сам вид проходной с тыла. Однако там потребуют пропуск на выход, а его можно получить лишь у той исчезнувшей начальницы. Сверх того, в раздевалке оставил пару вещей. Вернулся назад в бестолковку полутемных переборок с ямами. Спрашиваю у проходившей девушки: "Где раздевалка?" Она показывает направление рукой. Спускаюсь по ступенькам вниз. Хм! Ступени куда-то исчезают. Нахожусь в конусообразной безвыходной воронке, будто вырытой исполинским богомолем. На ее краях разводы масляных красок, превращающих её в палитру.

В. Мораль

1. По обоим сновидениям: проваливание было действительным. Поменял лежак на более твердый.

Больше года такого не делал. Когда-то для профилактики менял мягкое на твердое через день. Убирая верхний матрас, обнаружил под ним половинку тонкой рассыпавшейся книги с комплексом упражнений при остеохондрозе. Метро протянулось внутри позвонков! Нэ психоанализа! Но лучше упражнений спать хотя бы часа четыре в ночь на доске. Сейчас изменился сезон, отключены батареи, по улицам ходят в рубашках без майки, но временами возникает коварнейший холодок-провокактор.

2. По второму сновидению. Компьютерная графика как бы отменяет обычное малевание, но вот беда: дальше узких декоративных целей и чисто дизайнерских проектов (для панно, обложек и др.) у большинства она не идет. Стилусу и мыши, во что бы они ни рядились, не угнаться за архаичными инструментами. Попробовать к ним вернуться? Много воды утекло. Нет мастерской, мало стен для развешивания и т. д и т. п. Краски в тюбиках продолжают сохнуть. Сверх того, с начала ковида в музеях и на больших представительных выставках ни разу не был. Цвета словно зовут, притягивают.

Есть и момент назойливой связанности с местами частого нахождения. Пример не новый. В конце восьмидесятых выгребными ямами представлялись два места: юг Купчина и район вокруг скрещения проспекта Газа с проспектом Огородникова. Особенно после поездок в центр города. А в 1978-м (подумать только!) — эклектичная площадь Льва Толстого: место выбегания на Кировский (Каменноостровский) Большого пр. и рядом — улицы Льва Толстого с Б. Пушкарской. Если красота въедается в глаза, то сама собой растворяется. Исключение: никогда не надоедал вид набережных с

Дворцового моста: чертоги на них сияют музыкой, невзирая на облупленность стен.

03.06.2024

Р. С. По аномальности "Техноложка" давно уступила первенство месту пересечения трех линий, в котором всем трем станциям присвоены имена с начальным "С". Воскресло стародавнее совпадение. Какой психолог консультировал? Самая нижняя "воронка" — "Спасская". Она и есть спасение? Подземный собор для чёрных месс? Ау!

Нюанс для человека, ещё не так давно застигнутого на "Садовой" двумя поездами по обе стороны платформы: туши составов перекрывали отображенное на стенах направление их движения (указателей в центре не было). Опаздывающий рисковал уехать не в ту сторону и опоздать еще больше, ухнуть в ловушку внезапно перелицованного случайностью времени.

Правда, для кого-то чрезвычайно ненормальны и страшны катакомбные переходы-трубы: "Пл. Восстания" — "Маяковская", "Невский пр." — "Гостиный двор". Особо суеверные пассажиры их старательно обходят по цивильным прямоугольным байпасам. Трафаретно вспоминается "мясорубка" из "Пикника на обочине" Стругацких и "Сталкера" Тарковского. Иногда заняты элементами угадайки многоугольные переходы под Заневской площадью и под двумя перекрестками Ивановской улицы.

Да и что говорить! Сейчас аномалии — почти все развязки, они не предназначены для пешеходов. Сплошная аномалия — перенавороченная верхотура над станцией "Ладожская". Даже трамвайную линию загнали внутрь комплекса. Город исчез из обозрения.

Софийская улица? 4—6 полос. От Складского проезда до моста Дураков⁸ через Кузьминку — ни одного обозначенного перехода. Это 10,4 км, 2 ч 20 мин пути. Люди перебегают пучок стальных давилок, этакий транспортный седалищный нерв! Автобусы мчатся без остановок, невзирая на обилие организаций по обе стороны.

Не лучше сплошные проволочные заграждения железных дорог. Удар по грибникам, а не безбилетникам.

⁸ Якобы мост Глупости (официально мост № 1). Не все "Газели" проходили под ним. Кто обзывал по-всякому водителей грузовичков, врезавшихся в перекрытие с обманкой (есть выступы, поэтому в середине оно ниже, чем по краям), а кто — чиновников, решивших для экономии уменьшить высоту пролета на два метра. Надписи на мосту, как и знаки, не предотвращали аварий.

ОЧЕРКИ

"НЕБЕСНЫЕ ЯВЛЕНИЯ"

Всякого рода рассказы о необычных небесных и воздушных явлениях, световых чудесах чаще вызывают у меня скептическое отношение. Многие что приходилось видеть в окрестностях обычного аэродрома. За пять километров от него, а иногда дальше, были расположены большие и малые доски с отражающими элементами, спрятанные среди ржаных колосьев прожектора с цветными стеклами и прочее подобное. Ночные световые пляски, лиловые и зеленоватые мистические конусы в десятки раз выше ретрансляционной телебашни возникали и тогда, когда полетов не было. Создавалась иллюзия, будто те или иные точки неба испускают лучи. А зимой 1956 года черный вечер превратился в день: небо и земля от горизонта до горизонта ярчайше на долю секунды осветились белым, затем на несколько секунд — красным. Столкнулись два самолета, но не донесся звук взрыва, не увидели самих самолетов. Решили: началась атомная война. Некоторые в соответствии с инструкцией попрыгали в сугробы и там залегли.

Говорят, временами представляли взору метеошары, падающие мишени, нечто похожее, но их никто не принимал за НЛО. При некоторых погодных условиях небесное шоу устраивала инфраструктура железной

дороги. Вокруг располагалось чистое поле и простиралась тьма без единого огонька. Именно это подчеркивало эффекты, делало их выразительными.

ФЕНОЛОГИЧЕСКОЕ

1. РОГ

Июль. 1962. Лесная поляна. Из земли торчал рог — прямой белый конус, живое существо высотой сантиметров 20—25, диаметр у основания 4—5 см. Весь покрыт отверстиями размером со спичечную головку. Явно не гриб без шляпки, хотя по консистенции больше всего напоминал гриб. Сильный аромат (не грибной, почти парфюмерный). Плюс математическая строгость формы и расположения отверстий. Ничего похожего в самых подробных описаниях и перечнях грибов не видел. У некоторых растений нечто отдаленно сходное бывает только весной и размерами куда меньше.

Что поразило? Хорошо уловимая чуждость всему. Но при том некое подчеркнутое благородство общего вида и запаха.

2. БОМБУС

Июль. 1968. Сады. Вторая половина дня, ближе к вечеру. На высоте 2—2,5 метра пролетело нечто. Форма и расцветка размыты, словно у вентилятора. Больше всего похоже на шмеля, но размером с кулак средней величины. Скорость торпеды. Траектория абсолютно прямая. Жужжания, гудения или не было, или очень слабое.

Разумеется, не рой пчел, не птица, не летучая мышь, не механизм.

3. ПРОВОД В ПЛАЗМЕ

Петарды почему-то никогда не нравились. Зато люблю грозу далекую и близкую. Стихия! Гроза — символ освобождения и раскрепощения. В ответ раскатам грома так-таки что-то отзывается за грудиной и радуется. Строго говоря, и любит грозу оно, что там находится, а вовсе не моя персона. /Можно и дальше бессчетно отрешиваться: дескать само я — не я, а душа — вовсе не моя, а чужая.../

Конец шестидесятых. Стоял у того места, где растяжка антенной мачты, крепится к талрепу, вбитому в землю костылем. В мачту ударила молния и с шипением пошла по растяжке. Грохнуло запредельно, слегка пошатнуло, но в ушах — никакой боли. Свечение све-

чением, это одно, но другое — молния словно бы не вместились в провод и шла вокруг него.

Экстаз начал ощущать не тогда, когда всё прошло благополучно, но в самый момент прохождения электричества и уж точно — грохота.

ПОРТАЛЫ

Я видел два сновидения одновременно и бодрствовал. Такое иногда бывает. Сновидения были параллельные, но не внутри друг друга, что случается гораздо чаще. Сильно мешал орущий приемник, расположенный в семи шагах от меня. Поднялся, чтобы его выключить. На половине пути оглянулся: позади неестественным образом горели два желтых прямоугольника, повернутые ко мне почти боком. Это и были два сновиденных мира, из которых я вышел. Я это чуял как дважды два четыре. Моя связь с ними была абсолютно отчетливой. Эти прямоугольники толщиной не более сантиметра и длиной с локоть были неестественны и потому, что по обыденным законам я никак не мог их видеть. Они располагались за оборотной стороной шкафа, расположенной в 120 сантиметрах от стены, а я по обычным законам мог видеть только торец шкафа и его лицевую сторону на два-три градуса и не более того. Обратную сторону шкафа я действительно не видел, а сиявшие за ней прямоугольники (над ближней длинной стороной кровати) зрел как-то сбоку самым

бесспорным образом, что в нормальном мире вроде бы невозможно. Ни окно, ни иные источники света или зеркала тем более не могли породить необычное явление.

Выключил приемник и повернулся. Прямоугольники были в наличии и ярко светились. Так. Если я вернусь к ним, то усну, а потом ничего не вспомню, а если вспомню, то решу: "Происшедшее было во сне". Стал наблюдать за феноменом. Прямоугольники стали тусклее, а затем исчезли. Вокруг и за окном — ничего необычного. Стрелка будильника перемещается, книгу можно листать и читать.

Чтобы окончательно доказать факт виденья порталов мира сновидений, собрался и вышел на улицу. Вульгарный вещный мир был вульгарным вещным миром. Где-то через полчаса прогулки пожалел о невозвращении к порталам. Возможно, там было нечто интересное и сильное. Но ведь тогда истина об их недавнем наличии была бы сомнительной.

Р. S. Много раз пытался опровергнуть случившееся, но ничего не получалось. Если бы на улице на 2—3 минуты появилось солнце, оно не смогло бы через приоткрытый край плотной портьеры осветить тот участок, а тем более попасть на обратную сторону шкафа, потребовался бы огромный разворот, иное время дня. А если нарочно осветить заднюю стенку шкафа, то она не осветит на несколько сантиметров воздух впереди себя (в освещенной бестеневыми лампами помещении), в лучшем случае будут только блики на стене параллельной шкафу. Кроме того, один прямоугольник располагался точно за другим в одном ряду, между ними был промежуток, ergo я не мог перепутать случайно подсвеченный торец шкафа с пространством за задней

стенкой. Прямоугольники были не отсветами, но самостоятельными сущностями, висящими в воздухе.

А если бы так подошел к прямоугольникам, сунул в один из них пальцы, совершил прочие эксперименты? Жалею, что не сделал этого, но тогда я точно знал, чем это кончится. Бодрствование исчезнет, перейдет в подмороженность, голую интенцию, само окажется порталом, пусть не зрения, но остаточного сосредоточения. Ведь полного растрояния в действительности не было, три состояния соприисутствовали, но были неравноправны: по большей части доминировало одно из них, остальные два приглушались; колебания, переходы совершались то в несколько секунд, то в несколько минут, то в десяток минут.

ПОСЛЕ ВТОРНИКА — ЧЕТВЕРГ

Такое случилось раза три подряд. Куда делись среды? Съели инопланетяне? Сомневаюсь. В четвертый раз решил-таки выследить среду и схватить ее! Проверил все часы, на видных местах развесил календари.

Ура! Вот она среда и прямо в шесть утра! На дисплеях — вензди, вензди. Прошла половина дня. И что толку? Неинтересно. Лучше бы среды не было.

И правда. Только солнце с южной стороны двинулось на западную, наверху включили болгарку, включили болгарку внизу, включили сбоку. Потом часа два выбивали кувалдами трубы из бетонных перекрытий. И пошло, и пошло, и пошло.

Поймал опоссума за хвост!

2022 г.

ДЕЖАВЮ

Если случались, то не более пятнадцати раз. Многие из них не запомнил. Трижды они являлись в залах библиотеки на Университетской набережной. Чаще как реакция на шум шагов и частично вид идущих по проходу читателей. Этот шум словно бы будил и открывал целый океан абсолютно идентичного и чрезвычайно давно существовавшего.

Два последних дежавю. Однажды поднялся на второй этаж дацана на Приморском проспекте и чуть не ахнул: здесь много раз бывал! Происшествие не особенно изумило: где-то видел фотографию этого места: изображение двух обращенных друг к другу оленей и прочее. Разоблачение такого простого объяснения последовало в тот же день. Кто-то из монахов забыл закрыть за собой дверь на первом этаже и в оставленную щель удалось рассмотреть большой черный и плотный материал наподобие ткани с огромными коническими выступами. Портьера? Это был бы абажур или китайский фонарь, если бы не черный цвет. Что это? Неизвестно, но эту вещь миллионы раз

видел, видел в какой-то другой жизни. Далее пришлось идти где-то в окрестностях Каменного острова. На окне одного дома оказалась недостаточно задернутой обычная занавеска, а из щели выступал всё тот же черный предмет с коническими выступами. Уже не дежавю! Но увиденное пронзило.

НЕ КОТИК

Несколько возмутил Андрей Белый. Он ничего не помнил о первых днях, пытался их реставрировать "вживанием" по Рудольфу Штейнеру, "вживанием" в мифы.

Помню. Полутемная буро-темно-светло-коричневая сепия абстрактных восприятий чередовались с натурально-бытовыми почти полноцветными, но несколько приглушенными тускловатыми картинами. Обыденный мир не перевернут.

Этот мир пришлось увидеть и запомнить в свой третий или четвертый день, а точнее, в свои третьи или четвертые сутки. Когда открылись глаза. Говорят, "абсолютно синие". Зато ничего синего не было вокруг.

Особая необычность всего этого в том, что имел честь явиться на свет на два месяца раньше положенного срока. В этом сочетании способность запоминания смертельна для физиологов. Собственно, и разглашаю пикантную биографическую информацию из чисто научных соображений.

Расстановка датировок облегчается благодаря фактам биографии, частым изменениям географических мест.

По словам отца, я родился в Гвардейске. Мать это заявление отрицала. Она уточняла время, музыку после этого времени, а именно 12 ночи и гимн Советского Союза. Вряд ли этот гимн мог раздаваться в роддоме. В связи с режимом. Пусть позже, но роддом был. Картина: вокруг меня множество каталок или столов с лежащими младенцами. Где это? Мать утверждает: это могло быть только в родильном доме и больше нигде. Иных медицинских заведений с похожей обстановкой, по ее мнению, не было.

Чей-то крик в зрительном зале, экран. На экране — большое животное семейства кошачьих (леопард, лев, тигр) в ближнем нижнем углу. Возможно, и слон по центру или чуть выше и правее. Это рижский/елгавский кинотеатр, это фильм "Тарзан". Мне — 0,5. Иного не могло быть.

Змеи? Здесь Белый угадал своим вживанием. Два вида змей. Одни веретенообразные. Другие — гигантские с огромными головами. Веретенообразные — желто-бурые, мерцающие, вне мира предметов. Гигантские — черные и красные, не облака, не туманы, не подъемные краны, ближе к миру предметов, внутри мира предметов, но сделаны из какой-то иной субстанции, словно бы эфирно-воздушные, но непрозрачные. Чаще всего змеи являлись в сумерки, но могли и в любое время.

Задолго до двух лет. Первые слова, означающие не-тривиальное: Война, Ветер, Лето. Почему-то знал, что такое война, это слово слишком часто звучало. Знал, что такое балтийский ветер. Но словом "Лето" я мысленно называл по-латвийски широкую высоченную желтую печь на зеленом пустыре, оставшуюся от разбомбленного здания.

Некоторые работы
автора:

1. Послание вундерменам. Проза. СПб., 2003, 2010.
2. В поисках беспредметного, или Вести из междуми-
рья. Шесть книг стихотворений. СПб., 2002, 2008. С приложе-
нием статей о поэзии. СПб., 2016.
3. Буквы философии. Т. 1: СПб., 2001; Т. 2: СПб., 2003..
3-е изд., СПб., 2017.
4. Этюды. Нефигуративные изображения. СПб., 2008.
5. Скважина. Статьи по литературной критике, культуроло-
гии, философии. СПб., 2009.
6. Летящая стрела (Хулиганские парадоксы-секреты
здоровья, лечения, питания, или Кунштюки с дразнилками
для ортодоксов). СПб., 2016.
7. Камень от входа, или Попытка мощи. Литературная
критика, введения в философию. Торонто, 2017.
8. Нечетные страницы Петербурга. Альбом фотографий.
Торонто, 2019.
9. Плазма. Проза для высоколобых. 3-е изд., СПб.,
2022.
10. Ключевая философия и ее окрестность. СПб., 2023.
11. Скобки икса. Литературная критика. СПб., 2024.

Максимально вычитанные варианты — через поисковик. Ссылки на ори-
гинальные файлы PDF (без нарушений графики и форматирования, с указани-
ем даты сверки) — в низу (реже верху) доведённых до упора главных *автор-*
ских страниц.

СОДЕРЖАНИЕ

БЕРЁЗОВСК-8 за Арзамасом 26. Эк-роман-лёт (61)

РАССКАЗЫ

Рыжая песня

Жизнь на планете Уйо

Крыса

Огонек

Бабье лето

Клио ("Усьямрупи")

До Клио

Мирон

Письмо к Гоголю

Далеко за бугром. Воспоминание о поездке в М..шанск

ПОСЛЕДНИЕ СУЩЕСТВА

1. Бьеппо

2. Узвалино

3. Ондорико

СНОВИДЕНИЯ

1. Третье

2. Анге...

3. Сегодня — позавчера

4. Вокзал

5. Цепочки

6. Суп с котом

7. Ламино

8. Отрыв

9. Кратер и повтор

ОЧЕРКИ

Небесные явления

Фенологическое

Порталы

После вторника — четверг

Дежавю

Не Котик